

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

3 (26)

журнал выходит четыре раза в год

НАЛЬЧИК · 2015

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 3 (26), 2015
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков* (*председатель*);
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *В.В. Наумкин*;
д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *К.Ф. Дзамихов*, д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*, д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*,
д.ф.н. *А.М. Гутов*, к.и.н. *А.Г. Кажаров*, к.и.н. *З.М. Кешева*,
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (*ответственный секретарь*), д.ф.н. *Х.Х. Малкондуев*,
к.ф.н. *Л.Х. Махиева*, к.и.н. *Р.Г. Оширов*, к.и.н. *Д.Н. Прасолов*,
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*, д.ф.н. *З.Х. Толгуров*, к.и.н. *В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
ФГБНУ «Кабардино-Балкарский
институт гуманитарных исследований»
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

© КБИГИ, 2015
Редколлегия журнала
«Вестник КБИГИ» (составитель), 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE
FOR THE HUMANITIES RESEARCH

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

3 (26)
the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 3 (26), 2015
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *H.H. Malkonduev*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Doctor of Philology *Z.H. Tolgurov*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© KBIHR, 2015
Editorial board of the journal
«KBIHR Bulletin» (drafter), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Бубенок О.Б.</i> Касоги в Киеве	7
<i>Шаов А.Р.</i> К истории изучения археологических памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Кабардино-Пятигорья	21
<i>Чочиев Г.В.</i> Некоторые проблемы адаптации черкесских иммигрантов в Османской империи во 2-й половине XIX в. (по обращениям иммигрантов к властям)	27
<i>Асанов Ю.Н.</i> Обычно-правовое регулирование сословных отношений в традиционном балкарском обществе	35
<i>Мирзоев А.С.</i> О жизни и деятельности Евгении Джамурзовны Налоевой	43

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Табаксоев И.А.</i> Гендерные отношения как один из факторов влияния на демографические процессы в Кабардино-Балкарской Республике	61
--	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Аппоев А.К., Качалаева М.А.</i> Способы образования фразеологических единиц в карачаево-балкарском, кумыкском и английском языках	68
<i>Карданов М.А.</i> Номинация живой и неживой природы как отражение самобытности адыгского этноса	73
<i>Шакова М.К.</i> Адыгская (кабардино-черкесская) драматургия постсоветского десятилетия: проблематика, авторы	76
<i>Малкондуев Х.Х.</i> Карачаево-балкарские народные сказки о животных. Мотивы об овце и козе (Аймуш и Маккуруш)	81

РЕЦЕНЗИИ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Большой вклад в мировую этнографическую науку (рецензия на коллективную монографию «Осетинская этнографическая энциклопедия» / Гл. ред. и сост. Л.А. Чибиров. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. – 686 с., илл.)	92
<i>Фоменко В.А.</i> Новый шаг к познанию этнической истории народов Кавказа (рецензия на монографию А.В. Сивера «Этническая история шапсугов Причерноморья». – Краснодар, 2014. – 191 с., илл., карты)	96
Сведения об авторах	99

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

<i>Bubenok O.B.</i> The kasogs in Kiev	7
<i>Shaov A.R.</i> The history of the study of archeological sites of the late bronze age and early iron age on the territory of Kabardino-Pyatigorye	21
<i>Chochiev G.V.</i> Some problems of adaptation of the circassian immigrants in the Ottoman empire in the 2 nd half of the XIX th century (on the Immigrant's Applications to Authorities)	27
<i>Asanov Yu.N.</i> Usually legal regulation estates relations in traditional balkarian society	35
<i>Mirzoyev A.S.</i> About the life and works of Eugeniya Dzhmurzovna Naloeva	43

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Tabaksoev I.A.</i> Gender relations as a factor of influence on demographic processes in the Kabardino-Balkarian Republic	61
--	----

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Appoev A.K., Kachalaeva M.A.</i> The method for forming phraseological units in karachay-balkar, kumyk and english language	68
<i>Kardanov M.A.</i> Nomination of animate and inanimate nature as a reflection of identity adyghe ethnos	73
<i>Shakova M.K.</i> Circassian (kabardino-circassian) drama post-soviet decade: issues, the authors	76
<i>Malkonduev H.H.</i> Karachay-balkarian national fairy-tales about animals. Motives about the sheep and the goat – (Aymush and Makkurush)	81

REVIEWS

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Great contribution to the world ethnographic science (Review to the monograph «The Ossetian ethnographic encyclopedia» / Editor and compiler L.A. Chibirov. – Vladikavkaz: Project-Press, 2013. – 686 p., ill.	92
<i>Fomenko V.A.</i> A New step to the knowledge of the ethnic history of the peoples of the Caucasus (Review to the monograph of A.V. Siver «Ethnic history of the Black Sea Shapsugs». – Krasnodar, 2014. – 191 p., ill., map.)	96
The authors of this issue	101

УДК 94(4):94(5)

О.Б. Бубенок

КАСОГИ В КИЕВЕ

В статье акцентируется внимание на том, что древнерусские летописи практически молчат о присутствии касогов в Древнем Киеве. Однако известно, что в конце X в. и в определенные периоды XI в. киевские князья устанавливали свой непосредственный контроль над Тмутараканью. Поэтому можно доверять сообщениям некоторых летописей, согласно которым после похода 965 г. князь Святослав мог поселить в Киеве часть побежденных им ясов и касогов. Также вероятно, что на стенах Софии Киевской мог оставить граффити сын касога, переселившегося в XI в. в Киев из Тмутаракани. Кроме того, в Поучении Владимира Мономаха упомянуто слово *унеин*, которое могло попасть к Владимиру от касогов еще до его правления в Киеве. Миграции касогов в Киев носили индивидуальный характер, поэтому там они быстро были ассимилированы славянами.

Ключевые слова: касоги, Киев, миграции, Повесть временных лет, Святослав, Тмутаракань, граффити, унеин, Владимир Мономах.

Этнические связи населения Южной Руси и Северного Кавказа в эпоху развитого Средневековья всегда находились в центре внимания исследователей. Однако на сегодня, к большому сожалению, мы мало знаем о присутствии адыгов-касогов на землях Киевского княжества. Хотя нам прекрасно известно, что буквально с конца X в. киевские князья периодически вмешивались в политические процессы на Северо-Западном Кавказе, где значительный процент населения составляли адыгоязычные касоги. Это в конечном итоге должно было способствовать переселению отдельных групп касогов в Киев – столицу Руси. Однако «Повесть временных лет» молчит на этот счет. Это заставляет считать, что таких переселений не могло быть. Однако так ли это?

Интересный пассаж на этот счет находим во втором томе сочинения В.Н. Татищева «История Российская». К этому следует добавить, что некоторые современные историки склонны использовать работу В.Н. Татищева как исторический источник, мотивируя это тем, что этот автор первой половины XVIII в. использовал информацию не дошедших до наших дней древнерусских летописей. Однако в его «Истории Российской» нет ссылок на те списки «Повести временных лет», откуда он брал сведения. Поэтому иногда очень сложно отделить информацию летописи от предположений и догадок самого В.Н. Татищева.

Для нас особый интерес представляет пересказ В.Н. Татищевым информации «Повести временных лет» о Восточном походе киевского князя Святослава в 965 г. Так, российский историк сообщает: «6473 (965). *Война с казарами. Каган. Казары побеждены. Беловежа. Ясы. Косоги.* Ходил Святослав на казаров. Слышавши же, казары вышли против него с князем своим каганом (136), и, соступившись войсками, учинили жестокий бой. И после долгого и мужественного обоюдного сражения одолел Святослав и град Беловежу взял. И потом пойдя, ясов и косога победил, из которых много привел в Киев на поселение, а грады их разорил (137)»¹.

Казалось бы, здесь можно вполне доверять информации В.Н. Татищева. Однако его объяснения относительно приведенного сообщения, мягко говоря,

обескураживают. Так, комментируя известия летописей о событиях 965 г., когда была захвачена хазарская крепость Белая Вежа, В.Н. Татищев отмечает: «Но греческие историки разорение оного [Белой Вежи. – О.Б.] сказывают от гетов, гл. 17, н. 68 [?]. Сие от того, что Святослав до Дуная гетами, которых он косогами именует, обладал и в Переяславле на Дунае в древней области гетов жил. Оные же казары и косоги хотя многие тогда в Русь переведены и по реке Руси в Переяславле и других градах поселены, но их еще после осталось много, ибо Нестор сказывает в Киеве приход жидов казарских из Белавежи. Что же Святослав столь великое число по Днестру, Дунаю, Бугу и Днепру городов разорил, о том свидетельствуют многие там запустелые городища, а особенно на Ингуле немалый город, камнями великими строенный, который тайный советник Неплюев при размежевании с турками в 1740 г. описал. И думаю, что оных конечное разорение и запустение от татар учинилось. Косогов же Стрыковский указывает в Литве с ятвягами, но сие после перевода их от Дуная понимать следует. Многие сходством имени ошибаются, что косогов за казаков почитают...»².

Как видим, В.Н. Татищев локализирует хазарскую крепость Белая Вежа, а вместе с ней и хазар, ясов и касогов в Подунавье. Не допустил ли В.Н. Татищев элементарную опisku? Однако при дальнейшем описании событий 967 г. В.Н. Татищев подтверждает предложенную им локализацию касогов и их соседей: «6475 (967). Святослав, как по призыву Никифора, царя греческого, на болгар, так и по своей обиде, что болгары помогали казарам, пошел снова к Дунаю. И сошлись у Днестра, где болгары, казары, косоги и ясы в великой силе Святослава ожидали, не желая через Днестр пустить. Но Святослав, перехитрив их, обойдя, вверх по Днестру перешел, где ему помощь от венгров приспела. И так дойдя до полков болгарских, после долгого сражения и жестокого боя болгар и казар победил; и взяв 80 градов их по Днестру, Дунаю и другим рекам, сам остался жить в Переяславце (138), куда ему греки уложенную ежегодную дань бесспорно присылали; с уграми же имел любовь и согласие твердое»³.

Подобные пассажи встречаются и в других частях «Истории Российской» В.Н. Татищева. Так, во фрагменте гл. 17 первого тома В.Н. Татищев упоминает информацию Диона Хризостома, согласно которой «геты Олбию взяли и весьма разорили»⁴. В комментарии к этому было отмечено: «Геты Олбию разорили. Думаю, что Святослава I разумеет. И так как столицу на Дунае в Переяславле имел... то, может, гетов к себе присовокупил и Олбию (по-русски Белувежу) разорил»⁵. Как уже отмечалось, В.Н. Татищев называл гетами касогов.

Но было, по мнению В.Н. Татищева, и другое обозначение для касогов. Так, во втором томе своей «Истории Российской» он неоднократно упоминает этническую группу «днестряне»: «Пришли на Дунай. Венгрию захватили. Моравы. Чехи. Хорваты. Сербь. Днестряне. Хорутане. Волоты, или волохи. Висла р. Лехи, или ляхи. Ленчане. Лютичи. Мазовшане. Поморяне. После многих же времен придя, вселились славяне по Дунаю и в горах, там, где Угорская земля (6) и Болгарская земля. И от тех славян многие разошлись по странам и прозвались отдельно своими именами по пределам, кто в котором поселился. Так, одни сели на реке, именуемой Морава, и от той прозвались моравы, другие чехи нареклись, иные хорваты белые, сербы, днестряне (7) и хорутане»⁶. Комментарий В.Н. Татищева по этому поводу был следующий: «7. Днестряне. Некоторый народ по реке Днестру, а особенно, думаю, казаров разумеет. В верховьях же, где нынешняя Мултянская земля, жили ясы и косоги, и, может, всех сих в одно имя заключает. В древности же река Днестр Тирас именована, и народ от нее у греков и латинян тириты и тирогеты именовались. Плиний, кн. 4, гл. 12; смотри гл. 13, н. 19, 31, гл. 14, н. 15»⁷.

Как оказывается, В.Н. Татищев не имел четкого представления не только о локализации касогов, но также и о нахождении Тмутаракани, которая соседствовала с землями касогов. Не имел он также четкого представления о происхождении

касогов. Так, в одном из примечаний о деятельности тмутараканского, а позднее черниговского, князя Мстислава он отметил: «... касоги народ был в Молдавии и переведены в Русь, но где поселены, не показано. Хотя думается, что Мстиславу из Тмутаракани за Днепр в Молдавию или даже за Киев идти было далеко, но тогда легко воюющим все было не далеко, или, может, тогда касоги с печенегами, как однородными, около верховий Дона, перейдя, обитали»⁸. В то же время В.Н. Татищев не только высказал предположение о родстве касогов с более поздними черкесами, но и первым предложил гипотезу о том, что город Черкасы в Поднепровье был основан именно кавказскими черкесами⁹.

В данном случае непонятно, почему В.Н. Татищев был склонен локализовать касогов не на Кавказе, а в Днестровско-Придунайском районе. Кажется, что причина этого в том, что касоги часто упоминались вместе с ясами-аланами. Во времена В.Н. Татищева еще живы были воспоминания том, что в позднее Средневековье в Днестровско-Дунайском междуречье существовала поселения ясов. Именно это и могло дать повод В.Н. Татищеву считать, что и в более ранний период ситуация была аналогичной. На основании этого и появилось утверждение В.Н. Татищева: «Касоги вместе с ясами в Молдавии»¹⁰.

Следовательно, имеются очень большие сомнения относительно утверждения В.Н. Татищева, что после похода 965 г. Святослав ясов и касогов «много привел в Киев на поселение». Следует отметить, что историки, жившие в более позднее время, в своих исследованиях умалчивали об этом. Так, Н.М. Карамзин, говоря о деятельности Святослава, в первом томе своей «Истории государства Российского» отметил: «Он покорил вятичей, которые все еще признавали себя данниками хана Козарского, и грозное свое оружие обратил против сего некогда столь могущественного Владетеля. Жестокая битва решала судьбу двух народов. Сам Каган предводительствовал войском; Святослав победил и взял Козарскую Белую Вежу, или Саркел, как именуют ее Византийские Историки, город на берегу Дона, укрепленный Греческим искусством. Летописи не сообщают нам о сей войне никаких дальнейших известий, сказавши только, что Святослав победил еще Ясов и Касогов; первые – вероятно, нынешние Оссы или Осетинцы – будучи Аланского племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и вблизи устья Волги; вторые суть Черкесы, коих страна в X в. именовалась Касахиєю: Осетинцы и теперь называют их Касахами. Тогда же, как надобно думать, завоевали Россияне город Таматарху, или Фанагорию и все владения Козарские на восточных берегах Азовского моря: ибо сия часть древнего Царства Боспорского, называемая потом Княжеством Тмутараканским, была уже при Владимире, как мы увидим, собственностью России»¹¹. Если игнорировать то, что Н.М. Карамзин употреблял вместо термина «Русь» обозначение «Россия», то можно отметить, что уже в конце XVIII в. взгляды этого историка мало чем отличались от подходов современных исследователей. Однако Н.М. Карамзину не было ничего известно о переселении Святославом ясов и касогов в Киев после похода 965 г.

Ничего об этом также не знал и украинский историк М. Грушевский. В первом томе своей «Истории Украины-Руси» события 964–966 гг. он видит следующим образом: «Повесть сообщает, что Святослав ходил походом на Оку и на Волгу; по дороге он встретил вятичей и, узнав, что они платят дань Хазарам, пошел на Хазар, победил их кагана в битве, взял Белую Вежу, победил Ясов и Касогов и после того новым походом победил Вятичей и заставил их платить дань»¹². Относительно же побежденных ясов и касогов М. Грушевский уточнил: «... произошла эта битва и одолел Хозар Святослав и взял город Белую Вежу; и Ясов победил, и Касогов и вернулся в Киев»¹³.

Таким образом, практически все, кроме В.Н. Татищева, долгое время не верили в то, что после похода 965 г. Святослав мог переселить побежденных ясов и касогов в Киев. Основанием для этого было молчание по этому поводу в большинстве

известных списков «Повести временных лет». Однако уже в середине XIX в. был опубликован текст Патриаршей, или Никоновской летописи, где после описания похода Святослава в 965 г., в результате которого хазарская крепость Белая Вежа была захвачена и ясы с касогами были побеждены, относительно судьбы последних отмечено: «... и приведе к Киеву»¹⁴. Однако данный пассаж, по мнению Д.С. Лихачева, отнюдь не является свидетельством того, что ясы и касоги были переселены Святославом в Киев. Д.С. Лихачев считал, что здесь речь идет о том, что ясы и касоги были приведены в зависимость от Киева¹⁵. Необходимо отметить, что оснований для этого не мало. Как уже отмечалось, во всех известных до этого списках «Повести временных лет» данный пассаж не был зафиксирован. Кроме того, считается, что Никоновская летопись относится к числу довольно поздних летописных списков, ибо она была составлена лишь в XVI–XVII вв. Обратим внимание еще на то, что первые издатели летописи отметили, что вместо «приведе к Киеву» еще возможен вариант «прииде к Киеву»¹⁶.

Однако значительно более древней считается Новгородская Первая летопись, которая представляет собой группу дошедших до нас летописных новгородских памятников или списков, близких по содержанию. Этот оригинальный памятник был полностью опубликован в середине XX в. и сразу же привлек внимание исследователей из-за ряда пассажей. К их числу следует отнести и информацию о походе Святослава в 965 г.: «Одоле Святослав Козаром, и град их Белу вежю взя. И Ясы победи и Касоги, и приведе Киеву»¹⁷. При этом издатели допускают, что вместо «приведе Киеву» возможен вариант «приведе къ Киеву»¹⁸.

А.В. Гадлю этому отрывку из Новгородской Первой летописи не был склонен доверять буквально. Его он прокомментировал следующим образом: «... Святослав, по свидетельству сохранившей наиболее древний вариант повествования о его походе на Восток Новгородской Первой летописи, повел себя необычно. Победив их («... Ясы победи и Касоги...»), он не обложил их данью, как вятичей, а потребовал от них признания вассальной зависимости от Киева («...и приведе Киеву...»). Этим он приобрел, несомненно, двух сильных союзников в борьбе с каганатом и обеспечил себе выход из глубин Хазарии на Русь...»¹⁹.

Однако то, что упомянутый фрагмент был именно в Новгородской Первой летописи, в одном из древнейших сохранившихся летописных сводов, позволяет не отбрасывать той версии, что изначально речь могла идти о какой-то миграции ясов и касогов в Киев. Это переселение было настолько незначительным, что составители других списков «Повести временных лет» не удостоили его своим вниманием. Вполне возможно, что один из подобных вариантов изложения событий 964–985 гг. и попал в руки В.Н. Татищева.

В данном случае проверить гипотезу о возможном переселении ясов и касогов в Киев после похода 965 г. можно лишь при помощи данных археологии. А для этого необходимо иметь представление о том, где Святослав в 965 г. мог встретить ясов и касогов.

Со времен В.Н. Татищева представления ученых об этом сильно изменились, хотя среди них есть расхождения в деталях. Однако практически все исследователи склонны были локализовать касогов в Предкавказье, в бассейне Кубани. Что же касается локализации ясов, то одни историки локализовали ясов в Предкавказье²⁰, а другие – вблизи Саркела на Нижнем Дону²¹. Имеется та группа исследователей, которые считают, что в 965 г. Святослав достиг низовьев Кубани и таким образом покорил касогов на Таманском полуострове, положив тем самым начало Тмутараканскому княжеству²². Г.Ф. Турчанинов вообще был склонен локализовать упомянутых ясов и касогов на Нижнем Дону²³.

С археологической точки зрения, упомянутые районы в хазарское время представляли собой зону распространения памятников салтовской культуры. Следовательно, Святослав мог переселить в Киев носителей салтовской культуры.

Следует отметить, что памятники салтовской культуры на территории Древнего Киева до сих пор большая редкость, но они иногда встречаются. Можно, например, вспомнить, что в конце XIX в. в Киеве на улице Прорезной были обнаружены катакомбы, но с трупосожжениями в урнах, что очень необычно для салтовской культуры. Однако это не помешало М.К. Каргеру высказать предположение, что тут мы имеем дело с памятником салтовской культуры. При этом исследователь ссылаясь на то, что в Киеве было также обнаружено ингумационное захоронение с горшком, который был похож на керамику Верхне-Салтовского могильника²⁴. Не меньший интерес представляют недавние исследования киевскими археологами остатков так называемого Жидовского города, расположенного недалеко от ул. Прорезной на территории Копырева конца, что в районе нынешней Львовской площади. По наблюдениям исследователей данного памятника, «открытые на городище остатки крепостной стены имеют много общего с фортификационной стеной на Теплинском городище, входившем в состав Хазарского каганата... Это городище располагалось на р. Северский Донец...»²⁵. На этом перечень памятников салтовского типа на территории Киева можно считать исчерпанным. Вполне возможно, что в Древнем Киеве процент выходцев из Хазарского каганата был незначительным.

Поэтому пока невозможно археологически проследить передвижение салтовского населения с Нижнего Дона и Прикубанья в Киев. Тем не менее, сообщение В.Н. Татищева, равно как и Патриаршей (Никоновой), и Первой Новгородской летописей о том, что после похода 965 г. Святослав мог переселить часть побежденных ясов и касогов в Киев, не лишено оснований, хотя и остается недоказанной гипотезой.

Новый же этап в переселениях касогов в Киев следует связывать с основанием Тмутараканского княжества на Тамани. Обычно исследователи обращают внимание на то, что Тмутараканское княжество, или волость, на протяжении длительного времени находилось либо под контролем черниговских князей, либо здесь властвовали князья-изгой. Однако не всегда акцентировалось внимание на том, что Тмутаракань в определенные периоды была под непосредственным контролем киевских князей. Именно такие прямые контакты должны были способствовать переселению касогов из Тамани в Киев. Рассмотрим в хронологической последовательности попытки Киева установить свой непосредственный протекторат над Тмутараканью.

Как уже было отмечено, некоторые исследователи склонны считать началом Тмутараканской волости уже поход киевского князя Святослава в 965 г. Однако данная гипотеза не находит убедительного подтверждения. Более популярным среди современных исследователей является мнение, что к основанию Тмутараканского княжества был более причастен киевский князь Владимир накануне или после его корсунской кампании в 988 г. Известно также, что перед своей смертью он отдал в удельное управление Тмутаракань своему сыну Мстиславу²⁶. Получается, что приблизительно с 986 г. по 1015 г. Тмутаракань находилась под прямым управлением киевского князя Владимира Святославича. Следующий этап следует связывать с утверждением на киевском престоле его сына Ярослава. Как известно, в 1023–1026 гг. имела место борьба между братьями Ярославом и Мстиславом за киевский престол, которая закончилась перемирием, приведшим к дуумвирату. Весьма характерно, что V Новгородская летопись под 1029 (6537) г. сообщает о походе князя Ярослава против аланов-ясов: «Ярослав ходи на ясы и взять их»²⁷. Примечательно, что об этом событии упоминает лишь одна летопись, что может свидетельствовать о незначительности масштаба похода. Поэтому проблематично говорить о походе Ярослава в Центральное Предкавказье. А.В. Гадло считал, что Ярослав по просьбе своего брата Мстислава подавлял вблизи от Тмутаракани восстание местных касогов и хазар, которых поддерживали соседи-ясы²⁸. Стало быть,

в этом, 1029 г., Ярослав мог привести в Киев с Кавказа не только аланов-ясов, но и касогов.

Весьма характерно, что летописи после этого молчат о Тмутаракани буквально до 1064 г., когда город захватил внук Ярослава Ростислав Владимирович, выгнав Глеба Святославича. Получается, что до смерти черниговского (бывшего тмутараканского) князя Мстислава Тмутаракань находилась под его непосредственным управлением. Только неизвестно, к кому перешел контроль над Тмутараканью после 1036 г., когда умер Мстислав и единовластным правителем Руси стал киевский князь Ярослав Владимирович. В.Н. Чхаидзе относительно этого высказался следующим образом: «В результате известных событий с разделением Руси между братьями возникает система дуумвирата. Тмутараканью же продолжают управлять назначаемые из Чернигова (после смерти Мстислава в 1036 г. – из Киева) посадники, одним из которых мог быть сын Мстислава – Евстафий (ум. 1031 г.). Тмутаракань утратила свой кратковременный княжеский статус. И последующие за Мстиславом князья уже не обладали теми правами, которыми пользовался на Руси Мстислав»²⁹. Таким образом, получается, что под контролем киевского князя Ярослава Владимировича Тмутаракань могла находиться с 1036 г. буквально до его смерти в 1054 г., т.е. чуть менее 20 лет.

Известно также, что после того, как в 1079 г. жители Тмутаракани схватили тмутараканского князя Олега и отправили его в Константинополь, в Тмутаракани на короткое время установилась вновь власть киевских князей. После устранения Олега киевский князь Всеволод Святославич сажает в Тмутаракани посадником Ратибора – единственного известного по имени посадника не княжеского происхождения. Посадничество Ратибора длилось недолго – в 1081 г. в Тмутаракань бегут еще два князя-изгоя – Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич, которые и изгоняют из Тмутаракани Ратибора³⁰. Как отметил Н.Ф. Котляр, «восстановление киевского посадничества в Тмуторокани могло быть одной из первоочередных задач нового киевского князя и его соправителя и сына Владимира Мономаха»³¹. Таким образом, последнее правление Киева в Тмутаракани было недлительным – с 1079 г. по 1081 г.

Не может быть сомнений в том, что при киевских князьях Владимире Святославиче, Ярославе Владимировиче и Всеволоде Святославиче касоги переселялись в Киев с Таманского полуострова. Однако древнерусские летописи прямо об этом не пишут. Но есть свидетельство иного рода, которое прямо подтверждает такие миграции.

Речь идет об обнаруженной на стенах Софии Киевской надписи. Надпись находится в южной наружной галерее собора и вместе другими граффити была нанесена на фреску «Онуфрий». Здесь мы имеем четыре строки, написанные крупными, но не всегда разборчивыми, буквами. Первый ее исследователь С.А. Высоцкий предложил перевести ее на современный русский язык следующим образом: «Дедилье (?)-касожич. Уходя от святых, я бо, господи, надеюсь прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя!»³².

Однако такая интерпретация вызвала значительное несогласие со стороны А.А. Зализняка. Во-первых, он предложил читать начальное слово надписи не как *Дедилье*, а как *Дедильце*. По его мнению, это «просто то же самое имя, что в Ипатьевской летописи, только с необычным окончанием *-е*»³³. Во-вторых, А. А. Зализняк обратил внимание на следующее: «у слов “Дедилье (?)–касожич” нет сказуемого, а отрезок *тѣму* в переводе вообще выброшен». Кроме того, он отметил еще одну особенность: «После отрезка *тѣму* на прориси С.А. Высоцкого почему-то нет вообще никаких букв (хотя остается место еще для 5–6 букв и хотя в тексте издатель дает после *тѣму* буквы *по*). На фотографии две буквы видны совершенно явственно, только это не *по*, а *то*. Видны также, хотя уже несколько слабее, и следующие две буквы: *ро*. Еще две буквы, следующие за ними, полностью

рассмотреть уже не удастся, но прослеживаемые элементы штрихов позволяют предположить, что это были **к** и **и**... Таким образом, восстанавливается отрезок **тъм[о]уторо[ка]**. Совершенно очевидно, что перед нами какое-то производное от топонима **Тъмторокань** – скорее всего, **тъмтороканец**»³⁴. В результате А.А. Зализняк предложил новую версию интерпретации и перевода этой надписи из Софии Киевской: «Дедилец-касог, тмутаракан[ец, писал], идя от святых. Ибо я, Господи, чаю прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя»³⁵. Как видим, в переводе А.А. Зализняка Дедилец фигурирует не как «касожич», а как «касог», что несколько удивляет.

Особый интерес может представлять время и обстоятельства появления надписи. На этот счет существует несколько мнений. Так, В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружинина считают, что это «надпись последней четверти XI – первой четверти XII в.»³⁶. Но, как нам известно, именно в этот период прекратились прямые связи Киева с Тмутараканью. Такую датировку надписи они обосновывают широким распространением христианства среди касогов именно в то время. Это они подкрепляют следующей информацией: «Княживший в это время в Тмутаракани Олег Святославич (1083–1094) около 1084-го или 1088 г. возвел на Зихскую кафедру русского архиепископа, монаха Киево-Печерского монастыря Николая... И Зихская епархия, и Русская церковь одинаково были подчинены Константинопольскому патриарху. ...В данном контексте обнаруженная в Киевской Софии надпись чрезвычайно интересна и важна. Она составлена касогом-христианином, носящим славянское мирское имя Дедилец»³⁷. Таким образом, исследователи дают понять, что касог Дедилец прибыл из Тмутаракани в Киев поклониться святым местам.

Паломническую версию относительно обстоятельств появления граффити допускает также А.А. Зализняк. Относительно употребления автором надписи своего мирского имени Дедилец исследователь отметил: «... он уже достаточно ревностный христианин, чтобы отправиться в паломничество к святым мученикам, но еще не привык обозначать себя в делах веры своим крестильным именем»³⁸. При этом А.А. Зализняк предполагает: «Дедилец находился в Киеве, совершив паломничество к мощам святых мучеников и, очевидно, возвращаясь домой; он пишет *ида* (а не *пришедь*). При этом *ида* в принципе может означать как 'находясь в пути' так и 'отправляясь в путь'; это значит, что он либо посетил святыни в каком-то другом месте (например, мощи святых Бориса и Глеба в Вышгороде) и возвращается через Киев, либо объектом его паломничества были святыни в самом Киеве. Скорее всего он направляется домой в Тмутаракань»³⁹. Однако это всего лишь одна из версий, предложенных А.А. Зализняком, так как на рубеже XI–XII вв., по его же замечанию, Тмутаракань уже была захвачена половцами. Поэтому для исследователя оказалось весьма затруднительным датировать приведенное граффити: «Ни палеография, ни лингвистика не дают возможности отличить, скажем, последнюю четверть XI в. от первой четверти XII»⁴⁰.

Однако существует мнение, согласно которому эта надпись была выполнена не раньше XII в. С.А. Высоцкий по этому поводу высказался следующим образом: «Графика букв надписи достаточно древняя. Первая строка написана несколько более мелким почерком, чем остальные три. Буква А – с острой петлей, Н – с укороченной перекладиной, находящейся посередине буквы, Ч – в виде чаши на ножке, "ять" – с коромыслом, немного приподнятом, как в начертаниях XII в. ...»⁴¹. Кроме того, С.А. Высоцкий обратил внимание на имя «Дедилье». По его наблюдениям, подобный антропоним имел распространение на Руси в XII в.: «Близкое по созвучию имя встречено в Ипатьевской летописи под 1175 годом, где упоминается рязанский боярин Дедильць (Дедилця). В Никоновской летописи под 1177 годом рассказывается о разгроме владимирским князем Всеволодом Юрьевичем Глеба Рязанского. Наряду с другими вельможами в плен был взят упомянутый выше боярин, названный Дедило (Дедила)»⁴².

На последнее обратила свое внимание В.Ю. Франчук, которая носителя имени Дедилец отметила среди людей черниговского воеводы Ольстина Олексича – участника похода Игоря на половцев в 1185 г., которого она склонна отождествлять с рязанским боярином с тем же именем, который был на службе у рязанского князя Глеба. В связи с этим весьма интересно следующее предположение В.Ю. Франчук: «В Лаврентьевской летописи довольно подробно говорится как о печальной судьбе самого рязанского князя, умершего в заточении, так и о судьбе его советников, перенесших с ним и позор поражения, и тягости жизни в плену. После освобождения из плена один из них оставил на стенах киевской Софии благодарственную запись-обращение к Богу»⁴³. Если следовать предположениям В.Ю. Франчук, то это случилось накануне похода 1185 г. Кроме того, видимо, на основании того, что Дедилец был касогом и в Черниговской земле традиционно проживали касоги, исследователь отметила, что «к потомкам касогов, предполагаем, могли принадлежать и черниговские ковуи и воевода Ольстин Олексич»⁴⁴.

Относительно происхождения «Коуев Черниговских» среди исследователей существуют различные мнения. Так, Д.А. Расовский считал «Ковуев Черниговских» частью «Черных Клобуков»⁴⁵, П.П. Толочко – частью торков⁴⁶, А.А. Росляков видел в «коуях» огузов-кайы⁴⁷. А.И. Попов соотносил «коуев» с частью огузов, но он не считал их племенной группой, а видел в них особый отряд, который шел в погоню за врагом (от тюрк. *ковмак* – «гнать»)⁴⁸. Однако ни у кого из исследователей не возникало идеи отождествлять «Коуев Черниговских» с касогами.

Что же касается касогов, приведенных Мстиславом в начале XI в. на земли Черниговского княжества, то В.В. Мавродин считал, что «касого-ясо-хазарская дружина Мстислава осталась в Черниговщине». В качестве доказательства этого он отметил, что еще в XVII в. «под Рыльском упоминается о “Словенской пустыне, в Касожской волости на Словенском городище, на реке Семи да на Словенском озере”». По его данным, на бывших северных границах Черниговского княжества буквально до XVII в. существовало село Касожичи, которое впоследствии получило иное название – Коробкино⁴⁹. Как видим, в Черниговском княжестве касоги оставались известными под своим прежним именем значительно позже конца XII в.

Не стоит игнорировать то, что упоминания в летописях во второй половине XII в. носителей имени Дедилец может означать не автора надписи в Софии Киевской, а совсем иных персонажей. Приходится признать, что никто из исследователей так и не смог убедительно определить время и обстоятельства появления граффити, автором которой являлся «Дедилец-касожич, тмутараканец».

В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружинина, доказывая, что Дедилец прибыл в Киев из Тмутаракани на рубеже XI–XII вв., неожиданно отмечают при этом: «...Она оставлена касогом-христианином, носящим славянское мирское имя Дедилец. Слова, написанные на совершенном древнерусском языке, свидетельствуют о глубоком и искреннем принятии писавшим христианской веры»⁵⁰. В данном случае интересно было бы знать, как проживавший в далекой и уже оторванной от Руси Тмутаракани касог Дедилец мог носить не только славянское имя, но при этом писать на «совершенном древнерусском языке»? Это было возможно только, если бы Дедилец длительное время жил на Руси.

Поэтому не лишено оснований одно из предположений А.А. Зализняка относительно места проживания Дедильца: «... не исключено и то, что он жил уже не в Тмутаракани, а где-то в Киевской земле. Ведь Тмутаракань уже на рубеже XI и XII вв. была захвачена половцами, потеряла связь с остальной Русью и, очевидно, перестала быть важным христианским центром. Следует полагать, что какое-то количество христиан ушло при этом на Русь. К сожалению, мы не знаем, раньше или позже этого момента составлена данная надпись»⁵¹. Не меньший

интерес представляет и другое наблюдение А.А. Зализняка: «Но был ли Дедилец в самом деле касогом? Не является ли слово **касожичь** просто прозвищем природного славянина? Исключить такую возможность, по-видимому, нельзя, хотя и не кажется естественным, чтобы в подобной записи человек называл себя с прозвищем. Дедилец мог также быть жителем Тмутаракани, происходящим от смешанного брака...»⁵². Относительно того, что Дедилец мог являться потомком касога А.А. Зализняк привел следующий аргумент: «... слово **касожичь** здесь можно было трактовать и просто как отчество. В самом деле, **касожичь тмutorоканець** выглядит очень похоже... Ясно, однако, что в данном случае это ничего не меняет: «касого» или «сын касога» – это реально одно и то же»⁵³.

Таким образом, имеются основания видеть в Дедице отпрыска того касога, который мигрировал из Тмутаракани и поселился на Руси. Вопрос в том, когда такая миграция была возможна? Как уже отмечалось, касоги могли беспрепятственно переселяться в Киев из Тмутаракани при правлении Ярослава Мудрого в 1029 г. или в 1036–1054 гг., а также при Всеволоде Святославиче с 1079 г. по 1081 г. Если после этого у одного из касогов в Киевской земле родился сын Дедилец, который по происшествии двух-трех десятков лет мог оставить надпись на стенах Софии Киевской, то вполне реальной может быть датировка: вторая половина XI – начало XII в.

Продолжая разговор о присутствии касогов в Киеве, хотелось бы выделить пассаж из Поучения киевского князя Владимира Мономаха, содержащийся в той части Лаврентьевской летописи, которая датирована 1096 г.: «куда же ходяще путем по своимъ землямъ . не дайте пакости деяти . отрокомъ ни своимъ . ни чужимъ . ни в селе . ни в жите . да не кляти вас начнуть . куда же поидете | идеже станете . напоите накормите . оунеина»⁵⁴. В данном отрывке особые вопросы может вызывать происхождение и значение термина «оунеин». На этот счет предлагались различные версии.

Именно это стало предметом особого интереса В.А. Воскресенского, который в конце XIX в. по этому поводу отметил: «... Буслаев (Историческая хр., с. 76) говорит, что нужно читать: “Напоите, накормите унеина”, – то есть лучше накормите иного кого-нибудь. В Русском же Хр., с. 75: “Унеин, иначе уньць, просящий, алчущий, от унити – просить” (?). Аристов (Христ. по русск. истории. Варшава, 1870) в слове “унеин” видит “юнеин” – малый, слабый, бедный. – Последнее чтение можно принять и в том случае, если в слове “унеина” видеть испорченную форму “оунеиша” (от оун – юный, малый, слабый)»⁵⁵. Именно эта последняя этимология и дала основания В.А. Воскресенскому объяснить термин **унеин** из Поучения как «бедняк, просящий»⁵⁶. В соответствии этому исследователь предложил свой вариант перевода фрагмента из Поучения Владимира Мономаха: «Во время объезда земель своих не позволяйте бесчинствовать ни своим, ни чужим слугам ни в селах, ни на полях, чтобы вас не проклинали; [напротив] куда пойдете и где остановитесь – напоите и накормите нуждающихся»⁵⁷.

С. Протопопов был склонен полностью поддержать мнение Н. Аристова, согласно которому **унеин** – «юнеин, малый, слабый, бедный»⁵⁸. Отметим, что некоторые современные исследователи также продолжали считать, что термин **унеин** имеет славянское происхождение. Так, Н.А. Мещерский указывал, что речь, возможно, идет о княжеских отроках, младших дружинниках («унеины» – по аналогии со «старейшинами»), которых Мономах предписывал накормить в первую очередь для предотвращения ими грабежей⁵⁹. Существуют и другие аналогичные объяснения, сводящиеся к славянской этимологии термина «унеин».

Однако уже давно заметили, что мнение Н. М. Карамзина было явно отличным на этот счет: «В подлиннике: “Напоите, накормите унеина” вместо хазяина. Уна значит дом на языке Кабардинском (см. Сравнитель. Слов. 4. II, с. 117). Россияне могли заимствовать сие слово от Козаров, или Касогов, Торков, Половцев, ибо

его нет в славянском и скандинавском языках»⁶⁰. На основании этого российский историк предложил свой вариант перевода интересующего фрагмента Поучения Владимира Мономаха: «Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду княжеским отрокам; и где остановитесь, напоите, накормите хозяина»⁶¹. Получается, что термин **унеин** можно объяснить из адыгских языков как «хозяин [дома]».

Из современных исследователей ярким приверженцем этой гипотезы Н.М. Карамзина оказался В.П. Кобычев, который верил в то, что в прошлом существовали интенсивные контакты между населением Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья. И для доказательства этого он привел ряд аргументов, среди которых были следующие: «Наконец, в сочинении Владимира Мономаха мы обнаруживаем и отголосок живой адыгской речи в русском языке XII в. Это известная фраза из “Поучения чадам”: “Куда же пойдете, иде же станете, напоите, накормите унеина и более же чтите гость. . . ти бо . . . прославлять человека любо добрым, любо злым” (*Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962, стлб. 246*). Загадку здесь представляет слово **унеин**, которое академик А.С. Орлов, посвятивший специальное исследование данному памятнику, пытается переводить как “нищий, странник”, что, однако, плохо увязывается с контекстом. Между тем еще Н. М. Карамзин указывал, что данное слово восходит к кабардинскому **унэ** – “дом”, откуда **унеин** значит “домохозяин” (ср. топонимическое *Уний*, *Уненъж* на Черниговщине или в кабардинском языке *унаут* – “дворовый раб”))»⁶².

Последнее в какой-то степени перекликается с предположением Н.А. Мещерского, что в Поучении Владимира Мономаха речь может идти о княжеских отроках, младших дружинниках, которых Мономах предписывал накормить в первую очередь для предотвращения ими грабежей⁶³. Вполне возможно, что термин **унеин** мог означать не «хозяин дома», а «домашний слуга» у князя. Отсюда понятно, почему их надлежало в первую очередь накормить (было необходимо предотвратить погромы местного населения). Нелогичной выглядит версия о том, что княжеские отпрыски должны кормить и поить местных домохозяев, а не успокаивать своих голодных слуг. Таким образом, термин **унеин** составной и может иметь адыго-славянское происхождение, где первая часть представляет собой корень, происходящий от адыгского **унэ** – «дом», а вторая – славянский суффикс **-ин-**, служащий для указания либо на происхождение человека (напр. Торч-ин, Яс-ин и т. п.), либо на его социальный статус (напр. боярин). Создается впечатление, что термин **унеин** мог возникнуть в смешанной адыго-славянской среде. Отсюда закономерный вопрос: где и когда Владимир Мономах мог заимствовать этот термин кавказского происхождения? В данной ситуации также неизвестно время письменной фиксации слова **унеин**. Однако установить это представляется возможным.

Еще в XIX в. С. Протопопов и В.А. Воскресенский, ссылаясь на наблюдения М.П. Погодина, сумели доказать, что Поучение Владимира Мономаха совершенно случайно находится в Лаврентьевской летописи под 6604 (1096) г. По их мнению, реальная дата составления основного текста Поучения – 1099 г. Что же касается упоминания более поздних событий, то исследователи сумели показать, что это были более поздние приписки, сделанные уже после 1099 г.⁶⁴ Из современных исследователей этого мнения продолжает придерживаться, например, А.Б. Головкин⁶⁵.

По наблюдениям В.А. Воскресенского, «Все, следующее за словами “и се ныне иду Ростову”, до последнего похода на Ярослава (1118 г.), нужно считать позднейшей вставкой, сделанной или самим Мономахом, или летописцем»⁶⁶. Если следовать этому, то получается, что в Поучении Владимира Мономаха термин **унеин** встречается в той части сочинения, которая была написана в 1099 г.⁶⁷

Поэтому остается выяснить, где Владимир Всеволодович мог иметь интенсивные контакты с касогами до 1099 г.? Напомним широко известные факты из жизни Владимира Мономаха.

Как известно, Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125) детские годы провел при дворе своего отца Всеволода Ярославича в Переяславле. С 1073-го по 1078 г. он был князем Смоленским, с 1078-го по 1094 г. – князем Черниговским, с 1094-го по 1113 г. – князем Переяславским и, наконец, с 1113-го по 1125 г. Владимир Мономах был Великим князем Киевским⁶⁸. Как видим, до 1099 г. Владимир Всеволодович еще не занимал киевский престол. Следовательно, общаться с касогами он мог лишь вне пределов Киева. Не мог Владимир Всеволодович и в Тмутаракани побывать, что являлось следствием сложных политических событий второй половины XI в.⁶⁹ Получается, что общаться с касогами Владимир Мономах мог непосредственно на Руси.

Обратим внимание на то, что в то время, когда его отец Всеволод Ярославич занимал киевский престол, Владимир с 1078-го по 1094 г. был князем Черниговским. Как уже отмечалось, В.В. Мавродин сумел доказать, что черниговские князья не только имели длительные связи с Тмутараканью, но и после смерти Мстислава на Черниговской земле еще долгое время сохранялась касожская община⁷⁰. Поэтому будет вполне логично считать, что в Чернигове в окружение Владимира Мономаха были включены местные касоги. История знает немало случаев, когда новый монарх при вступлении на престол приводит с собой в столицу своих людей, которым он особенно доверяет. Так могло случиться и с людьми Владимира Мономаха – сначала они могли переселиться вместе с ним из Чернигова в Переяславль, а оттуда – в Киев.

Не исключено, что касоги могли проживать не в самом Киеве, а под Киевом. Так, В.П. Кобычев отметил недалеко от Киева гидроним «Унава – приток Ирпени (от адыгского *уна* – “дом”, ср. по соседству река *Домашняя*)»⁷¹. В данной ситуации, можно высказать предположение, что адыгоязычные касоги поселились недалеко от славян, проживавших на берегах реки Домашняя, и назвали близлежащую к им реку названием соседней реки, но переведенным на родной язык. Однако возможна и совсем обратная картина: в глубокой древности на берегах реки Унава жили представители кавказоязычного народа, по соседству с которыми позже поселились предки славян и при этом обозначили близлежащую к ним реку переводом на родной язык названия Унавы – Домашняя.

Таким образом, приходится констатировать, что письменные источники прямо не говорят о переселении касогов в Киев в X–XII в., но косвенно дают понять нам, что касоги в это время были в столице Руси. По сравнению с Киевом, ситуация на землях Черниговского княжества была иной: летописи сообщают о переселении касогов в пределы Черниговского княжества при Мстиславе; данные топонимии также подтверждают пребывание здесь касогов. Это можно объяснить, прежде всего, тем, что связи Черниговского двора с Тмутараканью были более длительными и оживленными, чем кратковременные периоды правления киевских князей на Таманском полуострове. Кроме того, различным был и характер переселений касогов на земли Южной Руси. Если в Черниговскую землю касоги переселялись группами и проживали на новых местах компактно в составе касожских общин, то миграции касогов в Киев носили частный характер, что очень скоро приводило к ассимиляции касогов славянским большинством. Как известно, сначала потомки пришельцев теряют язык предков, а потом начинают преобладать местные имена и уже после этого меняется этническое самосознание. Это мы хорошо можем видеть на примере Дедильца, сына касога из Тмутаракани, который оставил надпись на стенах Софии Киевской. Касоги в Киеве, в отличие от своих соплеменников на Черниговской земле, не смогли создать на новом месте отдельную общину. Поэтому древнерусские летописи о них и не упоминали.

Примечания

1. *Татищев В.Н.* История Российская. М.: Ермак, 2003. Т. 2. С. 35.
2. Там же. С. 608.
3. Там же. С. 35.
4. *Татищев В.Н.* История Российская. М.: Ермак, 2005. Т. 1. С. 250.
5. Там же. С. 263–264.
6. *Татищев В.Н.* История Российская. М.: Ермак, 2003. Т. 2. С. 6–7.
7. Там же. С. 567.
8. Там же. С. 532.
9. Там же.
10. *Татищев В.Н.* История Российская. М.: Ермак, 2005. Т. 1. С. 293.
11. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. I. С. 199–200.
12. *Грушевський М.* Історія України-Руси. К.: Наукова думка, 1991. Т. I. С. 459–460.
13. Там же. С. 460.
14. Патриаршая, или Никонова летопись. Патриаршая Девятая // ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 31.
15. Повесть временных лет / Под ред. Д.С. Лихачева. М.-Л.: АН СССР, 1950. Ч. II. С. 311.
16. Патриаршая, или Никонова летопись. С. 31. Прим. и.
17. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова // ПСРЛ. М.-Л.: АН СССР, 1950. Т. III. С. 117.
18. Там же. С. 117. Прим. 39.
19. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. X–XIII вв. СПб.: ЛГУ, 1994. С. 73.
20. *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. М., 1940. Вып. 1. С. 35; *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 427–428; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М.: Наука, 1982. С. 97.
21. *Грушевський М.* Історія України-Руси. К.: Наукова думка, 1992. Т. I. С. 462; *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставроп. кн. изд., 1971. С. 199; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 220.
22. *Артамонов М.И.* Белая Вежа // СА. М.: АН СССР, 1952. Т. XVI. С. 44; *Вестберг Фр.* Записка Готского топарха // ВВ. СПб., 1910. Т. XV. Вып. 2–3. С. 248, 262; *Васильев А.А.* Готы в Крыму // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.: АН СССР, 1927. Т. V. С. 249, 251; *Мавродин В.В.* Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 178; *Папуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: АН СССР, 1968. С. 94; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск, 1995. С. 103; *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. // САИ. Е1-44. М., 1964. С. 44.
23. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М.: Наука, 1971. С. 75.
24. *Каргер М.К.* Древний Киев. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 136–137.
25. *Иевлев М.М., Козловский А. А., Минаева Н. И.* Распространение влияния Хазарского каганата в Среднем Поднепровье (к вопросу существования «Жидовского города» на территории Древнего Киева) // Хазарский альманах. Киев–Харьков, 2014. Т. 12. С. 80.
26. *Котляр Н.Ф.* Тмутараканские заботы киевских князей // Норна у источника судьбы: Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. М.: Индрик, 2001. С. 191–192; *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI вв. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2010. № 1 (5). С. 26; *Головко О.Б.* Північне Причорномор'я та Приазов'я в політичному та економічному розвитку Русі (IX – середина XIII ст.) // Український історичний журнал. 2014. № 1. С. 31–33.
27. Новгородская Пятая летопись // ПСРЛ. Пгд., 1917. Т. IV. Ст. 116.
28. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. X–XIII вв. СПб.: ЛГУ, 1994. С. 93–94.
29. *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства... С. 27.
30. *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства... С. 29–30; *Котляр Н.Ф.* Тмутараканские заботы киевских князей. С. 196–197.

31. *Котляр Н.Ф.* Тмутараканские заботы... С. 197.
32. *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев: Наукова думка, 1976. С. 59.
33. *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. и др. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000). М., 2004. Т. XI. С. 256.
34. Там же.
35. Там же.
36. *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Граффити из Софии Киевской – свидетельство христианизации касогов в конце XI – начале XII вв. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. 5. С. 155.
37. Там же. С. 157.
38. *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 257.
39. Там же.
40. Там же.
41. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской... С. 60.
42. Там же. С. 59–60.
43. *Франчук В. Ю.* Иноплеменники в структуре государственной власти Руси XII в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII чтения памяти члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. Материалы конференции. М., 2015. С. 292.
44. Там же. С. 293.
45. *Расовский Д.А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovia*. Прага, 1933. Т. 6; *Расовский Д.А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры (Киевская и Московская Русь). М., 2002. Т. II. С. 136–137.
46. *Толочко П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. К., 1999. С. 94.
47. *Росляков А.А.* Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад, 1956. С. 14.
48. *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973. С. 124.
49. *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 137.
50. *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Граффити из Софии Киевской... С. 157.
51. *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 257.
52. Там же.
53. Там же.
54. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. I. С. 172.
55. Поучение детям Владимира Мономаха / Ред. и прим. Вознесенского В.А. СПб., 1893. С. 46. Прим. 46.
56. Там же. С. 6. Прим. ц.
57. Там же. С. 13.
58. *Протопопов С.* Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений к жизни на Руси в дотатарскую эпоху // ЖМНП. 1874. Февр. С. 290. Прим.
59. *Мещерский Н.А.* К толкованию лексики одного из «темных» мест в «Почении» Владимира Мономаха // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977. Вып. 2. С. 39–42.
60. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. II. С. 133. Прим. 232.
61. Там же. С. 163.
62. *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 91–92.
63. *Мещерский Н.А.* К толкованию лексики одного из «темных» мест в «Почении» Владимира Мономаха. С. 39–42.
64. *Протопопов С.* Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений жизни на Руси в дотатарскую эпоху. С. 232, 236–237; Поучение детям Владимира Мономаха / Ред. и прим. В.А. Вознесенского С. V–VII.
65. *Головки О.Б.* Торки в історії причорноморських степів (IX–XII ст) // Etymon. До 80-річчя академіка О. Пріцака (Східний світ. 1999. № 1–2). С. 111–118.
66. Поучение детям Владимира Мономаха / Ред. и прим. Вознесенского В.А. С. VII.
67. Там же. С. 6, 8.

68. Орлов А.С. Владимир Мономах. М.-Л.: АН СССР, 1946; Брюсова В.Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // Византийский временник. 1968, Т. 28, С. 127–135; Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов н/Д.: Антей, 2014. 276 с.
69. Чаидзе В.Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства... С. 29.
70. Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 137.
71. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973. С. 91–92.

O.B. Bubenok

THE KASOGS IN KIEV

This article focuses on the fact that the Ancient Rus'ian chronicles do not mention the presence of the Kasogs in Ancient Kiev. However we know that at the end of Xth century AD and also some periods of XIth century AD the Kievan princes established their direct control over Tmutarakan. Therefore we can believe the information of some chronicles according to which after the hike in 965 AD Prince Svyatoslav could settle a part of the defeated Jases and Kasogs in Kiev. Maybe as well, a son of Kasog, migrated in Xth century AD to Kiev from Tmutarakan, could write a graffiti on the walls of the Kiev Sophia Cathedral. We can see also the word *unein* in Instruction for children by Vladimir Monomakh. He could take it from the Kasogs yet before his rulling in Kiev. Thus, the migrations of the Kasogs to Kiev were individual and therefore there they were assimilated by the Slavs rapidly.

Keywords: the Kasogs, Kiev, migration, the Tale of Bygone Years, Svyatoslav, Tmutarakan, graffiti, *unein*, Vladimir Monomakh.

А.Р. Шаов

**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-ПЯТИГОРЬЯ**

Статья посвящена истории изучения археологических памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в районе Кабардино-Пятигорья со второй половины XIX в. до настоящего времени. Рассматриваются этапы исследования основных типов археологических памятников данного региона (поселения, курганные и бескурганные могильники, клады и т.д.).

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Пятигорье, памятники предскифского и скифского времени, могильники и поселения Кисловодской котловины и северо-восточной части Пятигорья, Каменноостский могильник, могильники и городища среднего течения реки Баксан, западнокобанская культура, каменноостско-березовская культура, история изучения.

Обобщение истории изучения памятников предскифского и скифского времени района Кабардино-Пятигорья проводилось до нас. Наиболее глубоки работы Е.И. Крупнова, И.М. Чеченова, В.Б. Виноградова и В.И. Козенковой¹.

Научный интерес к памятникам эпохи поздней бронзы и раннего железа Кабардино-Пятигорья возник уже во второй половине XIX в. В 1849 и 1850 гг. при земляных работах в различных местах Северного Кавказа (в Каменноостском укреплении на р. Малке в 1849 г., в Баксанском укреплении в 1850 г., и в других местах) были обнаружены бронзовые и железные предметы, относящиеся к интересующему нас периоду. Это разнообразные бронзовые предметы: зооморфные подвески, круглые бляхи, браслеты, фибулы, колокольчики и т.д.

Вторая половина XIX столетия характеризуется общим оживлением интереса к археологическим памятникам южных окраин Российской империи. Это было связано с созданием в 1859 г. Археологической комиссии, возглавившей всю собирательскую и исследовательскую работу по археологии.

Открытие Кобанского могильника и последующая интерпретация бронзовых находок привели к спорам в ученой среде, продолжающимся и по сей день. В 1881 г. в Тифлисе состоялся V Археологический съезд, который стал важным явлением в изучении археологии Северного Кавказа. Он имел исключительное влияние на общее развитие как историко-археологического, так и этнографического изучения Кавказа.

В качестве подготовки к съезду и к последующему изданию его трудов была осуществлена ряд экспедиционных полевых работ по заранее намеченному плану. Так, в 1881–1882 гг. профессор Варшавского университета Д.Я. Самоквасов обследовал и частично раскопал несколько поселений и могильников в окрестностях г. Пятигорска, в т.ч. Каррасский могильник скифского времени на Чеснок-Горе. Были найдены костяные и бронзовые наконечники стрел, железные акинаки, клевцы, наконечники копий, различные украшения, бронзовое зеркало, сосуды с геометрическим орнаментом².

На V Археологическом съезде граф А.С. Уваров датировал кобанские находки началом I тыс. до н.э.³ и дал их детальную характеристику. После съезда материалы новых поисков и раскопок поступали в частные руки, что привело к образованию

больших коллекций кавказской бронзы. Они со временем попали в разные музеи империи. В последующем вещи аналогичные кобанским, стали обнаруживаться в других местах Центрального Кавказа. К концу XIX в. кобанские древности стали известными в России и за ее пределами.

Московское археологическое общество в 1883 г. на территории современной Кабардино-Балкарии организовало археологическую экспедицию под руководством В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского. Результатом экспедиции стало открытие ряда памятников. Были проведены раскопки у сел. Чегем и Былым и собраны коллекции предметов. В 1886 г. экспедиция Московского археологического общества под руководством В.Ф. Миллера обследовала нагорную часть Кабардино-Балкарии. В ходе исследования были собраны различные предметы скифского времени⁴.

Новый этап археологического изучения Кабардино-Пятигорья начался с середины 20-х гг. XX в. С организацией в 1923 г. Государственной академией истории материальной культуры Северо-Кавказской экспедиции под общим руководством А.А. Миллера археологические работы на Северном Кавказе приняли строго научный характер. Был составлен план систематического изучения региона. С 1929 г. началось археологическое обследование территории современной Кабардино-Балкарии при участии Нальчикского музея. В результате исследований работниками ГАИМК был добыт богатый археологический материал, в т.ч. и из ранее не изучавшихся памятников. В начале 30-х гг. XX в. появились обобщающие публикации А.А. Иессена, Е.И. Крупнова, А.П. Круглова по археологии эпохи поздней бронзы и раннего железного века⁵.

В 1929–1930-х гг. А.А. Иессен изучал древние поселения Кабардино-Пятигорья⁶. Им же были обнаружены Тырнаузские могильники скифского времени (VII–IV вв. до н.э.). А.А. Иессену при его разведках в районе Пятигорья помогал местный краевед Н.М. Егоров⁷. В обобщающей работе «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» А.А. Иессен предположил, что кобанская бронза распространилась в западном направлении, включая Кабарду и Пятигорье, «несколько заходя в степь»⁸.

В 1933 г. С.Н. Замятнин проводил раскопки могильника в Кисловодске на Крестовой и Барановской горках⁹. В 1933–1934-х гг. Б.Е. Дегеном-Ковалевским были проведены археологические исследования (в том числе и памятников эпохи поздней бронзы и раннего железного века) по среднему течению реки Баксан¹⁰. В 1946–1954-х гг. исследования в долине Баксана проводились другими археологами. В результате были получены новые данные о Каменноостском могильнике, открыты новые древние поселения и следы металлообработки в верховьях Малки и Баксана.

В 1946 г. П.Г. Акритас исследовал курган VIII в. до н.э. с двумя каменными ящиками, разрушенный при проведении дороги у моста через Малку. Подъемный материал состоял из большой орнаментированной ногтевым узором корчаги, круглодонного кубка и бронзовой фигурки бычка¹¹. В 1954 г. в верховьях Малки П.Г. Акритасом были раскопаны два каменных ящика без наземных признаков. Один из них, из двух отделений, содержал захоронение всадника с богатым набором инвентаря. Оно было датировано второй половиной VI в. до н.э. по зеркалу ольвийского типа¹².

В 1949 г. Кабардинская археологическая экспедиция во главе с К.Э. Гриневичем обследовала ряд городищ раннежелезного века, в том числе на правом берегу р. Малка, восточнее сел. Сармаково. Кроме большого количества керамики были найдены зернотерка, части обмазки древних турлучных построек¹³.

С 1949 г. началось систематическое изучение древностей Карачаево-Черкесии и Ставропольского плато сначала Т.М. Минаевой¹⁴ и Л.Н. Глушковым¹⁵, а позднее (с 1952 г.) Е.П. Алексеевой¹⁶. В Кисловодске продолжались раскопки могильника на Крестовой и Барановской горках В.В. Бобиным¹⁷ и Е.И. Крупновым¹⁸.

В конце 50-х гг. XX в. Е.И. Крупнов выработал концепцию единой кобанской культуры, включающей кабардино-пятигорский, или западный вариант¹⁹. Однако не все ученые поддержали данную концепцию. В работах Н.Л. Членовой обосновывалось общее киммерийское происхождение для каменномоностско-березовской (западнокобанской) и протомеотской групп памятников²⁰.

В 60-70 гг. интерес к западнокобанским древностям не ослабевал. В 1960 г. В.И. Горемыкина обследовала городище на правом берегу р. Большая Золка у сел. Шордаково. Среди подъемного материала имелись кости и обломки керамики характерные для середины I тыс. до н.э.²¹ В том же году В.И. Горемыкина обследовала западнокобанское селище на левом берегу р. Мокрая Золка, у сел. Псынадаха (Зольский район, КБР)²².

В 70-х гг. XX в. В.М. Батчаевым проводились раскопки Каменномоностского могильника. В 1971 г. были исследованы 11 погребений в каменных ящиках IX–VII вв. до н.э. и рубежа VII–VI – начала VI в. до н.э.²³ В 1978 г. археологической экспедицией Кабардино-Балкарского НИИ на Каменномоностском могильнике были доследованы два погребения VII–VI и VI–V вв. до н.э.²⁴

В 50–70-х гг. XX в. в Кисловодске и его окрестностях работы велись краеведами Н.Н. Михайловым и А.П. Руничем²⁵, археологами Н.Л. Членовой²⁶, В.Б. Виноградовым²⁷, С.Л. Дударевым²⁸, В.Б. Ковалевской и В.И. Козенковой²⁹. Менее интенсивно исследовались памятники северо-восточной части Пятигорья³⁰.

Во втором томе «Археологических исследований на новостройках Кабардино-Балкарии» в статье В.М. Батчаева обобщены данные о находках древностей предскифского и скифского периодов на территории Кабардино-Балкарии в 60 – начале 80-х гг. XX в. Например, в 1979 г. в 2 км к югу от села Бедык, на правом берегу р. Баксана в урочище Адай-кол в ходе земляных работ были обнаружены древние захоронения. Большинство вещей из погребений относится к VI–V вв. до н.э.³¹

В конце 80 – середине 90-х гг. XX в. в Кабардино-Пятигорье исследовались могильники Клинь-Яр III³², Лермонтовская скала³³ и другие памятники³⁴ в окрестностях Кисловодска и Железноводска; совсем недавно продолжены раскопки Каменномоностского могильника на реке Малка³⁵.

С 2004 года к югу от Кисловодска выявлено множество поселений т. н. новой археологической культуры, которая по формам и орнаменту глиняных сосудов близка западнокобанской керамике, но датируется эпохой поздней бронзы (II тыс. до н.э.)³⁶. В 2009 г. на перевале Гумбаши в междуречье Подкумка и Кубани была открыта крепость «новой археологической культуры» и с 2012 г. здесь ведутся археологические исследования³⁷.

Таким образом, в результате более чем полуторавекового археологического изучения территории Кабардино-Пятигорья был собран богатый материал. Открыто и исследовано большое количество памятников, материалы из которых в большей степени определяют значимость этой культуры для решения важных проблем исторического кавказоведения. Историческое осмысление и установление места упомянутых выше древностей в материальной культуре Кавказа не может быть произведено без сравнительного изучения соответствующих памятников протомеотской, кобанской, степной киммерийской и скифской культур.

Примечания

1. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972; Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2–5; Она же. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // Свод археологических источников.

- М., 1995. Вып. В 2–5; *Она же*. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // Свод археологических источников. М., 1998. Вып. В 2–5.
2. *Самоковасов Д.Я.* Могилы русской земли. М., 1908. С. 123–129; *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 182. № 13.
3. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2–5. С. 10.
4. *Миллер В.Ф.* Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1. С. 67; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. ... С. 15.
5. Археологические работы на реке Терек // Советская археология. М.-Л., 1937. № 3.
6. *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1941. Вып. 3.
7. *Он же*. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 29, 30; *Егоров Н.М.* Могильник скифского времени близ города Минеральные Воды // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1955. Вып. 58. С. 53–62; *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 144.
8. *Он же*. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. М.-Л., 1935. Вып. 120. С. 135, 136.
9. *Замятнин С.Н.* Отчет о работах на строительстве санатория КСУ в Кисловодске // Археологические работы на новостройках в 1932–1933 гг. М.-Л., 1935. Т. 1. С. 213–225.
10. *Деген-Ковалевский Б.Е.* Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Археологические работы на новостройках в 1932–1933 гг. // Известия ГАИМК. М.-Л., 1935. Вып. 110. Ч. II.
11. *Акритас П.Г.* Археологические работы в Кабарде в 1946 г. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1947. Т. II.
12. *Он же*. Археологические работы в Кабарде в 1954 г. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1955. Т. X.
13. *Гриневич К.Э.* Новые данные по археологии Кабарды // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1951. Вып. 23.
14. *Минаева Т.М.* Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловск // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1947. Вып. XVI; *Она же*. Из истории археологических обследований верховий р. Кубани // Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института. Ставрополь, 1951. Т. VII.
15. *Глушков Л.Н.* Хроника о работах в Ставропольском крае в 1955–1956 гг. // Советская археология. М., 1957. № 4.
16. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971; *Алексеева Е.П.* Археологическая карта Карачаево-Черкесии. М., 1992.
17. *Бобин В.В.* Могильник и поселение VII–VI вв. до н.э. на Барановской и Крестовой горах // Труды Крымского филиала мединститута. Симферополь, 1958. Т. XIX.
18. *Крупнов Е.И.* О происхождении и датировке кобанской культуры // Советская археология. М., 1957. № 3; *Он же*. Новые данные по археологии Северного Кавказа // Советская археология. М., 1958. № 3.
19. *Он же*. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
20. *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник. М., 1984.
21. *Горемыкина В.И.* Поселения бронзового и железного веков на территории Центрального Предкавказья // Тезисы докладов на научно-теоретической конференции в 1965 году в Минске. Минск, 1965.
22. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант ... С. 28.
23. *Батчаев В.М.* К вопросу о датировке Каменноостского могильника // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 99–105.
24. *Он же*. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 8.
25. *Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т. IV; *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 184–199; *Дударев С.Л., Рунич А.П.* К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. (на примере Пятигорья). Грозный, 1992.

26. Членова Н.Л. Султан-гора III – двуслойный памятник эпохи раннего железа под Кисловодском // Археологические открытия 1976 г. М., 1977; Она же. Могильник VI в. до н.э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
27. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972.
28. Дударев С.Л. Поселение «Подкумский мост» // VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978; Он же. Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 3. С. 15–100.
29. Ковалевская В.Б., Козенкова В.И. Новейшие раскопки поселения поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы II в Карачаево-Черкесии // IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979; Она же. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // Советская археология. М., 1982. № 3. С. 14–33; Ковалевская В.Б. Военские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983; Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних кобанцев. Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М., 2004. 220 с.
30. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Минераловодский могильник VI–IV вв. до н.э. // Известия Юго-Осетинского НИИ. Цхинвали, 1976. Вып. XX; Фоменко В.А. Памятники предскифского и скифского времени на территории Пятигорска // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Вып. 3. С. 120–135.
31. Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т. 2.
32. Андреева М.В., Козенкова В.И. Комплекс начала I тысячелетия до н.э. из урочища Клинь-яр (Кисловодская котловина) // Советская археология. М., 1986. № 1; Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991; Флеров В.С., Дубовская О.Р. Мужские погребения кобанского могильника Клинь-яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. М., 1993. Вып. 1. С. 262–303; Белинский А.Б., Дударев С.Л., Харке Х. Об опыте социального ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клинь-яр III // Донская археология. Ростов н/Д., 2001. № 3–4; Белинский А.Б. Могильник Клинь-яр III как источник по изучению культуры населения Кавминвод в раннем железном веке // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
33. Маслов В.Е. Новые находки из окрестностей г. Кисловодска // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991; Березин Я.Б., Дударев С.Л., Фоменко В.А. Жреческий комплекс скифского времени из Пятигорья // Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1993; Березин Я.Б., Дударев С.Л. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 1.
34. Дударев С.Л., Фоменко В.А. Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. Армавир, 1996; Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск, 2005.
35. Зуев В.Ю. Каменноостский могильник в Кабардино-Балкарии: история изучения и новые материалы // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. XXVII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 188–190.
36. Белинский А.Б., Коробов Д.С., Райнхольд С. Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового – раннего железного века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX: археология, краеведение. С. 177–220.
37. Белинский А.Б., Райнхольд С., Мишина Т.Н. Гумбаши – «крепость» эпохи поздней бронзы на перевале Гумбаши между реками Подкумок и Мара // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. М., 2014.

A.R. Shaov

**THE HISTORY OF THE STUDY OF ARCHEOLOGICAL SITES
OF THE LATE BRONZE AGE AND EARLY IRON AGE
ON THE TERRITORY OF KABARDINO-PYATIGORYE**

The article is devoted to the history of the study of archaeological monuments of the area Kabardino-Pyatigorye Late Bronze Age and Early Iron Age in the second half of the XIX century until now. Considered the stages of the study of the main types of archaeological sites in the region (settlement, burial under mounds, Cemeteries, treasures).

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Pyatigorye, scythian monuments, burial grounds and settlements Kislovodsk basin and the north-eastern part of Pyatigorsye, Kamennomostsky burial, burial grounds and settlements of the middle reaches of the river Baksan, west koban culture, Kamennomostsko-Berezovskaya culture, history of research.

Г.В. Чочиев

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ЧЕРКЕССКИХ ИММИГРАНТОВ
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIX в.
(по обращениям иммигрантов к властям)**

В статье рассматриваются особенности процесса социальной адаптации черкесских иммигрантов в Османской империи на основе анализа жалоб и прошений, подававшихся ими властям в первые десятилетия после поселения.

Ключевые слова: Османская империя, черкесы, иммиграция, поселение, социальная адаптация, прошения.

Проблема этносоциальной адаптации примерно 1 млн адыгов и представителей других народов Северного Кавказа, мигрировавших в Османскую империю на заключительных стадиях Кавказской войны и в последующий период, в последние десятилетия достаточно прочно вошла в сферу интереса исследователей. Вместе с тем многие вопросы экономической, общественной, политической и идеологической адаптации, трансформации и интеграции переселенческих групп все еще остаются недостаточно изученными либо дискуссионными, что диктует необходимость продолжения исследований в данном направлении при существенном расширении их источниковой базы за счет привлечения новых архивных, в особенности османских, материалов.

В этом исследовании нами ставилась цель проанализировать сравнительно ограниченную категорию османских документов – индивидуальные и коллективные обращения, направлявшиеся в официальные органы самими черкесами и засвидетельствовавшие их реакцию на обнаруженные в стране реалии – как источник, способный пролить свет на отдельные стороны адаптационного процесса. Хотя нам была доступна относительно небольшая часть материалов этого рода¹, она, на наш взгляд, дает представление об основных вопросах, с которыми сталкивались иммигранты в ходе расселения и первичной социально-экономической адаптации в принявшем их государстве. Далее мы попытаемся систематизировать и коротко охарактеризовать эти обращения в зависимости от их содержания и тематики².

В конце 50 – первой половине 60-х и в конце 70 – начале 80-х гг. XIX в., когда имели место наиболее массовые переселенческие волны с Кавказа, внимание османских властей было сосредоточено на решении задач, связанных с размещением новых подданных и их наделением материальными средствами для скорейшего вовлечения в самостоятельную производительную деятельность. Однако из-за чрезвычайно высоких, зачастую неожиданных для Порты темпов прибытия людей, ограниченности ресурсов казны и дефицита квалифицированных кадров на местах предпринимавшиеся усилия не всегда приводили к желаемым результатам, что нашло отражение в обилии обращений и просьб иммигрантов по этой проблематике.

Важнейшей предпосылкой их успешного обустройства являлся оптимальный выбор мест расселения. Порта, как правило, стремилась заблаговременно определить регионы колонизации и имевшиеся в них площади свободных земель с учетом интересов государства и переселенцев. Тем не менее последними нередко высказывались особые пожелания и требования по данному вопросу.

В поданных предводителями многих групп вскоре после прибытия в страну заявлениях присутствуют просьбы о постоянном поселении в определенной местности. Эти предпочтения диктовались как соображениями хозяйственно-экономического свойства (желанием обосноваться в благоприятных в природном и инфраструктурном отношениях районах), так и факторами социального характера (стремлением сохранить единство общины, избежать нежелательного соседства и т.п.). Например, в датированном 1861 г. прошении 56 семейств хатукаевцев, направленных в округ Кайсери, но не получивших помощи от местных жителей – полукочевников-туркмен, – выражалась надежда на поселение на близлежащем плато Узунъяйла на юге Сивасского вилайета, мотивировавшаяся наличием там оседлого населения, способного материально поддержать их до сбора первого урожая, а также тем, что в указанной области уже проживала часть их соплеменников³.

Во многих документах единственным мотивом выбора черкесами тех или иных мест выступает именно тяготение к компактному поселению, объяснявшееся прочностью традиционных внутриобщинных уз и опасением их утраты в чужеродном окружении. Так, в относящемся к началу 60-х гг. прошении предводителя 400 кабардинских семейств Хатожук-оглу Чолак-Мехмед-бея отмечалось, что его подопечные в результате длительных скитаний по Анатолии, незнания турецкого языка и разъединения их во время зимовки чиновниками оказались в крайне затруднительном положении, для избавления из которого испрашивалось позволение «вновь собрать их вместе» и поселить на пустующих землях в округе Чорум⁴. Главы еще нескольких кабардинских общин, находившихся в округе Болу, обеспокоенные намерением чиновников расселить их вперемешку с местным населением, лично представили в 1861 г. в канцелярию великого везира заявление, в котором подчеркивали пагубность для них такого решения и просили изыскать свободные площади в том же округе или отправить их в район Узунъяйла⁵, превратившийся к началу 60-х гг. в один из основных центров притяжения северокавказцев в Анатолии.

Стремление к совместному поселению нередко изъявляли и представители различных по происхождению кавказских групп, рассчитывавшие таким образом расширить на локальном уровне привычное этносоциальное пространство и одновременно облегчить себе задачу интеграции в качестве особого сообщества в местную среду. Примером такого рода может служить просьба лидеров направленных на плато Узунъяйла партий хатукаевцев, кабардинцев, дагестанцев и чеченцев о создании для них в этом перспективном с точки зрения природного и социально-экономического потенциала, но слабо обжитом районе Пынарбаши нового поселка в 500–600 дворов. Важным основанием для объединения групп в прошении также называлась необходимость защиты от нападений туркменского племени афшаров, которое претендовало на эти земли⁶.

Большинство подобных обращений находило понимание у властей как по причине наличия в империи в 50–60-х гг. значительных резервов неиспользуемых плодородных земель, так и ввиду сочувственной по отношению к иммигрантам позиции центрального руководства, которое в своих резолюциях на данные просьбы часто считало нелишним подчеркнуть необходимость идти навстречу людям, «ради сохранения религии и чести ищущим убежища под сенью Высокого Государства»⁷. Правда, по мере сокращения земельных запасов в стране выполнение таких просьб усложнилось, особенно в случаях, когда дело касалось «окончательно поселенных» групп, успевших получить от государства и населения определенную материальную помощь, но требовавших перевода в другие районы. К примеру, поданное в 1862 г. 32 семьями, не сумевшими приспособиться к климатическим условиям округа Сарухан Измирского вилайета, прошение о переселении в Сивасский вилайет, предпочтительно на плато Узунъяйла, было

удовлетворено лишь после специального расследования, подтвердившего факт гибели части иммигрантов и их прогрессирующего обнищания. При этом в ответе Порты оговаривалось, что переезд должен осуществляться за счет самих черкесов и данный пример не может распространяться на другие группы в указанном регионе⁸.

Еще одной распространенной причиной просьб о смене мест поселения являлось стремление к воссоединению с родственниками. Обращения этого рода обычно исходили от небольших групп людей и довольно легко удовлетворялись⁹.

Заметная доля документов содержит жалобы на различного рода недостатки, имевшие место в процессе первичной экономической аккомодации иммигрантов. Судя по всему, существенная часть прибывших с Кавказа групп сталкивалась с фактами нарушений при обеспечении их землей, жильем, сельскохозяйственным инвентарем, денежными и натуральными выплатами. Отправители многих обращений характеризовали свое положение как критическое. Так, в 1861 г. представители более 40 черкесских семейств, временно размещенных в округе Измит, информировали власти о том, что из-за халатности чиновников им не выделяются земельные участки и орудия труда и нерегулярно выдаются поденные пособия, что ставило их на грань полной нищеты. Напоминая, что они «покинули родину и претерпели неимоверные трудности ради исламской религии и государства», черкесы просили срочно изыскать для них в пределах округа подходящие земли и не прерывать вплоть до их окончательного обустройства выдачу пособий¹⁰. В том же году 35 семейств, находившихся в округе Эскишехир, отмечали, что в преддверии зимы пребывают в бедственном положении ввиду задержки строительства для них домов и непредоставления рабочего скота и семян, моля оказать им незамедлительную помощь¹¹.

Как можно заключить из зафиксированной в документах реакции официальных органов, Порты достаточно серьезно относилась к подобным сигналам, даже если речь шла о небольших партиях иммигрантов, отдавая на места недвусмысленные распоряжения относительно скорейшего обеспечения их потребностей, а при необходимости направляя туда более квалифицированных чиновников и выделяя дополнительные средства. В целом ряде обращений черкесов выражаются благодарность и удовлетворение в связи с мерами стамбульской и провинциальных администраций и отдельных служащих по разрешению возникших сложностей¹². Тем не менее наличие на протяжении всего рассматриваемого периода большого количества однотипных и даже повторяющихся жалоб, исходивших порой от одних и тех же общин, наводит на мысль о невысокой эффективности реализации предписаний центрального руководства на локальном уровне. Например, факт поступления в 1888 г. в министерство внутренних дел жалобы от группы черкесов, в течение десяти лет пребывавших в округе Нигде в непоселенном состоянии¹³, свидетельствует о том, что даже на этапе, когда проблема обустройства иммигрантов утратила былую остроту ввиду значительного сокращения масштабов их притока в страну, продолжали иметь место случаи крайнего бедствования среди переселенцев¹⁴.

В части обращений высказываются просьбы об урегулировании отношений черкесов с местным населением. Как правило, предметом раздоров становились государственные, формально пустующие земли, находившиеся в фактическом пользовании коренных жителей или являвшиеся объектом их притязаний. Размещение на них иммигрантов нередко вызывало крайне негативную реакцию местных заинтересованных кругов, которые пытались силой либо посредством судебных тяжб воспрепятствовать водворению переселенцев. Такие ситуации толкали иммигрантов на поиск помощи у стамбульских властей. В качестве типичного примера можно указать на датированное 1861 г. прошение малочисленной группы абазинцев об ограждении их прав на выделенные им в округе Измит

земли от посягательств имевших на них свои виды влиятельных лиц, включая главу провинциального меджлиса и представителей духовенства¹⁵. О сходном положении сообщала официальным инстанциям в 1862 г. и черкесская община, направленная в округ Кютахья¹⁶. В обоих случаях центральным правительством были даны предписания оградить интересы иммигрантов от незаконных вмешательств, причем специально подчеркивалась недопустимость препятствования политике расселения новых подданных на свободных казенных землях.

Изученные документы отражают и отдельные аспекты адаптации в османском государстве различных социальных групп переселенцев. Если для их преимущественно крестьянского большинства проблема приспособления к местным реалиям сводилась прежде всего к успешному налаживанию хозяйства, то для относительно ограниченной категории лиц, изначально принадлежавших к неаграрным слоям либо желавших в них инкорпорироваться, задача нахождения собственного места в структуре принявшего общества носила гораздо более актуальный и зачастую безотлагательный характер. Это подтверждается значительным количеством обращений к властям от представителей данной категории с просьбами о помощи в обретении устраивавшего их социального и профессионального статуса, причем содержание прошений выявляет и существовавшие в этой сфере предпочтения.

В частности, очевидно преобладание просьб о приеме на военную службу. Несмотря на предоставлявшиеся Портой отсрочки от призыва в армию, заметная часть иммигрантов делала ставку на карьеру профессиональных военных или многолетнюю службу в войсках на договорной основе. Подобные установки были во многом подготовлены военизированным характером общественного уклада и быта мигрировавших групп. Некоторые свидетельства указывают, что еще на стадии иммиграции в черкесской среде имело место позиционирование себя как потенциальных защитников нового отечества и давшего им приют султана-халифа. Так, в упомянутом прошении Хатожук-оглу Чолак-Мехмед-бея акцентировалась готовность каждой черкесской семьи выдвинуть «для ислама и Высокого Государства» одного конного воина¹⁷. Вместе с тем несомненно, что важным стимулом для вступления в различные регулярные и иррегулярные подразделения являлась возможность быстрого достижения таким путем известного уровня материального достатка, столь необходимого многим переселенцам. Ряд документов первой половины 60-х гг. подтверждает довольно значительные масштабы обращений северокавказцев с просьбами о зачислении на «добровольную и оплачиваемую военную службу». Османское руководство, санкционировавшее в связи с этим создание нескольких кавалерийских «черкесских полков», благосклонно относилось к подобным устремлениям, хотя и требовало от заявителей представления надежных поручительств их надлежащей службы в армии вплоть до окончания срока действия контракта, составлявшего обычно пять лет¹⁸. Всплеск мобилизационного энтузиазма в северокавказской среде был отмечен и после начала Русско-турецкой войны 1877–78 гг., когда тысячи недавних переселенцев вступили в иррегулярные конные части, сформированные в Анатолийской и Балканской османских армиях. Поддержку получали, как правило, и прошения иммигрантов из числа бывших офицеров царской армии, желавших продолжить карьеру в султанских войсках¹⁹.

Благодаря активному вступлению и рекрутированию черкесов в османские вооруженные силы уровень их представленности в них уже в 60–70-х гг. был, несомненно, гораздо выше, чем можно было ожидать в условиях еще не истекших у значительной их части конскрипционных льгот. Косвенно это подтверждается и немалым числом обращений к властям от черкесов – ветеранов различных войн и членов их семей – с просьбами о пожаловании за заслуги на фронте наград, назначении пенсий, пособий и оказании иной помощи²⁰.

Рассмотренные материалы зафиксировали ориентированность представителей неаграрных слоев иммигрантов на интеграцию в состав не только военного класса,

но и других сегментов османской государственно-бюрократической системы, хотя и в меньшей степени. Поступавшие от переселенцев с первых лет их пребывания в стране заявления в соответствующие инстанции содержат просьбы о приеме на работу в правоохранительные и гражданские административные органы на должности среднего и нижнего звена: искомые вакансии варьировались от учетчика хлеба при городской управе и рядового полицейского до главы уездной администрации и майора жандармерии²¹. Насколько можно судить по известным фактам, существенная часть подобных обращений удовлетворялась властями, а отказы мотивировались обычно недостаточным профессиональным и образовательным уровнем заявителей. Например, в 1886 г. министерство внутренних дел отклонило прошение о назначении жандармским капитаном отличившегося в кампании 1877–78 гг. некоего Мехмед-хана ввиду его неграмотности, но при этом установило ему подходящее денежное содержание²².

Бросается в глаза также высокая степень нацеленности переселенцев, прежде всего выходцев из аристократии, духовенства, торговцев и других сравнительно просвещенных и состоятельных слоев, но отнюдь не только, на получение современного образования на новой родине. Часто в первые же дни и месяцы после иммиграции ими направлялись властям заявления, касавшиеся поступления в различные учебные заведения или приема туда близких²³. Несмотря на видимое преобладание в начальный период просьб о получении военного образования, в последующие десятилетия отмечается рост числа прошений о зачислении в гражданские учебные заведения среднего и высшего уровня, а также в самые разные профессиональные школы – от религиозных до музыкальных²⁴.

Специфический характер носят обращения переселенцев из числа лиц духовного звания. Представители этой категории не без оснований рассчитывали во владениях халифа на особое покровительство и заботу со стороны официальных органов. Высказывавшиеся ими просьбы, как правило, были направлены на получение от государства материальной и социальной поддержки и создание условий для должного выполнения ими соответствовавшей их сану миссии (поселение в крупных религиозных центрах, обеспечение возможностей для профессиональной деятельности или учебы и т.п.) и обычно находили понимание у властей. Практически всегда удовлетворялись и просьбы представителей духовенства о помощи в отбытии в Хиджаз для совершения хаджа или поселения там в качестве отшельников-молитвотворцев (*муджавиров*)²⁵.

Особое место занимают прошения, вызванные к жизни такими, присущими традиционной социальной структуре многих кавказских групп, но не вполне сочетавшимися с османской правовой системой институтами, как патриархальное рабство и сопутствовавшая ему работорговля. Не вдаваясь в рассмотрение проблем, порождавшихся этими феноменами в османском обществе, отметим, что в первые годы и десятилетия после массовых иммиграций были зафиксированы, с одной стороны, усиление представителями высших сословий эксплуатации своих соплеменников из числа рабов, холопов и даже свободных, а с другой – активизация попыток последних освободиться от этой зависимости, происходивших на фоне постепенных и осторожных, но неуклонных мер Порты по ликвидации «черкесского рабства»²⁶. При этом обе стороны видели в официальных властях основного адресата для своих апелляций в конфликтных ситуациях. Так, в 60–70-х гг. в различные государственные инстанции регулярно поступали жалобы лиц рабского статуса на жестокое обращение с ними хозяев, а также заявления о незаконном удержании в качестве невольников или продаже в рабство свободно-рожденных людей²⁷. В не меньшем количестве прошения о помощи исходили и от рабовладельцев, требовавших розыска и наказания беглых или не подчиняющихся невольников²⁸. В силу различий в трактовках института рабства обычным правом черкесов, с одной стороны, и шариатским и светским законодательством империи – с другой, а также из-за желания Порты соблюдать баланс между

интересами всех сословий иммигрантов конфликты такого рода представляли для властей непростую для урегулирования задачу и, похоже, в каждом случае решались в пользу той или иной стороны с учетом конкретных обстоятельств.

Наконец, внушительную группу документов составляют обращения к властям с просьбами об улаживании на основе действующих законов разнообразных бытовых тяжб – от имущественных и гражданских споров до конфликтов, сопряженных с тяжкими уголовными преступлениями²⁹. Заслуживающим внимания в данной связи является сам факт апеллирования значительной части иммигрантов уже с первых лет пребывания в стране к османским административным и судебным органам с целью разрешения вопросов, регулировавшихся до переселения преимущественно в рамках норм обычного права, что, несомненно, свидетельствовало об известном уровне доверия черкесов к официальным институтам принявшего их государства и их ориентированности на превращение в его законопослушных подданных.

В заключение данного обзора подведем некоторые итоги:

Иммигрировавшие в Османскую империю черкесы изначально рассматривали себя как подданных султана и Порты и были в своей массе настроены на социальную, политическую и «гражданскую» интеграцию в османское общество при сохранении определенного уровня собственных традиционных внутри- и межобщинных связей, рассматривавшихся ими, очевидно, как достаточная гарантия своей социокультурной автономности в новой среде.

Масштабы перенесенных в процессе обустройства экономических и бытовых тягот оказались весьма значительны и, несомненно, неожиданны для основной массы переселенцев. В поисках путей преодоления трудностей черкесские общины активно апеллировали через своих лидеров к официальным органам, видя в них инстанцию, способную разрешить возникавшие проблемы. Такой интенсивный «гражданский» диалог с государством представлял собой новый феномен в жизни если не всех, то большинства мигрировавших групп, поскольку был практически невозможен в существенных масштабах в их отношениях с российской администрацией до переселения.

В целом изученные документы подтверждают установку центральных властей на приоритетное рассмотрение и удовлетворение обоснованных жалоб и просьб иммигрантов, равно как и факт недостаточной эффективности претворения в жизнь соответствующих распоряжений Порты на местах.

Обращения отразили ориентированность заметной доли переселенцев – выходцев из всех социальных слоев – на вхождение в состав офицерства и гражданской бюрократии империи и получение доступных видов образования, что являлось важным фактором ускоренного формирования военной, чиновничьей и интеллектуальной прослоек в среде черкесского иммигрантского сообщества и базой для кристаллизации в будущем зачатков этнонациональной идеологии.

В то же время рассмотренные документы свидетельствуют об обострении социально-экономических противоречий и межсословной борьбы внутри переселенческих групп после иммиграции, что серьезно тормозило процессы адаптации и консолидации черкесского населения на новой родине.

Отметим также, что, хотя авторами ряда обращений черкесские иммигранты характеризовались как «нация» (*миллет*) и особый народ Османской империи³⁰, никаких признаков формулирования просьб и требований специфического этнокультурного характера на данном этапе зафиксировано не было.

Примечания

1. В различных фондах Османского архива при кабинете министров Турецкой Республики (TC Başbakanlık Osmanlı Arşivi (далее – BOA)) нами было обнаружено около 300 документов, представляющих собой оригинальные тексты прошений (обычно вместе

с сопутствующими бумагами) либо изложение их содержания, сделанное должностными лицами в процессе межведомственной переписки. Хронологически изученные документы охватывают период от начала 50-х до конца 80-х гг. XIX в.

2. Текст и подробную характеристику одного из наиболее развернутых и информативных документов этого рода см. в: Петиция черкесской знати Порте (около 1872 г.) / Вступ. статья, пер. с османо-турецкого языка и коммент. Г.В. Чочиева // Восток (Oriens). 2013. № 2.

3. BOA. A.MKT.UM № 464/71; BOA. A.MKT.MHM № 222/5.

4. BOA. C.D № 6832.

5. BOA. A.MKT.NZD № 352/92; BOA. A.MKT.UM № 481/98.

6. BOA. A.MKT.UM № 491/43. Прошения иммигрантов о поселении в определенной местности см. также в: BOA. A.MKT.UM № 475/75; BOA. A.MKT.MHM № 175/78, 176/1, 177/89, 219/53, 222/55, 229/22; BOA. A.MKT.NZD № 314/9, 314/10, 343/21, 353/70; BOA. A.DVN № 74/100; BOA. İ.D № 67593, 78645.

7. См.: BOA. A.MKT.UM № 464/71; BOA. A.MKT.MHM № 227/51.

8. BOA. A.MKT.UM № 526/19, 529/37, 530/71.

9. См., например: BOA. A.MKT.UM № 484/84; BOA. A.MKT.DV № 205/74; BOA. A.MKT.MHM № 335/21; BOA. DH.MKT № 1328/75, 1552/114.

10. BOA. A.MKT.UM. № 467/57.

11. BOA. A.MKT.UM. № 525/25.

12. См., например: BOA. A.MKT.MHM № 222/96; BOA. A.MKT.UM № 481/98, 530/65; BOA. İ.D. № 38018.

13. BOA. DH.MKT № 1508/13.

14. Обращения иммигрантов с жалобами на неудовлетворительное поселение и просьбами о материальной помощи см. также в: BOA. A.MKT.UM № 458/35, 477/67; BOA. A.MKT.NZD № 353/100; BOA. A.MKT.MHM № 228/22, 238/33.1; BOA. DH.MKT № 1512/22.

15. BOA. A.MKT.MHM № 228/54; BOA. A.MKT.UM № 490/95.

16. BOA. A.MKT.DV № 216/63.

17. BOA. C.D № 6832.

18. BOA. İ.D № 30174; BOA. A.MKT.MHM № 183/37, 218/37.

19. См., например: BOA. A.MKT.MHM № 177/29, 376/53; BOA. İ.MM № 1398.

20. См., например: BOA. A.DVN № 117/54; BOA. A.MKT.NZD № 202/91; BOA. DH.MKT № 1321/29, 1321/33, 1367/77; BOA. Y.PRK.AZJ № 12/1.

21. См., например: BOA. A.DVN № 117/54, 146/2, 155/3, 183/8; BOA. ZB № 2/75; BOA. DH.MKT № 1326/78, 1333/78, 1367/77, 1435/44, 1457/66; BOA. Y.PRK.BŞK № 60/39.

22. BOA. DH.MKT № 1367/77, 1394/37.

23. BOA. A.DVN № 155/3; BOA. A.MKT.DV № 87/24, 204/83; BOA. A.MKT.NZD № 349/68, 354/58.

24. См., например: BOA. A.MKT.NZD № 224/42; BOA. A.MKT.MHM № 177/29, 202/28, 270/80; BOA. A.DVN № 99/15, 184/75; BOA. Y.PRK.AZJ № 14/75, 50/124.

25. См., например: BOA. İ.MV № 7398; BOA. A.MKT.DV № 176/89; BOA. A.MKT.UM № 524/62, 556/81; BOA. A.DVN № 158/27, 184/35; BOA. A.MKT.NZD № 88/96, 379/61; BOA. A.MKT.MHM № 508/11.

26. По оценке османского правительства, в 1867 г. среди прибывших в страну черкесских иммигрантов насчитывалось около 150 тыс. лиц рабского статуса, под которым понимались все формы личной зависимости (BOA. İ.MM № 1407). Даже при возможной завышенности этой цифры очевиден масштаб проблемы, с которой пришлось столкнуться Порте.

27. См., например: BOA. A.MKT.DV № 181/59 (просьба двух братьев-рабов о защите от издевательств со стороны хозяина и предотвращении их разлучения с невестами), № 183/39 (просьба о возвращении проданной в рабство племянницы); BOA. Y.PRK.AZJ № 2/60 (жалоба семьи на насильственное удержание в рабстве), № 41/3 (просьба о возвращении проданной в рабство родственницы).

28. См., например: BOA. A.DVN № 153/15 (просьба о возвращении укрывшейся в российском посольстве рабыни или возмещении ущерба), № 178/20 (просьба о предании суду беглого раба); BOA. DH.MKT № 1316/46 (просьба о возвращении беглой рабыни или ее стоимости), № 1434/89 (просьба о возвращении ушедших к другому лицу рабов).

29. Некоторые типичные примеры см. в: BOA. A.MKT.DV № 160/92 (просьба о рассмотрении спора о праве наследования имущества); № 185/30 (просьба о взыскании невыплаченного выкупа за кровь); BOA. A.MKT.MHM № 238/89 (просьба о возвращении присвоенных родственниками имущества и рабынь); BOA. A.MKT.UM № 478/18 (просьба о разрешении споров о владельческих правах на рабов); BOA. A.DVN № 134/93 (просьба о присуждении алиментов); № 170/33 (просьба об уголовном преследовании убийц родственника); BOA. DH.MKT № 335/21 (просьба о взыскании долга за проданную рабыню); № 1310/49 (просьба о наказании насильника в соответствии с законом); № 1311/113 (просьба о наказании посягнувшего на имущество и жизнь родственников лица); № 1558/53 (просьба о разрешении внутрисемейного имущественного спора и присуждении алиментов).

30. См., например: BOA. A.DVN № 166/52.

Источники

Османский архив при кабинете министров Турецкой Республики (TC Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA)). Фонды:

1. Архивариус Джевдет-эфенди (Cevdet (C)). Подфонд: внутренние дела (Dahiliye (D)).
2. Великий везират (Sadaret (A)). Подфонды: августейший диван (Divan-ı Hümayun (DVN)), канцелярия – главное (Mektubi – Mühimme (MKT.MHM)), канцелярия – все вилайеты (Mektubi – Umum Vilayat (MKT.UM)), канцелярия – министерства и ведомства (Mektubi – Nezaret ve Devair (MKT.NZD)), канцелярия – правосудие (Mektubi – Deavi (MKT.DV)).
3. Йылдызский дворец (Yıldız (Y)). Подфонды: разное – прошения и доносы (Perakende – Arzuhal ve Journaller (PRK.AZJ)), разное – секретариат султанских покоев (Perakende – Mabeyn Başkitabeti (PRK.BŞK)).
4. Министерство внутренних дел (Dahiliye Nezareti (DH)). Подфонд: канцелярия (Mektubi (MKT)).
5. Полицейское управление (Zabtiye Nezareti (ZB)).
6. Султанские рескрипты (İrade (İ)). Подфонды: внутренние дела (Dahiliye (D)), высший совет (Meclis-i Vala (MV)), специальный совет (Meclis-i Mahsus (MM)), государственный совет (Şura-ı Devlet (ŞD)).

G.V. Chochiev

SOME PROBLEMS OF ADAPTATION OF THE CIRCASSIAN IMMIGRANTS IN THE OTTOMAN EMPIRE IN THE 2nd HALF OF THE XIXth CENTURY *(on the Immigrants' Applications to Authorities)*

The article discusses the peculiarities of the process of social adaptation of Circassian immigrants in the Ottoman Empire based on the analysis of complaints and petitions submitted by them to the authorities during the first decades after the settlement.

Keywords: Ottoman Empire, Circassians, immigration, settlement, social adaptation, petitions.

Ю.Н. Асанов

ОБЫЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ БАЛКАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье на основе адатов балкарцев, собранных в 1844-м и 1864 гг. царской администрацией на Кавказе, рассматриваются обычно-правовые нормы, которые регулировали межсословные отношения в традиционном балкарском обществе.

Ключевые слова: балкарцы, обычное право, межсословные отношения.

В древние времена адат был исключительной формой права у всех северокавказских горцев, в том числе и балкарцев. Однако в первой половине XIX в. обычное право балкарцев, как и других горцев Северного Кавказа, в силу влияния мусульманского и русского права, подверглось более или менее значительным ограничениям. Многие его институты, в особенности те из них, которые шли вразрез с новыми условиями жизни (например, древний институт кавказских горцев-кровомщения и пр.), были отменены русским законодательством. Устанавливая, таким образом, начало судебно-административной компетенции адатов, русское управление на Кавказе заботилось вместе с тем о сборе «ясных и положительных» сведений об адатах ввиду предоставления местным органам «возможности вникать в дела горцев и решать их единообразно и скоро»¹.

Дело в том, что на Кавказе существовали, кроме родовых и аульных судов, в которых местные судьи решали дела по обычаям, еще и апелляционные окружные суды, состоявшие из местных и русских чиновников и рассматривавшие дела переходившие по апелляции из горских судов»². Русским чиновникам, таким образом, приходилось иметь дело с решениями низших инстанций по адатам, мало или вовсе не известным для этих чиновников, – приходилось, следовательно, принимать на веру решения по адатам, без строгой проверки дел с адатными положениями, или же приглашать для этого сведущих людей из местного населения, иметь особых переводчиков и пр. Устранить все эти неудобства можно было только представлением в руководство низших и апелляционных инстанций точных сведений о горских адатах. Собрание таких сведений с указанными целями и было предпринято Горским управлением в 40–60 гг.³

Таким образом, благодаря инициативе и настойчивости лиц, стоявших во главе Горского управления Кавказом, в течение 40-х гг. предпринят был и исполнен целый ряд описаний адатов в горских племенах Кавказа, в том числе «Полное собрание древних обрядов кабардинцев и прилегающих к ним племен (малкарцев и дигорцев). 1844 год». Сборник этот был составлен под руководством начальника центра Кавказской линии, ген.-майора кн. Голицина при сотрудничестве ротмистра Давыдовского и майора Шарданова на основании показаний почетных стариков из горцев. В состав этого сборника вошли три самостоятельных памятника, изложенных в отдельных «тетрадах», каждая за особой подписью кн. Голицина, а именно:

а) Кабардинские древние обряды. Эта «тетрадь» состоит из 12 глав (содержание которых вполне соответствует программе, предложенной Горским управлением) и 127 статей;

б) Древние обряды балкарцев и других соседних обществ – хуламцев, чегемцев, урусбиевцев, карачаевцев и безенгиевцев. Здесь, как и в предыдущей тетради,

насчитывается 12 глав; между ними разбиты 56 статей, расположенных по той же самой программе, как и «древние обряды кабардинцев». К первой статье о калыме прибавлены извлечения из «древнего обряда» и «народного условия» 1807 г.;

в) Древние обряды дигорского общества (осетин) – тоже из 12 глав и 56 статей, без всяких пометок об их источниках⁴.

Знакомясь с древними обрядами балкарцев, нельзя не заметить, что все законоуложения (статьи) их обычного права преломляются через призму межсословных отношений, что является вполне закономерным, так как балкарское общество было феодально-потестарным и, как следствие, сословно структурированным. И, поскольку верховными собственниками земли в Балкарии являлись князья, то и основным субъектом адатного права, регулировавшим межсословные отношения и, на основе этого права, поддерживавшим правопорядок в обществе было, разумеется, княжеское сословие. В адатах оно именуется «старшинами». Для того, чтобы убедиться в этом, приведем из адатов балкарцев только те статьи, которые имеют прямое отношение к теме нашего исследования. При этом мы не ставим своей целью ни исследование сословно-имущественных отношений, ни саму систему суда и судопроизводства. Все эти вопросы, опираясь в принципе на те же адаты, литературные источники и документы нашли отражение в работах Азаматова К.Г.⁵, Битовой Е.Г.⁶, Кучмезовой М.Ч.⁷.

Адаты малкарцев

(балкарцев, хуламцев, чегемцев, урусбиевцев и карачаевцев 1844 г.)

Балкарцы, хуламцы, чегемцы, урусбиевцы и карачаевцы все вообще закона магометанского; язык их имеет сходство с татарским; нижеследующий обряд один у всех.

I. Раздел племен на сословия, включая и класс крепостных людей

1. Фамилии старшин (секельт или бассият):

а) у балкарцев четыре:	1. Абаевы
	2. Айдебуловы
	3. Джанхотовы
	4. Мисаковы
б) у хуламцев одна	5. Шакмановы
в) у безенгиевцев одна	6. Суншевы
г) у чегемцев три:	7. Болкароковы
	8. Кереметовы
	9. Битовы
д) у урусбиевцев одна	10. Урусбиевы
е) у карачаевцев три:	11. Крымшакаловы
	12. Дудовы
	13. Карабашевы.

Подвластный им народ разделяется на четыре класса:

первый, вроде узденей	– каракешы
второй	– кулл
третий	– казак
четвертый	– караваш.

II. Права и обязанности каждого класса и отношения одного сословия к другому, включая и духовенство

2. Калым:

а) у бассиятов (старшин) 800 рублей серебром; впоследствии уменьшен и по приговору утвержден в 600 рублей серебром, который по большей части уплачивается в последнее время скотом, а редко лошадьми. Обычай очищать

калым железными вещами выводится из употребления, потому более, что ценность их понизилась чувствительно, и, за исключением нескольких заветных ружей, шашек и панцирей, остальное оружие не принимается по-прежнему;

б) у каракишей калым в 300 рублей серебром;

в) у куллов он состоит: из числа баранов, равняющегося в цене одной паре двухлетних быков, из двух коров, одного ружья (ценой в 20 рублей серебром или в две скотины), из одной лошади, из медного котла (в котором можно сварить одного барана), из одной коровы, без телка, из одной скотины, из трехлетнего быка, из пары двухлетних телков и из одной сабли;

г, д) у казаков и каравашей определенного калыма нет, он назначается по обоюдному согласию.

3. Если старшина захочет строить дом или зимовник из камня или леса, то рабочим выдают пищу.

4. Для произведения хлебопашества и сенокоса в пользу старшин эти должны дать землю и быков на время.

5. Зимой, когда режут баранов для пищи, старшина разделяет овчины между людьми, которые доставляют в дом его дрова для зимы.

6. В прочее время все овчины раздаются между казаками; а кулы не вправе просить части. Курпеи все оставляет у себя старшина.

7. Во время раздела шерсти старшина оставляет у себя белую всю, а с черной берет себе для бурки и седельных потников, а равно и для детей; остальную же разделяет по равным частям между своим семейством и казаками мужского пола совершенных и несовершеннолетних лет.

8. Старшина имеет право для себя назначить табунщика и баранщика из куллов.

9. Если на места сенокосные или хлебопашественные нужно пустить воды через каналы, старшина назначает несколько домов по очереди, дабы поровну наделять водой и пускать ее как следует. При этой работе, особенно у чегемцев, бывают ссоры, кончающиеся иногда смертоубийством, почему между ними наблюдается очередь: каждым пяти домам приходиться на эту работу одни сутки.

10. Когда старшинский сын привезет себе жену, то берет с каждого кулла по одной скотине.

11. Женившийся старшина имеет право жену свою на теглариш отправить и оставить ее в доме каракеша, если захочет этого, в продолжение одного года.

12. Что жена старшины привезет из своего дома с собой, хотя бы и служанку, все должна отдать в доме каракешу, у которого оставлена.

13. Во время женитьбы или при взятии жены по обряду (шаоч) старшина сам является в дом каракеша, который должен для него делать пиво, а старшина дает ему одну служанку. Если служанки он не найдет, то обязан дать сполна для одного человека железных вещей: панцирь, рукавники, налокотники, ружье и пистолет; холопьям же каракеша – кому тулуков, кому веревок и, кроме того, каждому одну штуку товара для платья, сколько может; даже служанкам их он не может не подарить чего-нибудь.

14. Всякий имеет право принять в свой дом чужого мальчика для воспитания.

15. По смерти старшины, когда родственники сами составляют жертвенные припасы, то режут сто баранов, каждый каракеш режет по одному барану и, сверх того, по три живых барана для зареза и по одному турсуку бузы доставляет в дом старшины и кладет в то место, где лежат прочие припасы.

16. При выдаче дочерей каракеша дают из калыма своему старшине две скотины (подарок этот называется емчеклик, т.е. аталыкский подарок) и другому чужому старшине, которому она не принадлежит, пару быков, также в виде аталыкского подарка. Получающий его старшина должен всегда помогать каракешу в делах его. Во всяком случае он остается тому каракешу настоящим помощником,

и никто не вправе устранить старшину от дел, касающихся до взятого им под покровительство.

17. Из калыма, получаемого кулами, отдается старшине три скотины; прочие кулл берет сам. Пользуясь калымом за дочерей, он обязан за жен своих калым уплачивать сам.

18. Кулл по обряду имеет право в уплату за жену отдать в калым дочь свою.

19. Старшины могут продавать и дарить куллов, кому заблагорассудят.

20. Куллы по очереди привозят дрова для старшины на старшинских ишаках и носят сено, сколько старшине угодно.

21. Куллы для старшины производят хлебопашество в особенном месте на пространстве земли, принадлежащем старшине, и когда уборка кончится, то все дочиста доставляют в дом старшины на его ишаках.

22. Когда кулл зарежет скотину себе в пищу, то отделяет из нее шею и половину спины; верхнюю часть спины с половинами боков он отдает старшине, это называется уча, или бго (*бго* – кабардинское название. – Ю.А.). Из сваренного пива господину следует один кувшин.

23. Куллы и казаки имеют собственные земли, подаренные им старшинами или купленные самими; земли эти они пашут для себя и весь урожай берут в свою пользу, не отдавая из одного старшине ничего.

24. Старшина может продавать и дарить казаков кому угодно, употреблять их вроде прислуги, а жен их и дочерей вроде служанок он также вправе держать у себя.

25. Из последнего класса караваш служанка или горничная приобретается не через калым, а покупкой и везде добывается дорогой ценой – от 300 до 400 рублей серебром. Господину никто не мешает продавать такую служанку кому он захочет; она служит безотлучно в доме при господах, получает одежду от господ; законного мужа не имеет, а ежели господин позволит холостому мужчине жить с нею, то он же может через несколько времени запретить это; в таком случае холостой не должен считать женой служанку, с которою жил, или требовать к себе детей от нее, называя их своими. Дети должны оставаться при господине, который может продавать их врозь; они женского пола называются караваш, а мужского – лигава, т.е. повар (термин дан на кабардинском языке. – Ю.А.). Дочери казакам не отдаются посредством калыма, а продаваемы бывают без мужей; если же служанка будет иметь детей хоть от незаконного мужа и господин захочет, то делает их и детей дворовыми людьми, т.е. холопьями, и тогда уже нельзя их сделать по-прежнему служанками; дочери с калымом отдаются законному мужу, а сыновья берут законных жен, платя калым наравне с прочими холопьями.

26. Из всего избытка хлеба и скота ежегодно отделяется десятая часть по закону Магомета и разделяется на три части: одна – аульному эфенди, а другая – всем муллам, третья – нищим.

27. По согласию и приговору с каждого дома отдается зимой аульному эфенди по барану и одному стогу сена (стог или копна состоит из двух выюков на лошадь), дров – по одному выюку на ишаке и летом по барану.

В 1864 г., в связи с предстоящей крестьянской реформой, в частности, в Кабардинском округе, сословно-поземельной комиссией под руководством Дм. Кодзокова были собраны сведения о зависимых сословиях и их повинностях, т.е. это был сбор тех же самых адатов, опираясь на которые правительство в самые кратчайшие сроки должно было осуществить освобождение зависимых сословий, или, иначе говоря, провести крестьянскую поземельную реформу. Так вот, если сравнивать адаты 1844 г. с адатами 1864 г., то мы видим, что между ними, в особенности по статьям, посвященным правам и обязанностям крестьянских зависимых сословий, наблюдается существенная разница. Например, в адатах 1844 г. такие крестьянские сословия, как «чагар» и «ясакчи» вообще не указаны. Вместо них

указано сословие «кулл». Название «кулл» балкарцы и карачаевцы иногда употребляли как общий термин для всех зависимых сословий в смысле «холоп», «раб», т.е. употребление его было контекстуальным, недифференцированным. Между тем в древних обрядах балкарцев 1844 г. сословию «кулл» уделено 9 статей – 6, 8, 10, 17, 18, 19, 21, 22, 23, в которых указаны права и обязанности данного сословия по отношению к князьям и каракешам и наоборот. Таким образом, поскольку в адатах 1844 г. под обобщающим термином «кулл» фактически скрываются, или персонифицируются, два зависимых крестьянских сословия – «ясакчи» и «чагары», которые, как следует из адатов 1864 г., несли разные повинности и статутное положение у них было разное, то объединение их в одно сословие «кулл», разумеется, искажает реальную картину межсословных отношений, а следовательно, и не дифференцирует тот перечень повинностей, который они фактически исполняли по адату.

Адаты балкарцев, собранные в 1864 г. Терской сословно-поземельной комиссией, были, конечно, более точны, чем собрание адатов 1844 г. И это вполне понятно, так как речь в данном случае шла о предстоящем освобождении зависимых сословий от крепостного права. В этой связи в докладной записке от 8 сентября 1866 г. о зависимых сословиях в Кабардинском округе и об их обязанностях в отношении владельцев, комиссия, что касается, в частности, балкарцев, писала: «В горских обществах имеются четыре разряда зависимых людей: а) каракиши, б) ясакчи, в) чагары и г) казаки (женщина-казак называется караваш).

І. Каракиши, пользующиеся личной свободой относительно земель, на которых они водворены и которую они обрабатывают, пользуются ею на правах неотъемлемой собственности, но продавать ее без видимой надобности не имеют права без разрешения на то таубия, которому они подвластны. При переселении в другое общество каракиши имеют право передать эту землю своему родственнику, если он согласится отбывать господину все повинности, следуемые с переселяющего. Если же последний не имеет родственников, земля его поступает в полное владение таубия. Земли, занимаемые ясакчи и чигарами, принадлежат таубиям (подчеркнуто нами. – Ю.А.); казахи (казаки. – Ю.А.) же и караваш, как люди дворовые (вроде кабардинских унаут), вовсе не пользуются землями; каракиши, хотя и принадлежат к сословию зависимому по своим обязательствам к таубиям, на земле которых они живут, не могут быть продаваемы лично, как люди, лично свободные, но владелец может продавать другому владельцу ту повинность, которую отбывают каракиши. Ясаки и чагары содержат себя на собственный счет и, как ог или логанаут в Кабарде, имеют личную собственность: начих («наках» – венчальный подарок от владельца, размером 3–5 руб. – Ю.А.) дешериг («дешериг» – каб. термин – приданое девушки, невесты. – Ю.А.) и 1/3 часть дидовосбылыма (каб. термин – имущество, приобретенное холопом собственным трудом. – Ю.А.). Кроме того, каракиши, ясакчи и чагары могут иметь своих собственных холопов, которые при выкупе своих непосредственных господ на волю переходят в собственность тех владельцев, кому принадлежали выкупившиеся⁸.

Повинности, которые по адату несли карауздени или каракиши, приведенные в известность в 1864 г. выборными из таубиев и каракишей, по взаимному их согласию, в присутствии начальника округа и Черекского участкового начальника, заключали в себе по одним данным 36, по другим – 40 статей⁹. Все они, за исключением 7 статей, на которых мы остановимся особо, отражают односторонние обязанности каракишей по отношению к таубию. Так, в статьях 1–15 повинности, которые несли каракиши своему господину-таубию, сводились в основном к сельскохозяйственным и иным работам, таким как: сенокос, сбор и перевозка накошенного сена, обеспечение косарей продовольствием, распашка полей, пополка проса (повинность эта отбывалась только в двух фамилиях: Абаевых

и Мисаковых, потому что они занимались посевами проса, несуществующего у горцев); жатва, перевозка хлеба на гумно, удобрение полей навозом, перевозка тяжести с плоскости, доставка леса для постройки. Для исполнения всех этих повинностей, каракиши с каждого двора на один день должны были дать своему господину работника, соответствующую тягловую силу и сельскохозяйственные орудия¹⁰. Разумеется, что означенные повинности выполняли не каракиши как таковые, а их дворовые люди, или холопы, каких, по обычаю, могли иметь не только каракиши, но даже и ясакчи и чагары.

Но были и такие статьи (17, 18, 23, 24, 25, 27), согласно которым каракиши исполняли обряды непосредственно сами. В основном они сводились к тому, что каракиши должны были оказывать своему таубию вспомоществование, главным образом продуктами, напитками, скотом, иногда деньгами. Все это рассматривалось, по обычаю, как «изеу» – вспомоществование, помощь.

Как мы уже говорили, из 39 (40) статей только 7 статей отражают двусторонние обязательства таубиев и каракишей. Статьи эти суть следующие:

21. Если каракиши получают за кровь, то обязан из полученных денег дать своему таубию 250 рублей, или стоящего этой суммы холопа, или землю; а равно, если таубий получит за кровь, то тоже дает своим каракиши такую же сумму.

22. Если таубий убьет кого-либо и должен заплатить за кровь, то каракиши должны дать ему с каждого двора, смотря по состоянию, от 25 до 10 рублей и обратно, если каракиши платят за кровь, то таубий помогает ему той же суммой.

26. Каракиши при выдаче своих дочерей замуж должны дать таубию две скотины. Повинность эту несут не все каракиши, но тем, кто несет ее, то таубий обязан сделать от себя подарок невесте.

29. Если таубий нанесет побои каракиши, то первый обязан подарить обиженному лошадь и ружье, причем когда таубий сделает этот подарок, каракиши приготавливает мировой стол и принимает таубия.

30. На Новый год таубий должен угощать каракишей.

31. Если каракиши отдает свою дочь в замужество, то таубий дает ей подарок.

32. Если каракиши имеет дело, то таубий должен быть ходатаем, где бы то ни было.

Как следует из социального статуса сословия каракиши, а также и исходя из тех повинностей, которые они исполняли по отношению к своим таубиям и наоборот и коль скоро, по взаимному соглашению, они были приняты обеими сторонами, то взаимоотношения между ними, надо признать, были не антагонистичными, а взаимовыгодными и социально сбалансированными. Каракиши, как сказано в адатах, будучи лично свободными, сидели на землях таубиев на правах условного держания. Пока они служили тому или иному таубию, выполняя оговоренные адатом повинности, которых у них, по вполне понятным причинам, было гораздо больше, чем у других сословий, до тех пор они являлись собственниками земли, на которой сидели, т.е. само их название карауздень (каракиши) говорит о том, что это было служилое дворянское сословие. Такой точки зрения придерживался Ф.И. Леонтович, который в примечаниях к балкарским адатам писал: «Каракиши – сословие благородных у балкарцев, соответствующее уоркам или узденям у черкесов»¹¹.

В адатах 1864 г. вторым, после каракишей, зависимым сословием указаны ясакчи. «Ясакчи (податные), лично свободные, – сказано в них, – несут следующие повинности: за обрабатываемую под посевы хлебов они платят таубию в год сообразно количеству возделываемой земли, различным хлебом от 2 до 9 мешков, из коих каждый заключает в себе пять мер; стоимость всей этой повинности на деньги, по средним ценам, простирается от 5 до 23 рублей; за покосную и пастбищную землю ясакчи платят смотря по количеству скота ежегодно в продолжение 4 лет от 1 до 3 баранов, а в пять лет полную подать,

смотря по состоянию ясакчи от 15 до 100 баранов; бедные же освобождаются от таковой платы; от весны до зимы ежегодно ясакчи обязаны давать владельцу своему корову для доения или взамен ее двух баранов, или же 4 рубля серебром.

При зарезе крупной взрослой скотины ясакчи отдает филейные части своему таубию; когда умирает таубий, каждый двор ясакчи обязан доставить его семейству один мешок солода для варения пива. В покосное время ясакчи дает ему для косцов по одному барану или по 2 рубля серебром. При постройке дома таубию ясакчи от каждого двора дает пару быков для перевозки леса. Если у таубиев во дворе нет ни казака (безобрядного холопа), ни караваша (безобрядной служанки), ясакчи для покупки того или другой обязаны дать с каждого двора по 10 рублей серебром. Если ясакчи, живущие одним хозяйством, разделяются, то каждый из разделившихся несет те же повинности, какие обязаны выше, за исключением обычной платы от 5 до 100 баранов, вносимой по истечении 4 лет за пользование покосною и пастбищною землею; плата эта распределяется по числу скота у каждого выделившегося ясакчи.

Вторым обрядным крестьянским зависимым сословием по адатам балкарцев было сословие «чагар». Относительно этого сословия в адатах сказано: «Чагары исполняют все работы по приказанию владельца во всякое время; их можно сравнить с логанаутами кабардинцев. Кроме того, если у чагара есть бараны, он дает своему господину одного барана летом и одного барана зимою; при выдаче в замужество дочери из числа полученного калыма платит таубию одного быка и корову; в случае недостатка денег, собранных с каракиши и ясакчи на покупку казака или караваша, чагары вносят деньги, недостающие до покупной цены. Если у владельца чагар нет каракиши, ни ясакчи, ни безобрядных холопов, то чагары-мужчины и женщины обязаны по очереди исполнять в доме своего таубия все работы, подлежащие казакам и каравашам. Во время покоса чагары обязаны взять себе для продовольствия по одному барану из своих собственных овец, если имеют таковых. При разделе имущества чагара между членами семейства, последние обязаны уплатить владельцу или землею, или скотом, или деньгами до 300 рублей серебром»¹².

Определяя статутное положение чагар, исследователи небезосновательно относят их к сословию крепостных крестьян. Обязанности чагар по отношению к своим владельцам выражались в отработочной и натуральной ренте. Отработочная рента заключалась главным образом в том, что несколько дней в году они должны были работать на земле феодала – пахать, косить, убирать и свозить урожай в гумно¹³. Иначе говоря, по выполняемым обрядам, балкарских чагар можно сравнить с барщинными крестьянами на Руси. Однако сравнивать их (что, скажем, мы наблюдаем в самих адатах) с логонапытами в Кабарде, как это предлагают некоторые авторы¹⁴, на наш взгляд, было бы не совсем оправдано. Дело в том, что у кабардинцев не было парцеллярного помещичьего землевладения, а потому землепользование у них было общинным. И лагунапыты в Кабарде не имели своих земельных пахотных участков. В адатах кабардинцев сказано: «Владелец обязан кормить и одевать своих лаганавт» (логонапыт. – Ю.А.), в то время как в адатах балкарцев – «ясакчи и чагары содержат себя на собственный счет» и что «ясакчи и чагары, как и вообще все горцы, весьма зажиточны»¹⁵.

И, наконец, на самой низкой ступеньке сословной лестницы стояли казаки и караваша. Они были безобрядными, жили в доме владельца и обязаны были исполнять все домашние (дворовые и комнатные) работы.

Таким образом, если теперь подвести краткий итог всему тому, что было изложено выше, то мы видим, что основополагающие принципы адатного права, которые были собраны в 1844-м и 1864 гг., четко фиксируют права и обязанности каждого зависимого сословия по отношению к главному субъекту адатного права – сословию таубиев и, наоборот, взаимные обязанности между последним

первыми. Строгое соблюдение адатных норм, регулировавшим межсословные отношения, сохраняло тот общественный правопорядок, на котором базировалось социально-политическое устройство балкарского общества – общества сословно-структурированного феодального.

Примечания

1. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик, 2002. Вып. 1. С. 42.
2. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 6.
3. *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. С. 43.
4. Там же. С. 54.
5. *Азаматов К.Г.* Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1968. С. 45–80.
6. *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX в. Нальчик, 1997. С. 41–53.
7. *Кучмезова М.Ч.* Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX в. // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 207–226.
8. Крестьянская реформа в Кабарде. Нальчик, 1947. С. 92–95.
9. Там же. С. 201–205.
10. Там же. С. 91–93.
11. *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. С. 311.
12. Крестьянская реформа в Кабарде. Нальчик, 1947. С. 96.
13. *Азаматов К.Г.* Указ. соч. С. 53; *Битова Е.Г.* Указ. соч. С. 46–47.
14. Там же. С. 52, 46.
15. Крестьянская реформа в Кабарде. Нальчик, 1947. С. 27, 86, 92, 97.

Yu.N. Asanov

USUALLY LEGAL REGULATION ESTATES RELATIONS IN TRADITIONAL BALKARIAN SOCIETY

On the basis of adats Balkars, collected in 1844 and 1864 imperial administration in the Caucasus are usually considered legal norms that regulate relations mezhсословные traditional Balkarian society.

Keywords: Balkars , customary law , mezhсословные relationship.

А.С. Мирзоев

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВГЕНИИ ДЖАМУРЗОВНЫ НАЛОЕВОЙ

24 декабря 2015 г. исполняется 95 лет со дня рождения талантливого историка-исследователя, выдающегося педагога Е.Д. Налоевой (1920–2007), являвшейся представителем первого поколения ученых КБР советской исторической школы кабардиноведения. Статья ставит целью краткое освещение жизни и творчества Е.Д. Налоевой, ее педагогической и научной деятельности.

Ключевые слова: научная, педагогическая деятельность, творческое наследие, кабардиноведение, исследовательская тематика, научная генеалогия.

Основные вехи биографии

Евгения Джамурзовна Налоева, согласно официальным документам, родилась 24 декабря 1920 г. в сел. Старый Урух Урванского района КБАССР в семье Налоева Джамурзы Кубатиевича и Налоевой (урожденной Мирзоевой) Хажгуаши Хатокшоевны. В те времена дата рождения при регистрации в документы вносилась неточно, а со слов матери Евгении Джамурзовны известно, что день ее рождения совпал с днем православной Пасхи¹. Православная Пасха в 1920 г. пришлось на 11 апреля, видимо, этот день и является точной датой ее рождения.

Семья Налоевых была большая и зажиточная – отец Джамурза (1875 г.р.), мать Хажгуаша (1883 г.р.), дочери Лейла (1909 г.р.), Нафо (1911 г.р.), Фардоус (1918 г.р.), Евгения (1920 г.р.), сыновья: Аслангери (1907 г.р.) и Адьльгири (1922 г.р.). В семье Налоевых были еще дети, но они умерли в младенческом возрасте.

Помимо имени, которым нарекали при рождении, у черкесов было принято давать еще дополнительные имена, так называемые цӀэ лей. Обычно ими называли человека в кругу близких родственников, семьи, односельчан. Бывало, что у человека могло быть не одно, а два-три имени. Так было и в семье Налоевых: Джамурза был для домашних и родственников Бузэ, Хажгуаша – Зизэ, Аслангери – Тита, Адьльгири – Пыга (он же Адэ), Фардоус – Тинэ. Евгения при рождении получила имя Жанкудас, по документам Евгения, а в семье ее звали Блау.

Евгения была у родителей поздним ребенком и, может быть, поэтому пользовалась особой любовью отца. Когда она родилась, ее отец Джамурза занимал пост председателя ревкома и председателя Хату-Анзоровского² сельского совета.

До 1929 г., до первого ареста своего отца, Евгения училась в начальной школе сел. Старый Урух. 30 ноября 1929 г. Налоев Джамурза Кубатиевич был арестован по статье 58–10 УК РФССР, а уже 29 января 1930 г. Краевая тройка Северо-Кавказского края постановила: Налоева Джамурзу Кубатиевича осудить в «концлагерь на восемь лет. Семью выслат в Севкрай. Имущество конфисковать»³.

Семью Налоевых подвергли т.н. раскулачиванию и в марте выселили из дома буквально на снег. Некоторое время они (мать Хажгуаша, дочери: Евгения,

Нафо, Фардоус и сын Адильгири) нашли приют у старшего брата Джамурзы – Налоева Магомета Кубатиевича⁴. Когда семье стало известно решение властей депортировать их на Север, они приняли решение бежать в Таджикистан, где уже скрывался от репрессий старший сын Джамурзы⁵ Аслангери. Старшая дочь Джамурзы Лейла была в это время замужем за Мисостом Абазовым – членом ВКП(б) и крупным партийным работником. После ареста отца в возрасте 21 года она умерла, и за Мисоста выдали замуж ее сестру Нафо. Налоев Магомет и зять Мисост помогали семье уехать в Таджикистан. Позднее они тоже попали под репрессии: в 1937 г. Мисост Абазов расстрелян, а Магомет Налоев сослан в лагерь на 10 лет, откуда он уже не вернулся.

В Сталинабаде (Душанбе) им было нелегко, но это было лучше, чем отправка на Север. Ко всему еще вся семья заболела тифом. К болезни прибавился голод. Здесь умер от болезни и голода младший брат Евгений Адильгири.

Сразу же после ареста в защиту Джамурзы Налоева выступили старые большевики, его товарищи по революционной борьбе и Гражданской войне. Жители 12 сел Терского и Урванского районов, помнившие его благородный поступок (в неурожайном 1921 г. он за счет личных средств спас их от голода), обратились в Президиум ЦИК СССР с просьбой пересмотреть его дело⁶. После освобождения в результате этих ходатайств в 1933 г. Джамурза возвратил семью на Кавказ, дочерей (Евгению и Фардоус) устроил в г. Орджоникидзе СОАССР, а сам с супругой возвратился в родное село.

В это время Е.Д. Налоева училась в Чечено-Ингушском педагогическом техникуме, а по окончании двух курсов перевелась в педрабфак. В 1937 г. отца Евгении снова арестовали и по приговору печально известной тройки⁷ расстреляли. Дамоклов меч репрессий вновь навис над семьей Налоевых. В 1937 г., не закончив педрабфак, Е.Д. Налоева уезжает в г. Сталинабад и поступает в располагавшийся там пединститут им. Тараса Шевченко на исторический факультет. Отучившись здесь три года, она снова попала в поле зрения карательных органов – в институте из-за доносов началась ее травля. Пытаясь избежать репрессий, Евгения возвратилась в г. Орджоникидзе в 1940 г., сдала документы в Северо-Осетинский пединститут. После окончания института работала преподавателем истории в средней школе сел. Црау Алагирского района СО АССР.

3 октября 1942 г. она подверглась аресту по доносу недоброжелателя, объявившего ее «немецкой шпионкой». Обвинение, основанное на том, что внешность молодой Евгении (светловолосая белокурая) действительно напоминала «арийскую», – было абсурдным. Официально это была 58 статья (шпионаж в пользу другого государства)⁸. Германские войска подступали к Орджоникидзе, и органы НКВД арестовывали всех по малейшему подозрению. 27 февраля 1943 г., ввиду отсутствия каких-либо доказательств по предъявленному обвинению, ее освободили из-под стражи с полной реабилитацией. После освобождения с целью получения второго (юридического) образования Евгения поступила в располагавшийся в то время в г. Орджоникидзе Всесоюзный заочный юридический институт, в котором учится до 1947 г. С апреля 1945-го по март 1948 г. работала методистом культурно-просветительской работы при Совете Министров СОАССР в г. Орджоникидзе. В 1948 г. по приглашению Кабардинского пединститута Е.Д. Налоева возвратилась в КАССР, в г. Нальчик, на должность ассистента кафедры истории.

9 мая 1950 г., не проработав и двух лет, она была оболгана приставленными к ней доносчиками и арестована органами Министерства госбезопасности (МГБ). Против нее снова возбуждается уголовное дело по политической статье (58–10 ч. I УК РФСР – антисоветская агитация). Особым совещанием (внесудебная ответственность) она была приговорена к 8 годам ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь)⁹.

29 августа 1958 г. после 8 лет заключения Е.Д. Налоева вышла на свободу. Для того чтобы поправить подорванное в лагере здоровье (у Евгении Джамурзовны был туберкулез), она выбрала местом жительства Абхазию, г. Сухум, где снимала квартиру, и устроилась на работу швеей-машинисткой. Сразу после освобождения Налоева, считая себя несправедливо осужденной, добивается своей реабилитации. Многочисленные обращения в Москву, поездки в столицу и даже встреча с К.Е. Ворошиловым... и вот в 1963 г. ее полностью реабилитируют по той статье, по которой она была незаконно осуждена. Все эти годы, несмотря на потерянное время, проведенное в тюрьме, лагере и скитаниях, Евгения Джамурзовна не оставляла надежды вернуться к своей профессии и устроиться на работу по специальности.

Вначале это ее стремление не нашло понимания со стороны местных партийных чиновников, и ей приходится снова, собрав свои небольшие сбережения, ехать в г. Москву, обращаться в ЦК КПСС, Министерство высшего и среднего специального образования. Это было время хрущевской оттепели, осуждения культа личности и сталинских репрессий, и вот, наконец, ее требования были услышаны.

Е.Д. Налоевой предлагают на выбор: восстановление на работе в пединституте (тогда уже КБГУ) на кафедре истории СССР или же учебу в аспирантуре при университете. Е.Д. Налоева предпочитала продолжить получение высшего образования, несмотря на возраст (45 лет), и выбрала аспирантуру, которую ей дали возможность закончить с освобождением от работы.

Плодом нескольких лет исследовательской работы с изучением материалов архивных фондов двух крупнейших архивохранилищ г. Москвы – АВПр и ЦГВИА¹⁰ – становится диссертация «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.», после защиты которой, 26 июня 1973 г. ей присваивается ученая степень кандидата исторических наук.

В 1969 г. Е.Д. Налоеву восстановили на прежней должности ассистента кафедры истории СССР. В 1970 г. перевели на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР дореволюционного периода, где она читала студентам лекции по истории России, преподавала вспомогательные исторические дисциплины (палеография, нумизматика, генеалогия и др.), вела практические занятия и семинары.

20 марта 1990 г. она прошла по конкурсу на должность доцента кафедры истории СССР дореволюционного периода, а 17 декабря 1992 г. ей присвоено ученое звание доцента.

С 1 февраля 1995 г. Е.Д. Налоева по приглашению только что созданного юридического факультета КБГУ перешла на кафедру теории и истории государства и права.

В 2000 г. 1 декабря Е.Д. Налоева в связи с состоянием здоровья по собственной просьбе уволилась с должности доцента кафедры теории и права с общим трудовым стажем 63 года¹¹.

2 марта 2007 г. в возрасте 87 лет Евгения Джамурзовна Налоева ушла из жизни.

НАУЧНАЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Е.Д. НАЛОЕВОЙ

Педагогическая деятельность

За долгие годы работы в Кабардино-Балкарском государственном университете на историческом факультете Евгения Джамурзовна Налоева обучила многие поколения студентов, из числа которых впоследствии вышли доктора и кандидаты наук, преподаватели КБГУ и научные сотрудники Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

Работая в университете, как отмечают ее коллеги по педагогической и научной деятельности, Евгения Джамурзовна «оказывала благотворное влияние и на своих коллег. Благодаря широкой эрудиции и опыту, она советами и консультациями оказывала помощь молодым коллегам в творческом становлении. Она охотно читала рукописные труды своих коллег на стадии их подготовки к печати, готовила отзывы на предмет допуска к защите и оппонированию и оппонировала диссертационные работы.

Но все это она делала избирательно. Помогала тем, кто самостоятельно и творчески работал. Такую помощь и влияние ощутили на себе ныне известные ученые и педагоги¹², в их числе и корифей черкесской исторической мысли Валерий Кажаров.

В годы работы Е.Д. Налоевой в университете (60–90-е гг. XX в.) коллектив преподавателей исторического факультета отличал высокий уровень профессионализма и давал студентам солидную подготовку. Среди множества талантливых преподавателей исторического факультета лекции Евгении Джамурзовны пользовались особой популярностью, вызывая повышенный интерес у студентов.

История России феодального периода была специализацией Е.Д. Налоевой и, надо отметить, она в совершенстве владела этим материалом. Евгения Джамурзовна была лично знакома и вела переписку с такими выдающимися деятелями отечественной исторической науки, как супруги академик, доктор исторических наук Николай Михайлович Дружинин и член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Елена Иоасафовна Дружинина, доктор исторических наук Екатерина Николаевна Кушева. Последняя, кстати, была оппонентом на защите кандидатской диссертации Е.Д. Налоевой.

Хорошо известно, что не всегда талантливые ученые могут быть хорошими педагогами и преподавателями. Доходчиво преподнести студентам знания, заинтересовать их материалом, пробудить в них любовь к науке, научить их основам исследовательской работы – для этого необходим особый педагогический талант. Несомненно, что таким даром обладала Е.Д. Налоева и благодаря этому многие, впоследствии профессиональные историки, в том числе и автор этих строк, считали и считают себя ее учениками.

Лекции Налоевой, помимо своей содержательности, отличались особой эмоциональностью, что было одной из причин хорошего усвоения учебного материала студентами. Когда Евгения Джамурзовна освещала различные периоды истории, то она не просто повествовала об этом, а создавала живые картины тех событий, которые, можно сказать, вставали перед глазами слушателей. Исторические персоналии в ее изложении приобретали реальные очертания. Драматизм, сложность и неоднозначность истории страны находили отражение в лекциях Е.Д. Налоевой благодаря присущей ей своеобразной форме изложения материала.

В последние годы в исторической науке получили распространение различные способы исследования материала, в том числе и метод исторической эмпатии, т.е. вживания, окунания, насколько это возможно для исследователя, в ту историческую эпоху, которую ученый хочет изучить и отразить в своем исследовании. Так вот, Евгения Джамурзовна Налоева в совершенстве владела этим методом и умела воссоздать что называется «дух эпохи».

Долгое время в советской исторической науке господствовала теория о решающей роли в историческом процессе народных масс, а роль личности несколько нивелировалась, что приводило к некой обезличенной истории. В этом отношении подход Е.Д. Налоевой к изучению тех или иных аспектов исторического процесса и способ его интерпретации и преподнесения в педагогической работе также имели свои особенности.

Прежде всего, для нее история народа – это история конкретных личностей, через судьбы которых, порой трагические, прослеживается история страны. Еще один аспект, важный для нее, – это вопрос нравственного выбора человека в той или иной исторической ситуации.

Преподавая историю, сама она не давала от себя каких-либо оценок моральной составляющей поступков тех или иных личностей, но нравственный вопрос подспудно всегда присутствовал в ее интерпретации исторического процесса. Лекции строились таким образом, чтобы слушатели могли сами задуматься и поставить перед собой вопросы, почему, например, наша история пошла таким путем, какие уроки следует извлечь из прошлого и т.д.

Другая сторона педагогической деятельности Е.Д. Налоевой – это обучение студентов навыкам практической исследовательской работы, умению анализировать, делать выводы, работать с первоисточниками и литературой. И здесь, при обучении будущих историков, она старалась привить не только исследовательские навыки, но и профессиональную этику. Как вспоминает ее коллега по педагогической деятельности Ж.А. Калмыков, «она больше всего не могла терпеть недобросовестных в науке людей, особенно, плагиаторов, компиляторов и пустых интерпретаторов, которых так много стало в 90-х гг. прошлого и начале нынешнего столетий. Она всегда была бескомпромиссна, когда в угоду идеологии и по конъюнктурным соображениям нарушались основные принципы историзма, искажались факты и события. Е.Д. Налоева была педагогом с большой буквы. На лекциях она восхищала слушателей своей эрудицией и мастерством слова, последовательностью и четкостью изложения материала, глубокой аргументацией своих мыслей и несколько эмоциональным характером изложения конкретных фактов и событий. Именно поэтому ее очень уважали и любили студенты»¹³.

Один из учеников Е.Д. Налоевой доктор исторических наук, доцент КБГУ П.А. Кузьминов в воспоминаниях, посвященных ей, пишет: «Поступая в университет, я считал, что преподавателями должны быть мужчины, так как мягкий женский ум более склонен, скорее, к творчеству, нежели к железной логике. Но лекции и семинары Евгении Джамурзовны постоянно доказывали обратное – ее ум, глубокий, вдумчивый, ищущий, стремящийся найти истину в исторических событиях, поражал. Она удивительно воодушевляла студентов, подчеркивала достоинства, деликатно указывая на недостатки. У этого замечательного человека была истинно искренняя, сочувствующая и добрая душа»¹⁴.

Научная деятельность Е.Д. Налоевой и ее работы

Трагически сложившиеся обстоятельства жизни Е.Д. Налоевой, когда она вынуждена была провести лучшие, молодые годы в сталинских тюрьмах и лагерях или скрываться от репрессий, скитаясь по стране, не позволили в полной мере раскрыться ее таланту исследователя-историка. Мы уже отмечали, что только в 45 лет Е.Д. Налоева получила возможность поступить в аспирантуру и заняться научно-исследовательской работой. Университет и преподавательская деятельность занимали значительную часть ее времени. Тем не менее работы, которые она успела завершить и опубликовать в виде научных статей, являются высокопрофессиональными исследованиями, сохраняющими свою актуальность и интерес для современных историков и читателей. «Появление в печати каждой из статей, – отмечает Ж.А. Калмыков, – являлось значительным событием в исторической науке республики, так как они внесли весомый вклад в изучение актуальных проблем истории Кабарды»¹⁵.

За годы научной работы Е.Д. Налоевой было опубликовано девять статей, включая газетные публикации. В этих работах нашли отражение такие важные аспекты истории феодальной Кабарды XVIII в., как социальные отношения¹⁶, особенности феодализма и феодального землевладения¹⁷, государственно-политическое устройство Кабарды¹⁸ и ее международное положение¹⁹, участие кабардинцев в русско-турецких войнах²⁰ и некоторые другие.

Как выяснила в ходе своих исследований Е.Д. Налоева, в первой половине XVIII в. в феодальной Кабарде существовала иерархическая форма землевладения, следствием которой была многоступенчатая социальная структура кабардинского общества. Закрепощению крестьян предшествовал процесс феодализации земли, без чего невозможна была эксплуатация крестьян. Вся земля в Кабарде была разделена между пятью княжескими фамилиями, владельцами соответствующих уделов, а княжеские фамилии считались верховными собственниками земли. Об этом свидетельствует то, что все без исключения сословия обязаны были платить ежегодный налог в пользу старшего князя каждого удела.

Иерархический характер феодального землевладения создавал иерархическую структуру господствующего класса. Во главе феодальной иерархии стояли князья, верховные собственники земли, за ними следовали первостепенные дворяне (тлекотлеши и дыженуго), владевшие землей на вотчинном праве, затем, княжеские дворяне (беслен-уорки) и, наконец, дворяне тлекотлешей и дыженуго – уорки-шаотлегуса. Последние два сословия (беслен-уорки и уорки-шаотлегуса) владели землей на праве условного держания. Отношения между привилегированными сословиями регулировало обычное право (уорк-хабзэ), а взаимоотношения князя с дворянами – институт уорк-тын, нормы которого определяли права и обязанности сторон²¹.

Изучение значительного пласта архивных источников позволили Е.Д. Налоевой заключить, что в Кабарде, в рамках семейного владения землей, существовала частная семейная собственность на землю и крестьян. Об этом свидетельствуют многочисленные факты наследования земли по прямой линии от отца к детям, нашедшие отражение в источниках.

Исследуя сословную структуру зависимого крестьянства, Е.Д. Налоева скрупулезно осветила вопросы феодальной ренты, методы, формы и объем феодальной эксплуатации. Она сделала правильный вывод, что, не владея землей, невозможно было осуществлять столь масштабную эксплуатацию²².

Отсутствие письменных актов о владении землей и других юридических документов, как справедливо отметила Е.Д. Налоева, не может свидетельствовать об отсутствии права владения землей как такового. Скорее всего, это следствие отсутствия собственной письменной традиции в адыгском обществе в тот период. Ее отсутствие компенсировалось устным обычным правом и развитой практической генеалогией господствующих классов. Глубокий анализ архивных источников, сделанный Е.Д. Налоевой, свидетельствовал о том, что в Кабарде не было «земли без хозяина» и вся она имела своих владельцев, прекрасно знавших границы своих владений. Правда, размеры и границы их, ввиду отсутствия математических единиц измерения и письменной традиции их фиксации, определялись по географическим границам (горам, рекам, ущельям) и другим ориентирам.

При рассмотрении классового деления кабардинского феодального общества, помимо основной массы эксплуатируемого населения в лице различных сословий крестьянства, Е.Д. Налоевой была подробно исследована такая совершенно бесправная категория, как домашние рабы – унауты. Евгения Джамурзовна выяснила, что и в этой среде существовала своеобразная градация в зависимости от выполняемых при дворе феодалов различных функциональных обязанностей, тесно связанных со сложным кабардинским аристократическим этикетом: личный повар князя, заведующий псарней и т.д.

Как отмечает Е.Д. Налоева, перечисленные унаутские обязанности не были сопряжены с тяжелым физическим трудом, но они носили ярко выраженный уничижительный характер, и ни один человек, кроме унаута, не соглашался их исполнять²³.

Крестьянство в Кабарде, как установила Е.Д. Налоева, полностью находилось в той или иной степени зависимости от феодальных владельцев. Особенности социального и материального положения каждого из сословий зависимого крестьянства подробно исследованы ею.

По ее расчетам, в исследуемый период – в первой половине XVIII в. – адыгское население Кабарды, исключая находившихся в зависимости от кабардинских князей представителей других народов, достигало 200 тысяч. Из зависимых сословий самым многочисленным в этот период было сословие чагаров, или огов – 65–87 тысяч человек. Значительную часть эксплуатируемого класса составляли лагунапыты, которых в русских источниках называют «природными холопами». В отличие от чагаров (огов), живших отдельно от феодалов и несших только оброчные повинности, лагунапыты были обязаны жить в пределах усадьбы владельцев, неся наряду с оброчными (натуральная рента) и барщинные (отработочная рента) повинности.

Особенностью феодального устройства Кабарды было то, что из среды зависимого крестьянства, а именно чагаров (огов) выделилась зажиточная верхушка, которая сама эксплуатировала холопов и имела возможность, согласно нормам обычного права, приобретать их. Другая особенность, отмеченная Е.Д. Налоевой, и отличавшая кабардинцев от всех остальных феодальных социумов Северного Кавказа – это большой удельный вес дворянства – уорков – не менее 20% от общего количества населения.

Между крестьянским и дворянским сословиями существовала промежуточная прослойка, выполнявшая административно-полицейские функции и подчинявшаяся непосредственно князьям – владельцам уделов. Это, так называемые бейголи, бейголышко, пшикеу. Как правило, они были выходцами из зажиточной верхушки чагаров, которые посредством существовавших в Кабарде патриархальных институтов искусственного родства стали сближаться со знатью. Другая часть, откупаясь на волю, поступала в группу крестьян-азатов (вольноотпущенников). В этот период (первая половина XVIII в.), как полагает Е.Д. Налоева, это явление носило единичный характер, и сословие азатов в Кабарде было немногочисленным, но уже наметилась тенденция к увеличению численности этого сословия. К моменту отмены крепостного права в Кабарде в 1867 г. сословие азатов было уже многочисленным. Е.Д. Налоева определила причины этого явления. Со второй половины XVIII в., особенно со времени построения на территории Кабарды крепости Моздок и закладки кордонной линии, процесс перехода крестьян из крепостного состояния в полукрепостное путем выкупа заметно увеличился. Одна из причин этого – боязнь владельцев совсем потерять своих крестьян ввиду притягательной силы Кавказской линии, где им пограничное русское начальство сулило льготные условия. А вторая причина – возросшая потребность феодалов в деньгах в результате роста товарно-денежных отношений под влиянием России.

Е.Д. Налоева вносит ясность и в вопрос о «тльхокотлях». Некоторые исследователи, в частности Н.Х. Тхамоков²⁴, Т. Боцвадзе²⁵ считали, что так называлась группа якобы юридически свободных крестьян-общинников. Опираясь на архивные источники, Е.Д. Налоева доказала, что в указанный период юридически свободного, независимого от феодалов сословия крестьян в Кабарде не было. «Тльхокотли», или «фокотли» действительно представляли собой юридически свободную по статусу и значительную по удельному весу группу населения в среде так называемых «демократических» субэтнотосов (шапсугов,

абадзехов, натухайцев) Западной Черкесии. В Кабарде же название «тльхокотль», как и «уорк», использовалось как собирательное: тльхокотли – это все категории населения, занятые физическим, «неблагородным» трудом в отличие от уорков, пренебрегавших им²⁶.

Ряд опубликованных статей Е.Д. Налоевой посвящен вопросам внешне-политического положения Кабарды и ее участия в русско-турецких войнах²⁷. Считаю необходимым отметить новаторское содержание этих работ по сравнению с предшествующими исследованиями. Так, например, Е.Д. Налоева максимально приблизилась к установлению точной даты раскола Большой Кабарды на две враждебные княжеские группировки, получившие по русской терминологии названия Баксанской и Кашкатауской партий. Это произошло в 1720 г. перед вторжением крымского хана Саадат-Гирея в Кабарду. Тогда князья Мисостовы и Атажукины во главе со старшим князем Большой Кабарды Исламбеком Мисостовым капитулировали и признали над собой протекторат Крыма. Князья же Жамболатовы во главе с Асланбеком Кайтукиным не подчинились и укрылись в урочище Кашкатау, отчего эта партия и получила название Кашкатауской.

Раскрывая сложные перипетии внутривнутриполитической борьбы княжеских группировок и вопросы внешней политики Кабарды, Е.Д. Налоева показала их взаимную связь и условность внешнеполитических ориентаций. Внешнеполитические приоритеты кабардинских князей только условно можно было определять как сугубо пророссийские, протурецкие или прокрымские. Так, например, в учебнике для вузов «История КБАССР с древнейших времен до наших дней», изданном в Москве в 1967 г., Баксанская партия представлена как сугубо пророссийская, а Кашкатауская – как прокрымская, хотя лидеры этих группировок, исходя из своих интересов и политических позиций внутри Кабарды, не раз меняли свои внешнеполитические ориентиры.

Е.Д. Налоевой было впервые подробно проанализировано содержание грамоты Петра I кабардинскому народу от 4 марта 1711 г., излагавшей договорные начала кабардино-русского союза. Основной смысл этого документа – это военно-политический союз и протекторат России над Кабардой. Россия обязывалась в случае необходимости оборонять Кабарду, а Кабарда – принимать участие в военных действиях против недругов России на Кавказе. При этом кабардинцы не платили никаких податей, сохраняли внутреннее самоуправление, а князья получали от России ежегодное денежное жалование. Согласно этому договору кабардинцы приняли участие в Кубанском походе 1711 г. совместно с русскими войсками.

Рассматривая участие кабардинцев в Каспийском походе Петра I в 1722 г. и условия подписанного во время этой экспедиции кабардино-русского, так называемого, Сулакского соглашения, Е.Д. Налоева уточнила ранее неизвестные факты. Так, она доказала, что кабардинцев в этом походе возглавлял не Эльмурза Черкасский с Асланбеком Келеметовым, как многие считали, опираясь на данные П.Г. Буткова²⁸, а Асланбек Кайтукин, лидер тогда еще пророссийской Кашкатауской партии. Эльмурза Черкасский не мог быть представителем Кабарды в этом походе потому, что он еще в 1719 г., сопровождаемый собственными уорками, навсегда покинул Кабарду, принял подданство России и поступил на службу в русскую армию. В Персидском походе он участвовал как командир одного из подразделений российских иррегулярных войск в чине майора²⁹.

Переговоры с Петром I проходили не в Астрахани, как считалось ранее, а в Дагестане, и в них принимал участие советник Асланбека Кайтукина Жабаци Казанок³⁰. Благодаря находкам, сделанным в АВПР Е.Д. Налоевой и введенным ею в научный оборот Джабаги Казанок, долгое время бывший сугубо фольклорным персонажем, чью национальную принадлежность оспаривали

народы Северного Кавказа, превратился в реального исторического деятеля Кабарды XVIII в.

«Ближний уздень» верховного князя Кабарды Асланбека Кайтукина, его советник, дипломат, возглавлявший кабардинские посольства в Россию, Крым, Дагестан, – таким предстал народный мудрец Жабаги Казанок в архивных документах³¹. Из документальных источников стало также известно, что у Жабаги был сын по имени Шаабан и родной брат Ахмедхан³².

В 1988 г. в г. Москве вышло двухтомное академическое издание «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.». Е.Д. Налоевой была доверена подготовка раздела, посвященного положению Северного Кавказа в международных отношениях России, Турции и Ирана в XVIII в. В частности, ею были подробно рассмотрены причины, ход и последствия Русско-турецкой войны 1736–1739 гг., а также участие в ней Кабарды. Одной из причин этой войны, считала Е.Д. Налоева, была борьба двух держав за геополитическое влияние на Кабарду, результатом же войны и последовавших дипломатических переговоров стала так называемая «нейтрализация» Кабарды.

В результате заключенного в 1739 г. Белградского мирного трактата, согласно 6 артикулу, международное положение Кабарды было закреплено в признании ее в виде барьерной (нейтральной) страны между Турцией и Россией. Согласно выводам, к которым пришла Е.Д. Налоева, фактическую независимость Кабарде удавалось сохранять путем лавирования между странами-соперницами – Россией и Турцией, на равновесии сил которых, собственно, и держалась ее независимость.

За вклад в написание и подготовку к изданию «Истории народов Северного Кавказа» Е.Д. Налоевой, как одному из авторов от лица Председателя Совета Северо-Кавказского научного центра Высшей школы, член-корр. АН СССР Ю.А. Жданова была объявлена благодарность³³. Это еще одно свидетельство высокого научного уровня публикаций Е.Д. Налоевой.

Среди других научных статей Е.Д. Налоевой, в свое время высоко оцененных историками, хотелось бы упомянуть работу «К вопросу о термине «кунак»³⁴. Хорошо известный и вошедший в научный оборот кавказоведения термин «кунак» долгое время считался обозначением отношений гостеприимства, а также побратимства и дружбы. Термин «кунак» – тюркского происхождения, обозначающий как гостя, так и друга.

В процессе работы над архивными источниками Е.Д. Налоева обратила внимание на разницу в написании этого термина в научной кавказоведческой литературе и архивных источниках, начиная с XVI по XVIII в. включительно. Если в литературе употреблялся термин «кунак», то в архивных источниках всегда «канак», «конак», а еще чаще в виде «отдаться в конаки», «уйти в конаки». В результате Е.Д. Налоева пришла к выводу, что термин «канак» – адыгского происхождения и отражает проявление не столько гостеприимства, сколько, одну из форм обычая покровительства. Согласно этому обычаю, когда человек отдавался под покровительство и защиту более высокого по статусу и влиянию человека, рода, фамилии, про него говорили «отдался в конаки», «ушел в конаки» («къанаклуэ»). Институт покровительства в первой половине XVIII в. был одним из распространенных и действенных обычаев, которым пользовались все слои общества³⁵.

Под защиту покровителей могли уходить как в одиночку, так и целыми семьями и обществом, а в некоторых случаях так могли обозначаться межгосударственные отношения в виде протектората – покровительства. Именно в таком понимании этот термин употребляет кабардинский князь Эльбоздуко Канаматов, когда в 1763 г. на ультимативное письмо кизлярского коменданта отвечает: «... мы не холопы ваши, а конаки е.и.в. всероссийской государыни»³⁶.

По мнению Е.Д. Налоевой, в документах XVI–XVIII вв. использовался именно адыгский термин «къанакIуэ», подразумевающий институт покровительства; позднее в кавказоведческой литературе он стал неправомерно отождествляться с тюркским термином «кунак», отражавшим отношения дружбы и гостеприимства.

К 60-м гг. XX в., благодаря трудам Г.К. Гарданова, Т.Х. Кумыкова, Н.Х. Тхамокова, Г.А. Кокиева, Е.Н. Кушевой, З.В. Анчабадзе, Л.И. Лаврова, Г.Х. Мамбетова социально-экономический строй Кабарды был уже достаточно изученной темой, а феодальный характер общественно-политического устройства не подвергался сомнению. Тем не менее периодически поднимались дискуссии по отдельным аспектам этой проблемы.

В предыдущий период ряд историков (В.П. Пожидаев, С.М. Месяц, И.Ф. Мужев, С.К. Бушуев), отрицая земельную собственность у кабардинских князей, в то же время признавали наличие в Кабарде феодализма и феодальной раздробленности. Несостоятельность данной теории была опровергнута исследованиями большой группы кавказоведов, в числе которых был и известный этнограф Л.И. Лавров. Дискуссия по данному вопросу считалась исчерпанной, не было только достигнуто единого мнения об уровне развития феодальных отношений. Однако в вышедшей в 1978 г. своей книге³⁷ Л.И. Лавров вновь поставил под сомнение итоги дискуссии, возвращаясь к теории «безземельного» феодализма.

Е.Д. Налоева подвергла аргументированной критике теорию Л.И. Лаврова и убедительно доказала наличие феодального землевладения в Кабарде уже в XV–XVI вв.³⁸ Несмотря на все своеобразие кабардинского феодализма, он содержит в себе все формационные признаки данного общественно-политического строя. Всестороннее исследование разных аспектов этой проблемы позволило Е.Д. Налоевой сделать вывод, что в Кабарде феодализм типологически был близок к европейскому типу, несмотря на его выраженный местный колорит³⁹.

В последующем проблеме кризиса адыгского феодализма и попытке его преодоления, предпринятой феодальной элитой Кабарды в первой четверти XIX в., посвятил свою монографию В.Х. Кажаров⁴⁰. При разработке этой темы во многом он опирался на результаты научных исследований, нашедшие отражение в трудах Е.Д. Налоевой. Таков вкратце обзор изданных при жизни научных работ Е.Д. Налоевой.

В 2013 г. племянник Евгении Джамурзовны (сын ее старшего брата Аслангери) Аскер (Георгий) Налоев безвозмездно передал в Научный архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований хранившиеся у него личные бумаги Е.Д. Налоевой. В них среди прочего были ранее неопубликованные научные статьи и одна монография. По поручению руководства института 4 февраля 2013 г. в целях сохранения научного наследия Е.Д. Налоевой и создания в Научном архиве КБИГИ фонда Е.Д. Налоевой была создана комиссия. Ученым советом института было принято решение издать научное наследие Е.Д. Налоевой в виде книги и одного приложения к ней сборника генеалогических карт. В 2014 г. они были изданы⁴¹.

В раздел I книги вошли опубликованные статьи Е.Д. Налоевой, обзор которых был представлен выше. Следующие два раздела содержат неизданные работы. В раздел II вошли тринадцать неопубликованных статей, различающихся как по объему, так и по степени завершенности. Некоторые из них носят незаконченный характер, представляя собой черновые наброски. Тем не менее они вызывают интерес и являются значимыми для нас в силу высказанных в них мыслей и догадок автора по различным аспектам истории черкесов в целом и истории Кабарды, в частности.

Так, например, в статье «Размышления о проблемах нашей истории» Е.Д. Налоева затрагивает такие еще недостаточно изученные и разработанные вопросы,

как образование кабардинского феодального государства, этногенез балкарского и карачаевского народов, природа раннефеодального аланского царства, заселение территории Центрального Кавказа предками адыгов. Е.Д. Налоева подвергает сомнению теорию, господствовавшую в советском кавказоведении, что предки кабардинцев переселились из Северо-Западного Кавказа на опустевшие после нашествия монголов земли аланов и половцев в течение XIII–XIV вв. Концепция Е.Д. Налоевой сводится к нескольким положениям. Прежде всего, критике подвергнута гипертрофированная оценка этнической основы Алании IX – начала XIII в., представляемой как раннефеодальное государство ирано-язычной народности аланов. Е.Д. Налоева считала неправомерным отождествлять ирано-язычных кочевников-аланов, жестоко разгромленных гуннами в IV в. и в основной своей массе увлеченных с собой в их поход на Запад, и Аланию IX в. – раннефеодальное государство на территории современных республик Северного Кавказа, кроме Дагестана. По ее мнению, «Алания» – это не этноним и не национальное государство аланов, а протогосударственное политическое объединение аборигенных (адыгоязычных и вайнахоязычных) и пришлых (ираноязычных и тюркоязычных) общностей под названием «Алания», созданное с целью защиты общих интересов от внешних врагов. Если относиться к Алании как к такому политическому объединению, то становится понятным, почему после первого удара монголов в 1227 г. силами разведывательного корпуса в составе двух туменов⁴² Алания исчезла с политической карты Северного Кавказа. Видимо, считает Е.Д. Налоева, монголы уничтожили не аланов, а Аланию, а все этносы, входившие в это политическое объединение, никуда не делись и не были истреблены монголами. Ни один из этносов Кавказа, в том числе осетины, которых считают прямыми потомками аланов, почему-то не унаследовал в качестве этнонима термин «алан».

Теория переселения предков кабардинцев на Центральный Кавказ также подвергнута автором критике. Прежде всего, по ее мнению, не следует отождествлять заселение Центрального Кавказа предками кабардинцев с именем харизматического лидера общечеркесского масштаба князя Инала. То, что Инал – не легендарная, а историческая личность, не вызывает у автора никаких сомнений. С помощью методов научной генеалогии Е.Д. Налоева определяет время жизни и деятельности Инала первой четвертью XIV в. Обособление же кабардинцев от общеадыгского массива произошло ранее, в XI–XII вв., и нет оснований связывать колонизацию кабардинцами Центрально-Кавказской равнины с приходом Инала. Последний не мог привести кабардинцев на Центрально-Кавказскую равнину, так как к моменту его появления они уже жили здесь и были аборигенами, и эта территория называлась Кабардой. В противном случае, согласно существовавшей у адыгов традиции, эта территория именовалась бы «Иналей», что, однако, не произошло, несмотря на огромный авторитет этого князя. Т.е. отделение от общего адыгского массива и формирование кабардинского субэтноса совершилось задолго до Инала, хотя из-за отсутствия прямых данных, трудно указать, когда именно оно произошло.

Кабардинцы как локально-этнографическая группа, по мнению Е.Д. Налоевой, являются потомками Касожского племенного союза, который существовал согласно письменным источникам, с VII в. в центре Северного Кавказа. Они жили на Центральном Кавказе задолго до монгольского нашествия и после монгольского вторжения оставались на своей территории, находясь в политической орбите Улуса Джучи (Золотой Орды). Кабарда как военно-политическое и этническое образование восточных черкесов – преемница Касожского союза. В отличие от Зихского племенного союза на Северо-Западном Кавказе, отстоявшего независимость и находившегося во враждебных отношениях с монголами, восточные черкесы входили в состав Золотой Орды.

Другая важная проблема, затронутая Е.Д. Налоевой, – вопросы этногенеза черкесов. Ее статья из цикла неопубликованных работ, так и называется «К вопросу об этногенезе адыгских народностей». Усилиями кавказоведов разных специальностей, занимавшихся проблемами этногенеза адыгов, была выработана общепринятая концепция, нашедшая отражение в обобщающем труде по истории Кабардино-Балкарии. Согласно этой концепции, «племена, населявшие районы Центрального и Северо-Западного Кавказа, представляли некогда единую часть общекавказской языковой семьи или кавказского субстрата. Только последующие исторические события – включение в некогда единую кавказскую этническую среду инородных для Кавказа иранских (скифских, а позднее – сарматских и аланских), а еще позднее – тюркоязычных – нарушили это единство и способствовали образованию в центральной части Кавказа осетинского (ираноязычного) и балкарско-карачаевского (тюркоязычного) массивов.

Население же Северо-Западного Кавказа в своей основе осталось прежним, сугубо кавказским по языку. Здесь исторический процесс завершился сложением другого мощного этнического массива Северного Кавказа – адыго-черкесо-кабардинского, древние предшественники которого – меоты, синды, керкеты, псессы, зихи и другие – хорошо известны по свидетельствам античных авторов. Эти племена и народности явились далекими предками нынешних адыгейцев, черкесов и кабардинцев»⁴³.

Л.И. Лавров, бывший одним из авторов этой концепции, пересмотрел свои взгляды и в своей вышедшей в 1978 г. в Ленинграде книге выдвинул совершенно новую концепцию по данному вопросу⁴⁴. В статье Е.Д. Налоева затрагивает лишь три аспекта данной концепции Л.И. Лаврова – это ираноязычность, по его мнению, племен Юго-Западного Кавказа, вопрос об абазинах и происхождении кабардинских князей.

«Иранизация» Л.И. Лавровым абсолютного большинства этнических групп Северо-Западного Кавказа античной эпохи, считает Е.Д. Налоева, неоправданно сужает круг возможных предков самого мощного этнического массива региона – адыгов. Как известно, к XIV в. адыгами были заселены не только Северо-Западный Кавказ, но и центральная часть Северного Кавказа. Такой демографический взрыв и территориальное расширение нереальны, отмечает она, за счет естественного прироста двух племен. Ведь Л.И. Лавров отрицает участие в этногенезе адыгов синдо-меотов как ираноязычных народов, за исключением зихов и ахеев, которых он считает бесспорными протоадыгами⁴⁵.

Видимо, осознавая уязвимость данной позиции, Л.И. Лавров выдвигает в дополнение к ней новую версию об якобы абазинском происхождении шапсугов, абадзехов и бжедугов, составлявших в XIX в. три четверти всех адыгов. Сущность этой теории сводится к следующему: прежде всего Л.И. Лавров отождествляет древних абазгов и современных абазин, считая, что они до VIII в. говорили на убыхском языке. Абазги-абазины, по его мнению, были многочисленным племенем и владели обширной территорией от р. Бзыбь до р. Кубань на Северном Кавказе. Со временем они покорили соседние племена апсильов (предки современных абхазов) и в VIII в. создали Абхазское царство с абазинской династией во главе. Но так как покоренные апсилы (предки абхазцев) имели более развитую культуру, чем их соседи горцы-абазги, говорившие на древнем протокубанском (убыхском) языке, то среди последних распространились абхазские диалекты. Затем южная ориентация политики Леона II (абхазский царь конца VIII – начала IX в.) и его преемников привела к превращению абхазского царства в Грузинское, а абазги (предки абазин) стали политически независимы от абхазских царей и попали под возросшее влияние адыгов, что со временем привело к их переходу на различные диалекты адыгского языка. Так, «шапсуги, абадзехи, бжедуги были прежде абазинами и говорили на абазинском языке»⁴⁶.

Е.Д. Налоева совершенно обоснованно ставит под сомнение данную концепцию по нескольким причинам. Во-первых, Л.И. Лавров не дает объяснения тому, как малый народ поглотил и ассимилировал более многочисленный. Во-вторых, он в своем очерке не дает прямых указаний о времени перехода абазгов-абазин под адыгское влияние, но если данные процессы начались при упоминаемом Л.И. Лавровым абхазском царе Леоне II и его преемниках, то это X–XI вв. В таком случае вызывает сомнение, могли ли абазины за такой короткий срок (с VIII по IX в.), сменить два языка (убыхский на абазинский), а затем, с X в., перейти на третий – адыгский.

История северокавказских абазин показательна и еще более подтверждает уязвимость данной теории. Почему, – задается вопросом Е.Д. Налоева, – они, будучи достаточно немногочисленными, живя, по крайней мере, с XIV в. среди адыгов, находясь в теснейших экономических, политических, территориальных и брачных связях с кабардинцами, сохранили тем не менее до наших дней свои этнические особенности, в том числе родной язык? В то же время, если шапсуги, абадзехи, бжедуги и абазины Северо-Западного Кавказа – потомки бывшей великой Абазгии, то как объяснить, что они с такой легкостью ассимилировались, положив начало трем самым многочисленным адыгским субэтносам, а маленькая «алтыкесек абаза»⁴⁷ за сотни лет проживания в адыгской среде на Северном Кавказе обнаружила несказанный иммунитет?⁴⁸

В вопросе о происхождении северокавказских абазин Е.Д. Налоева солидарна с исследованиями З.В. Анчабадзе, который считал их абхазами, переселившимися на северную часть Кавказа в XIV–XVI вв.⁴⁹ Опираясь на генеалогические предания кабардинских князей и исторические источники, Е.Д. Налоева также приходит к аналогичному выводу о том, что переселение из Абхазии предков северокавказских абазин можно отнести к XIV в.

И, наконец, теория Л.И. Лаврова об якобы «абазинском» происхождении кабардинских князей и их предка Инала также скептически воспринята Е.Д. Налоевой. Для обоснования данной концепции Л.И. Лавров берет за основу фольклорный материал, но при этом некритически его использует, а зачастую и явно искажает ясный смысл приводимых в качестве обоснования кабардинских преданий. Все эти натяжки Л.И. Лавров вынужден был использовать в целях обоснования своей гипотезы об абазинах, которые совершенно не согласуются с источниками.

Среди ранее неопубликованных работ Е.Д. Налоевой хотелось бы обратить особое внимание на статью под названием «Загадочный обычай барамта»⁵⁰. Можно сказать, что это первое научное исследование малоизученного адыгского общественного института, произведенное Е.Д. Налоевой. Суть барамты – особая система распутывания крупных уголовных дел, связанных с убийствами, похищениями и грабежами, и получения истцом материальной компенсации при отсутствии ответчика или невозможности установить его личность. Е.Д. Налоева подошла к изучению этого общественного института с научных позиций, проследила его генезис и трансформацию в разные исторические эпохи.

При написании целого ряда работ, вошедших во второй раздел книги, таких как: «Айдемиркан», «Идаров род», «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник», «Легендарная или историческая личность Инал?», «О генерале Эльмурзе Черкаском» – Е.Д. Налоевой широко используются данные, собранные ею по генеалогии кабардинских княжеских фамилий, составленные в генеалогические карты. Они прилагаются к книге в виде отдельного альбома генеалогических карт под названием «Генеалогия кабардинских князей как исторический источник». В него входит 14 генеалогических карт. Данный сборник генеалогических карт кабардинских княжеских фамилий является плодом многолетней работы Е.Д. Налоевой с архивными документами.

Сама идея создания этих генеалогий возникла у автора в процессе сбора материала для написания кандидатской диссертационной работы⁵¹, и они используются ею как вспомогательный исторический источник при освещении политической истории Кабарды XVIII в. В своих статьях и в монографии «Кабарда в XVIII веке» Е.Д. Налоева постоянно ссылается на данные этих генеалогий. Работая в центральных архивах г. Москвы, Е.Д. Налоева непрерывно дополняла и дорабатывала генеалогию, доведя ее до XVIII в. При этом она считала, что генеалогия еще требует дальнейших уточнений и доведения хронологических рамок до XIX в., но в силу разных обстоятельств ей не удалось это сделать.

Генеалогические карты как вспомогательный исторический источник используются в исследованиях Е.Д. Налоевой для прояснения и понимания многих проблем политической истории Кабарды, таких как: система передачи власти верховного князя (пщышхо) Кабарды по старшинству лет и по боковой линии; право наследования семейной собственности; семейно-брачные отношения в среде социальных элит; особенности внутривластной борьбы княжеских фамилий; сюзеренно-вассальные и союзнические отношения кабардинских князей с соседними народами и государствами. Применение методов научной генеалогии в сочетании с использованием широкого круга архивных источников, литературных и фольклорных материалов позволило Е.Д. Налоевой осветить страницы истории феодальной Кабарды в новом ракурсе, и это во многом новаторский подход, можно сказать, впервые использованный в адыгведении.

В раздел III вошла монография «Кабарда в XVIII веке». В монографии Е.Д. Налоевой определены три основных направления для исследования:

- 1) социально-экономические отношения в первой половине XVIII в.;
- 2) государственно-политический строй;
- 3) внутреннее и внешнее положение страны с начала XVIII в. по 1739 г., т.е. до объявления Кабарды независимой.

В процессе исследовательской работы Е.Д. Налоевой использовался большой объем материалов, архивных источников, многие из которых впервые были введены в научный оборот.

Исследовав в монографии государственно-политический строй, в заключение Е.Д. Налоева делает вывод, что образовавшееся в Кабарде феодальное государство было княжеством, по политическому режиму – представительной организацией сословий господствующего класса (аристократическая республика), а по форме государственного устройства – децентрализованным с тенденцией к объединению⁵².

Описанная государственно-политическая система правления Кабарды аналогична политическому режиму эпохи развитого феодализма. Это признавали все дореволюционные авторы, в частности Г.А. Гюльденштендт, П.С. Паллас, С.М. Соловьев, С.М. Броневский и др. Некоторые дореволюционные русские историки сравнивали Кабарду первой половины XVIII в. по ее внутреннему политическому устройству и по положению в системе международной политики с Польшей того же времени. В частности, С.М. Соловьев оценивая место и роль Кабарды в мировой (европейской) истории, характеризовал Кабарду XVIII в. как небольшое государство регионального масштаба, оказавшееся на стыке геополитических интересов двух крупнейших империй той эпохи – Османской и Российской. Внешнеполитическая ситуация вокруг Кабарды на Кавказе была схожа с той, которая сложилась в Европе вокруг Польши. «Что в Европе была Польша, то в Азии была Кабарда, слабая страна, находившаяся между двумя сильными влияниями – русским и турецко-крымским», – писал русский историк⁵³. Аналогии между ними прослеживаются и в их государственном устройстве, и в особенностях внутривластной жизни: те же противоречия внутри элиты, наличие сословно-представительного органа господствующих классов в

виде адыгской Хасы и польского Сейма, слабая центральная власть в лице кабардинского пшиуали и польского короля, выборность этой должности на съезде всех дворян – Хасой в Кабарде, Сеймом – в Польше, что позволяет говорить о существовании в обеих странах выборной монархии и аристократической республики; право вето на Хасе и в Сейме, номинальная зависимость крупных феодалов в лице кабардинских удельных князей и влиятельных польских магнатов – шляхтичей от центральной власти; их отношение к верховному князю в Кабарде и к королю в Польше как равным себе по статусу, но «первому среди равных», большой удельный вес дворянства в общей массе населения страны – в Кабарде до 1/3, в Польше от 10 до 20% населения и некоторые др. В целом же кабардинский феодализм приближался к европейскому типу, хотя и имел свои специфические особенности.

Подводя итоги исследования международного положения Кабарды, Е.Д. Налоева пришла к следующим выводам:

- Находясь на стыке двух могущественных империй того периода – Османской империи и ее сателлита Крымского ханства, с одной стороны, и России – с другой, Кабарда была вынуждена вести очень сложную, гибкую, напряженную внешнюю политику. Ей приходилось постоянно эквилибрировать между соперницами, на равновесии сил которых, собственно, и держалась ее относительно независимое существование.

- Неустойчивость внешней политики Кабарды и частая смена внешнеполитических ориентиров ее феодальных группировок были, с одной стороны, отражением сложной неблагоприятной внешнеполитической обстановки, а с другой – следствием ее экономической и политической отсталости по сравнению с соседними державами.

- Хотя Кабарда была слабой по сравнению с соседними государствами страны, ее политический статус как самостоятельного государственного образования был официально признан мировыми державами (Турцией и Россией) согласно артикулу 6 Белградского мирного трактата 1739 г.

- Протекторат со стороны России в этот период отвечал политическим интересам Кабарды, поскольку в то время Россия еще не покушалась на самобытность ее внутреннего устройства. Пока позиции империи на Юге не были прочны, Россия была заинтересована в союзе с Кабардой. Этот союз был взаимовыгодным: Кабарда в случае необходимости опиралась на силу и помощь России, а Россия через Кабарду, доминировавшую в качестве регионального лидера в Северо-Кавказском регионе, укрепляла свои позиции на Юге. Путь в Закавказье османским и крымским войскам закрывала Кабарда, лежавшая в центре Кавказа и контролировавшая шедшие через нее коммуникации.

Таким образом, в своей капитальной монографии Е.Д. Налоева осветила основные черты хозяйственной, социальной, внутриполитической и международной жизни Кабарды в первой половине XVIII в. Фактически это первая обстоятельная научная работа по этому периоду, освещающая практически все аспекты социально-экономического, государственного и политического развития феодальной Кабарды, не подвергшейся еще серьезной трансформации и сохранявшей в полной мере свое самобытное устройство. Публикация этого труда и ввод его в широкий научный оборот являются весомым вкладом в отечественную науку – кавказоведение в целом и в адыгovedение, – в частности.

Примечания

1. Об этом рассказывала сама Е.Д. Налоева своему родственнику по материнской линии Мирзоеву Зауру Наурузовичу (1950 г.р., КБР, г. Нальчик), от кого мы и получили эту информацию.

2. После революции все населенные пункты Кабарды, носившие имена своих бывших феодальных владельцев, были переименованы. Сел. Хату-Анзорова соответственно было переименовано в Старый Урух.

3. Налоев Заур. Кулачное право // Кабардино-Балкарская правда. 2007. 2 окт. № 300 (22175). С. 3.

4. Отец известного адыгского ученого-фольклориста, писателя и общественного деятеля Заура Налоева.

5. В документах употребляются три формы написания имени отца Евгении Налоевой – Джамурза, Жамурза, Джемурза. В зависимости от используемых источников нами будут употребляться все три формы написания.

6. НА КБИГИ, Ф. 48. Оп. 48. Ед. хр. 59. Инв. № 3050. Заявление Налоева Аслангери Джамурзовича в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30–40 и 50-х гг. по отношению к членам его семьи.

7. 27 мая 1935 г. руководство НКВД СССР по указанию И.В. Сталина издало приказ № 00192 об организации «троек». Это позволило фактически без суда и следствия в сжатые сроки выносить приговоры гражданам различных видов наказания: от ссылки в исправительные лагеря до расстрела. Для этого ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Этим постановлением дана строжайшая установка: следствие по так называемым контрреволюционным делам заканчивать в срок не более десяти дней. Обвинительные заключения вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела; дела слушать без участия сторон. Кассационные обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускались. Приговор к высшей мере наказания (расстрелу) подлежал немедленному исполнению по вынесению приговора. В «тройку», принимавшую соответствующее решение, входили три лица: первый секретарь обкома партии, начальник областного НКВД и прокурор. До своего ареста 12 ноября 1939 г., в Кабардино-Балкарской автономной области деятельность «тройки» возглавлял соответственно первый секретарь обкома Б.Э. Калмыков, который не только выносил приговоры, но и проводил допросы осужденных.

8. Ст. 58 в уголовном кодексе РСФСР вступила в силу 25 февраля 1927 г. для противодействия контрреволюционной деятельности. Заключение, осужденные по ст. 58, назывались «политическими», в отличие от обычных преступников – «уголовниками». В ст. 58–10 имелся перечень подпунктов с различным составом преступлений (антисоветская агитация, шпионаж и т.д.). С 1921-го по 1953 г. по 58-й ст. в СССР были осуждены 3,78 млн человек.

9. Архив УФСБ (Управление федеральной службы безопасности) России по КБР, АУД 3 4102 – П. (Эти документы из ведомственного архива были разысканы П.А. Кузьминовым и предоставлены нам, за что мы выражаем свою признательность. – А.М.).

10. Архив внешней политики России и Центральный военно-исторический архив.

11. Архив КБГУ, личное дело Е.Дж. Налоевой.

12. Калмыков Ж.А. Жизнь как подвиг. Вопреки сталинскому ГУЛагу в науку (К 90-летию со дня рождения Е.Дж. Налоевой). – Размышления историка. В поисках истины. Нальчик. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». 2009. С. 42–60. С. 56.

13. Там же. С. 56–57.

14. Кузьминов П.А. Свет ее глаз. Будем помнить. Университетская жизнь. 2007, март.

15. Калмыков Ж.А. Жизнь как подвиг... С. 45.

16. Налоева Е.Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 61–81.

17. Она же. Об особенностях кабардинского феодализма. Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 5–27.

18. Она же. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 69–87.

19. Она же. К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII в. // Ученые записки КБГУ. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1969. Вып. 40. С. 18–35.

20. *Она же*. Участие кабардинцев в русско-турецких войнах первой половины XVIII в. – Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа: Материалы Всероссийской конференции. 2–3 октября 1979 г. Грозный, 1982. С. 277–280.
21. *Она же*. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. ... С. 21.
22. Там же. С. 23.
23. Там же. С. 69–79.
24. *Тхамоков Н.Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961. С. 125–135.
25. *Боцадзе Т.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тбилиси, 1965. С. 90–97.
26. *Налоева Е.Ж.* К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. ... С. 75.
27. *Она же*. К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII в. ...; *Она же*. Участие кабардинцев в русско-турецких войнах первой половины XVIII в. ...; Русско-турецкая война 1736–1739 гг. и народы Северного Кавказа; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т. I. С. 426–434.
28. *Бутков П.Г.* Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. I. С. 21.
29. *Налоева Е.Д.* К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII в. ... С. 29–30.
30. *Она же*. Документальные данные о Казанко Жебаги. Жебаги Казанко (300 лет): Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 г). Нальчик, 1987. С. 90–104. С. 97.
31. Там же. С. 93–94.
32. Там же. С. 95.
33. Архив КБГУ. Личное дело Е.Д. Налоевой. (Приказ № 24 от 07.05.88). Л. 20.
34. *Налоева Е.Д.* К вопросу о термине «кунак» // Ученые записки КБГУ. Нальчик, 1971. Серия историко-филологическая. Вып. 43. С. 143–152
35. Указ. соч. С. 150–151.
36. Цит. по указ. соч. С. 146.
37. *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978.
38. *Налоева Е.Дж.* Об особенностях кабардинского феодализма... С. 31.
39. Там же. С. 27.
40. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994.
41. *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII в.: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 368 с.
42. Один монгольский тумен состоял из 10 000 воинов.
43. История КБАССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. I. С. 45.
44. *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа...
45. Там же. С. 38–39.
46. Там же. С. 41–45.
47. «Алтыкесек абаза» в переводе с татарского означает «шестиродные» абазыны, по имени шести подразделений: Лоу, Биберд, Дударук, Клыч, Кяч, Джантемир.
48. *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII в. ... С. 206–207.
49. *Анчабадзе З.В.* История и культура древней Абхазии. Сухуми, 1964.
50. *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII в. ... С. 139–149.
51. *Налоева Е.Д.* Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в. (07.00.02 – история СССР): автореф. дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 1973.
52. *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII в. ... С. 294.
53. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 13. С. 386.

A.S. Mirzoyev

ABOUT THE LIFE AND WORKS OF EUGENIYA DZHAMURZOVNA NALOEVA

December 24, 2015 marks 95 years since the birth of a talented historian and researcher, an outstanding teacher E.Dz. Naloeva (1920–2007), is a representative of the first generation of scholars of the Kabardino-Balkaria republic of the Soviet school of historical kabardinovedeniya. The article aims to briefly illuminated the life and work of E.Dz. Naloeva, its teaching and research activities.

Keywords: scientific, educational activities, creative heritage, kabardinovedenie, research topics, genealogy research.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 314(470.64)

И.А. Табаксоев

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В работе исследуются некоторые проблемы гендерных отношений и их влияние на демографические процессы в КБР. Выявлено, что структура населения республики изменилась, а тенденции гендерного неравенства сохраняются. Сделан вывод о том, что гендерные отношения и женская занятость конкурирует с материальным фактором на равных в системе факторов демографического развития.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика, гендерные отношения, половозрастная структура, брачная структура, численность населения.

Население – основное богатство любой страны, без него жизнь государства невозможна. Из всех организационных ресурсов именно «человеческий капитал» скрывает наибольшие резервы для повышения эффективности функционирования любой современной структуры. Поэтому явление воспроизводства населения оценивается как одно из наиболее значимых. О нем можно смело говорить как об основном процессе репродукции общества¹. Влияние предыдущей возрастной структуры на последующую постепенно ослабевает. По мере удаления от некоторого исходного момента современная возрастная структура все меньше зависит от исходной и все больше – от динамики экзогенных функций рождаемости и дожития за прошедший период (слабая эргодичность)².

Современное российское общество вступило в затяжной период глубоких социально-экономических трансформаций. Воспроизводство населения и регулирование демографических процессов обусловлены поиском путей преодоления демографического кризиса и заключены не только в политической, но и в научной парадигме.

Гендерный фактор в демографическом развитии должен интерпретироваться в сочетании с глобальными и региональными факторами при разработке и корректировке концепции дальнейшего демографического развития. В условиях как демографического, так и надвигающегося кризиса трудоспособного населения невозможно проводить комплексную демографическую политику без учета гендерного фактора. В противном случае «классическая» теория демографического перехода может оказаться малопродуктивной. Совокупность теорий среднего уровня, специализированных для каждого региона, будет обладать большей объясняющей способностью, чем общая теория демографического перехода.

Исследование факторов демографических процессов в современный период становится предметом изучения специалистов гуманитарных наук. Перспективы развития гуманитарных наук в значительной степени предопределяются тенденциями трансформации их предмета – тех социальных и культурных форм, в которых осуществляется жизнедеятельность человека и народонаселения³.

Абсолютно ясно, что демографическая политика, проводимая государством, повлияла позитивно и на рождаемость в стране, и на уровень социальной защищенности, и на законодательную поддержку семьи и брака. Целью демографического развития Российской Федерации была стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту⁴. И эти цели с относительной погрешностью были достигнуты в 2014 г., когда рождаемость в стране превысила смертность. Стабилизация численности населения была достигнута, есть положительная тенденция к последующему росту за последний год. Чтобы не потерять этот долгожданный эффект, необходим периодический мониторинг процессов воспроизводства, как со стороны властей, так и научного сообщества.

Как показывает опыт стран, имеющих схожие проблемы в области рождаемости, одной из основных стратегий демографической политики является создание условий для сочетания родительства и занятости⁵. Для того, чтобы получить лучший эффект от демографической политики страны, необходимо гармонизовать рождаемость и занятость женщин, что является актуальным вопросом как регионов, так и страны. По данным крупномасштабного социологического исследования⁶, женщины хотят совмещать материнство и занятость, готовы к рождению второго ребенка только при условии сохранения возможности работать в сфере оплачиваемой занятости. Фактор занятости конкурирует с материальным фактором на равных. Кроме того, уровень образования и профессиональный рост матери положительно влияет на уровень развития детей⁷. Следовательно, необходимо разработать систему мер, которая позволит сочетать занятость и родительство. Гендерные отношения в системе факторов гендерного неравенства может стать одним из ведущих факторов демографического развития, оказывая влияние на дифференциацию смертности населения по полу, на динамику рождаемости и на характеристики миграционных процессов как внутри республики, так и вне ее.

В 2015 г. общая численность населения по данным Росстата по КБР составила 860 709 человек, за последние 15 лет (2002–2015) за счет естественной убыли (разницы между числом рождений и числом смертей, а также миграции) население республики уменьшилось на 42 тыс. чел., или на 4,5%⁸. По данным Росстата по КБР в 2013 г. из общей совокупности населения мужчины составили 400,9 тыс., женщины – 457,5 тыс. человек. В 2013 г. разница составила 56,6 тыс. чел. (Табл. 1). Ожидаемая продолжительность жизни населения республики составляет у мужчин 69,0 лет, а у женщин – 78,1, в суммарном значении 73,7 года⁹.

Таблица 1

Численность мужчин и женщин в КБР¹⁰
(тыс. чел.)

Годы	Общая численность,	В том числе:		Численность населения, %	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
2002	901,1	422,4	478,7	46,9	53,1
2005	866,2	405,8	460,4	46,9	53,1
2010	859,8	401,7	458,1	46,7	53,3
2013	858,9	400,9	457,5	46,7	53,3

Пожалуй, наиболее информативно состояние института семьи на в КБР отражают изменение численности населения и коэффициент рождаемости (Табл. 2).

Таблица 2

Показатели рождаемости в Кабардино-Балкарской Республике
на 2014–2018 гг.¹¹

Показатель	Годы					
	2013 факт	2014 факт	2015 план	2016 план	2017 план	2018 план
1	3	4	5	6	7	8
Суммарный коэффициент рождаемости	1,8	1,8	1,81	1,83	1,84	1,85
Общий коэффициент рождаемости	15,5	15,6	15,7	15,8	15,9	16,0

Следует заметить, что современное поколение Кабардино-Балкарской республики пока еще не сумело сформировать культурные и социально-психологические механизмы, способствующие адаптации к жизни в поляризованном обществе и снижению стрессовой нагрузки на индивидуальную психику, так как неуверенность и стрессовая нагрузка имеют влияние на демографические процессы.

Однако главным фактором снижения численности населения республики, остается отрицательное сальдо миграции. Тенденции роста доли женщин среди мигрантов можно классифицировать и как «утечку умов», так и потерю репродуктивного потенциала. Основными мотивами отрицательного сальдо миграции являются семейные, трудовые, образовательные. Изменения в возрастной структуре населения, обусловленные его предшествующим воспроизводством, неизбежно приводят к сокращению людей трудоспособного возраста, что приведет к росту демографической нагрузки на работающее население в ближайшей перспективе. В то же время в КБР, как и по всей России, сохраняется неравенство по полу во всех социально-экономических сферах.

Материалы опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 100 населенных пунктах 44 субъектов РФ, подтвердили, что главной причиной сокращения численности населения России 62% респондентов считают низкую рождаемость, причем 83% в качестве наиболее важного фактора снижения рождаемости указали на падение уровня жизни населения. Опросы беременных женщин, проведенные в различных городах России, показали, что на первое место среди препятствующих рождению детей факторов они ставят материальные затруднения¹².

Помимо социально-экономических факторов необходимо учитывать нравственные, духовные, национальные, социально-психологические, т.е. детерминирующие факторы. Они являются немаловажными катализаторами для каждого региона в зависимости от специфики в формировании брачности, рождаемости и смертности, миграции населения. Чтобы располагать объективной во всех отношениях информацией об изменениях рождаемости, следует использовать результаты исследований репродуктивных установок и статистических данных.

По результатам опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», выяснилось, что группа женщин, достигших вторую половину периода наибольшей репродуктивной активности (28–34 года), сохранив бытовавшие представления об идеальном числе детей в семье, явно вынуждена существенно скорректировать свои намерения по их рождению. Группа женщин, находящихся в первой половине периода наибольшей репродуктивной активности (21–27 лет), имеет представления об идеальном числе детей в семье, превышающем пороговое значение для режима расширенного воспроизводства населения – 2,15. Эта

группа демонстрирует относительно высокий уровень притязаний на осуществление собственных репродуктивных планов¹³.

Но среднее ожидаемое число детей, ни в одной возрастной группе не приближается к уровню, пороговому для обеспечения режима расширенного воспроизводства. Это дает основание сделать вывод о том, что необходимо проводить регулярный мониторинг демографических процессов и вносить соответствующие корректировки в проекты демографического развития, как в республике, так и в стране.

Положение нередко усугубляется из-за разнонаправленности отдельных составляющих общего эффекта от вложений в развитие человеческого капитала. Например, социальный внешний эффект от инвестиций в образование женщин является положительным и значительным: рост их образования тесно связан с улучшением здоровья самих женщин и детей. Но он приводит и к снижению рождаемости (отрицательному демографическому эффекту), т.е. депопуляции населения и прямой потере части человеческого капитала в ряде развитых стран¹⁴.

Другой пример: в макроэкономике выгода, получаемая компаниями от репродуктивного труда женщин, рассматривается в качестве положительного внешнего эффекта. Действительно, материнский уход за детьми и их дошкольное домашнее воспитание – благо для всего общества в целом. Однако его издержки несут преимущественно женщины, что создает проблемы в профессионально-квалификационном росте и конкурентоспособности на рынке труда. Требование к женщинам выполнить обязанности по уходу за семьей, прежде чем выходить на рынок труда, выступает в виде своеобразного налога на репродуктивный труд. Как образно выразился И. Палмер, «...национальная экономика каждой страны является своего рода «безбилетником», пользующимся трудом женщин – главной рабочей силой в неоплачиваемом репродуктивном секторе»¹⁵.

Из всего этого напрашивается вывод о том, что сохраняющаяся модель общественного устройства обеспечивает интересы мужчин, т.е. смело можно говорить о гендерной сегрегации. К сожалению, в некоторых макроэкономических моделях последнего времени репродуктивный сектор и труд в нем рассматриваются как препятствие для расширения производственного сектора¹⁶. Максимально высокий уровень горизонтальной сегрегации соответствует ситуации, когда отрасли и профессии четко подразделяются на «мужские» и «женские». Особенностью женской безработицы в КБР является маргинализация женской рабочей силы, в процессе чего возникает высокая степень горизонтальной сегрегации¹⁷.

Ряд ученых не без оснований утверждает, что рынки труда сегментированы по признаку пола; некоторые отмечают «экономическую дискриминацию» как характеристику такой сегментации. Например, недавние исследования уровня заработной платы выявили гендерное неравенство, т.е. различия, которые нельзя отнести на счет разницы в опыте, старшинстве или других социально-экономических факторов¹⁸.

Одну из первых попыток вывести репродуктивный сектор из кризиса предпринял Г. Беккер. Он сделал это в рамках так называемой «новой экономики домохозяйств». В соответствии с ней создана модель производства внутри домохозяйства. Брак, рождаемость, образование детей и распределение времени членов семьи тоже должны быть реализованы в рамках спроса-предложения.

Многие критично относятся к предложенной новой экономике домохозяйств. Ее автора обвиняют в аксиоматическом предположении того, что домохозяйства объединяют полезные функции, заключающиеся в производстве новых возможностей, которые эффективны для всех его членов, и в априорном утверждении о существовании гармонии интересов внутри домохозяйства. В самой Америке он породил мощное движение радикальных феминисток, которые убеждены в том, что проблемы организации эффективного выполнения репродуктивной функции

в условиях существования гендерной асимметрии, ужесточения гендерных ролей невозможно урегулировать¹⁹.

В России, исходя из понимания сложности периода в целом и особенности гендерных отношений в частности, признано невозможным адаптировать опыт западных теорий к российским условиям. Сомнения в уместности западных моделей способствует поиску отечественными исследователями решения вечного «женского вопроса» в рамках социального конструктивизма. Основной вопрос гендерных отношений и организации эффективного выполнения репродуктивной функции уже сформулирован. Он звучит следующим образом: как сконструировать специфическую российскую модель отношений мужчин и женщин в экономической, социальной и приватной жизни? Одновременно социально-конструктивистский подход оставляет пространство для концептуализации желательных для общества изменений в гендерных отношениях и репродуктивном секторе, которые являются результатом проблематизации конкретного опыта.

Итак, формируемое с помощью рефлексивного метода знание является надежным элементом проекта глубоких социально-экономических изменений в гендерных отношениях и репродуктивном секторе. Оно служит также инструментом достижения подлинного равноправия женщин в семье и обществе, роста сознания и изменения идентичности. Достаточно очевидно также, что теория познания социальных изменений должна отличаться от теории познания стабильности. Для современного российского общества, вступившего в затяжной период глубоких социально-экономических трансформаций, необходим напряженный поиск смелых, неординарных решений, адекватных сложности и трудности стоящих перед нами кардинальных проблем.

Однако построить социальную модель для достижения равноправия женщин в семье будет не так легко с традициями и морально-психологический устоями в северокавказских республиках. Так как мужчина считается главой семьи как по традиционным обычаям, так и по вероисповеданию (для исповедующих исламскую религию). Вот тут и необходимо использовать региональную специфику формирования социальной модели развития – как демографическую, так и экономическую.

Нам представляется необходимым добиваться таких изменений в общественном сознании, при которых и женщины, и мужчины стремятся не к продолжению конфронтации и ужесточению конкуренции полов, а к гармонизации гендерных отношений и включению репродуктивного труда в экономическое производство, без чего невозможно благополучное разрешение кризисной демографической ситуации.

Использование социально-конструктивистского подхода при формировании новых стратегий действия в сфере репродуктивного труда позволило выработать несколько важных положений концептуального характера. Так, в соответствии с ним предлагается признать труд женщин по уходу и воспитанию детей-дошкольников в домашних условиях общественно полезным трудом, подлежащем учету в составе экономического производства. Это признание позволяет перенести центр тяжести с социальной помощи матерям к оплате репродуктивного (общественно полезного) труда в домохозяйстве. Следовательно, потребуются новые механизмы и структуры, способные организовать и осуществить оплаты отпусков по уходу и воспитанию детей до семилетнего возраста. Это могут быть специально создаваемые гендерные фонды предприятий и регионов.

Как оказалось, около половины молодых женщин, имеющих одного ребенка, готовы родить второго, а 15% – и третьего ребенка, если в течение семи лет им ежемесячно будет выплачиваться на каждого ребенка достойная компенсация. Однако это только один (хотя и весьма важный) фактор роста рождаемости. Значительный демографический эффект может дать воздействие на репродуктивные процессы и других факторов материального, социально-психологического и медицинского характера²⁰.

При реализации этих условий своеобразный «демографический реванш» – возврат к двух-, трехдетной семье, как в России, так и в КБР, представляется достижимым. Естественно, речь идет не о реставрации дискредитировавшей себя прежней советской модели «работающей женщины-матери», а о свободном выборе каждой женщиной модели своего репродуктивного поведения.

Вполне очевидно, что возможности и границы управления демографическими процессами определены пониманием сущности демографической проблемы. При ее понимании и осознании необходим союз или (по крайней мере) согласованность действий государства и организаций гражданского общества. Опыт других стран свидетельствует о том, что единого и пригодного «на все случаи жизни» рецепта не существует, но вполне очевидно, что организации гражданского общества могут играть заметную роль в решении демографических проблем и в странах, где демократические институты находятся лишь в процессе становления.

Говорить о том, какой должна быть «оптимальная» пропорция участия государства и неправительственных организаций в решении демографических проблем сейчас, вероятно, еще преждевременно. Перспективы формирования гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике сегодня видятся далеко не столь радужными, так как идет процесс противоборства двух разных культур – светской и религиозной. А решение демографических проблем не терпит отлагательства.

Подытоживая результаты проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что гендерные отношения и женская занятость конкурируют с материальным фактором на равных в системе факторов демографического развития.

Примечания

1. *Табаксоев И.А.* Социологический анализ управления региональным демографическим процессом (на примере Ставропольского края): дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.08. Пятигорск, 2008. С. 48.

2. *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество: История, современность и взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 66.

3. *Улаков М.З.* Гуманитарная наука: общие тенденции и проблемы развития региональных исследований // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1999. № 3. С. 9.

4. *Табаксоев И.А.* Социологический анализ управления региональным демографическим процессом (на примере Ставропольского края): дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.08. Пятигорск, 2008. С. 44.

5. *Макдональдс П.* Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы: Материалы международного семинара. Москва, 14–15 сентября 2006 г. UNFPA.

6. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1. М.: НИСЦ, 2007. С. 232, 244, 444.

7. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы: Научный доклад о политике Всемирного Банка (Перев. с англ.). М., 2002.

8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по КБР. URL: <http://kbr.gks.ru/>

9. Там же.

10. Там же.

11. *Табаксоев И.А.* Демографические факторы влияния на функционирование и развитие общества в Кабардино-Балкарской Республике (2002–2014) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 236.

12. Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня Население и общество. № 53–54, 4–17 февраля 2002 // <http://demoscope.ru/weekly/2002/053/analit02.php>

13. *Табаксоев И.А.* Системность и стратегические задачи управления региональным демографическим процессом / И.А. Табаксоев. Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. С. 31.

14. *Оксенченко Т.П.* Трансформация ролевой структуры современной городской семьи // Образование и соц. развитие региона. Барнаул, 2001. № 1/2. С. 214.
15. *Palmer I.* Social and Gender Issues in Macro-economic Policy Advice. Social Policy Series No. 13. GTZ. Eschborn. 1994. 133 p.
16. *Folbre N.* Who Pays For The Kids? Gender and the Structures of Constraint. Routledge. London and New York. 199; *Mehra R., Gammage S.* Trends, Countertrends, and Gaps in Women's Employment // World Development 27:3.1999. 251 p.
17. *Шаожева Н.А.* Гендер и кризис традиционной этнической идентичности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 3. С. 198.
18. *Becker G.* A Treatise on the Family. Harvard. Cambridge. Mass, 1981. 199 p.
19. *Журженко Т.Ю.* Дискурс рынка и проблема гендера в экономике // Общественные науки и современность. 1999. С. 56.
20. *Табаксоев И.А.* Социологический анализ управления региональным демографическим процессом (на примере Ставропольского края): дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.08. Пятигорск, 2008. С. 14.

I.A. Tabaksoev

**GENDER RELATIONS AS A FACTOR OF INFLUENCE
ON DEMOGRAPHIC PROCESSES
IN THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC**

This paper investigates some of the problems of gender relations and their influence on demographic processes in the KBR. It was revealed that the structure of population has changed, and trends in gender inequality persist. The conclusion is that gender relations and women's employment competes with material factor equal in the system of factors of demographic development.

Keywords: Kabardino-Balkarian Republic, gender relations, age and sex structure, marital structure of the population.

УДК 811.512.142

А.К. Анпоев, М.А. Качалаева

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ, КУМЫКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается образование фразеологических единиц в карачаево-балкарском, кумыкском и английском языках в сравнительном аспекте. В смысловом плане фразеологизмы выступают как единое целое, но в случае семантической независимости некоторых компонентов они могут вычленяться в качестве самостоятельных фразеологических единиц.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, кумыкский язык, английский язык, фразеологические единицы.

Анализ фразеологического фонда карачаево-балкарского, кумыкского и английского языков свидетельствует, что основным способом образования фразеологизмов в сравниваемых языках является семантический способ. Совпадает набор механизмов семантического сдвига: переосмысление носит метафорический, метонимический и т.д. характер. Большинство ФЕ в сравниваемых языках образованы в результате метафорического переосмысления: *алтын кьоллар*; *алтын кьолла* «золотые руки», *burn one's boats behind* «сжигать мосты»:

(*Гьар заман гьакъыллы сезю, суюкюм. иржайыву, алтын кьоллары, чомарт юреги булан юртлу доктор аврувну кьаршылай. (Елдаш 8.04.2011) [Каждый раз с умным словом, обаятельной улыбкой, золотыми руками, щедрым сердцем сельский доктор встречает больного.] ...he asked her to burn her boats behind her and bolt with him to Paris (W.S. Maugham).*

В кумыкском языке новые ФЕ образуются в основном в результате гиперболы (напр., *чанг болуп кьалмакъ* «бежать быстро»), в английском языке пополнение фразеологического фонда чаще происходит за счет замены одного из компонентов его стилистически маркированным синонимом. Вместе с тем нередки случаи образования новых вариантов путем повышения экспрессивности фразеологизма (напр., *live like a lord (или prince)* теперь имеет вид *live like a king* «жить как король»):

(*With what I'll get for it, I'll live like a prince! (BNC FSF 144) Executives lived like kings. (CC)*¹.

Анализ показал, что основная масса ФЕ в этих языках имеет постоянный компонентный состав и являются семантически монолитными образованиями. Семантически членимые ФЕ активно участвуют в структурном фразеобразовании. Степень развития таких структурных изменений по лексико-грамматическим разрядам сравниваемых языков разная. Наиболее ярко различия проявляются на примере глагольных ФЕ.

Сопоставительное исследование фразеологизмов в кумыкском и английском языках свидетельствует о том, что анализируемые глагольные компоненты характеризуются различной фразеобразовательной активностью. Высокая частотность наблюдается в кумыкском языке у глагола *болмакъ* «быть». Для

английских фразеологизмов характерна низкая фразеобразовательная активность глагольного компонента.

За счет присоединения некоторых глаголов (напр., турмакъ, бармакъ и др.) средняя наполняемость ФЕ в кумыкском языке становится выше. Соответственно, увеличивается семантическая членимость фразеологизмов. Различие между фразеологизмами двух сравниваемых языков заключается в видах и степени сложности структурных изменений. В кумыкском языке разнообразнее виды вариантов, выше степень их сложности. Среди кумыкских ФЕ встречаются случаи асимметрии во фразеобразовании: *авзундан (или авзундагъы) сариси (или сарилери) таймагъан (или гетмеген)* «желторотый птенец, молоко на губах не обсохло (молокосос)»:

(«...*Авзундан сариси таймагъан шу сёйлейген затлагъа къарасана*», – деп ойлашып, Давутну бир яман юреги авуртуп йиберди. (Ш.Альбериев). [*У самого молоко на губах не обсохло, ты посмотри, что он говорит*], – подумав так, у Дауда вдруг сильно начало болеть сердце.]

В смысловом плане фразеологизмы выступают как единое целое, но в случае семантической независимости некоторых компонентов они могут вычлениваться в качестве самостоятельных фразеологизмов. Примерами могут служить следующие ФЕ кумыкского и английского языков: *зыр-зур къомуздай чалмакъ* «как бесструнная балалайка» > *зыр-зур къомуз* «бесструнная балалайка», *feel like a fish out of water* «быть не в своей стихии» > (*like*) *a fish out of water* «как вынутая из воды рыба».

Еще одним способом образования ФЕ является заимствование. Иноязычные ФЕ проникают в язык устно и письменно, прямо и косвенно, через третий язык. Для кумыкского и карачаево-балкарского языков характерно пополнение фразеологического фонда через русский язык. Это могут быть кальки с русского языка (напр., *буксирге алмакъ* «1) (морск.) брать на буксир; 2) передавая свой опыт, умение, знания и т.п., помогать подтянуться кому-либо в работе»); выражения английских писателей, политиков (напр., *corridors of power* «коридоры власти») или английские фразеологизмы (напр., *ОК* «первонач. АЕ); 1) все в порядке; хорошо, ладно, идет; правильно; в полной сохранности, исправности; слушаюсь, есть; 2) в состоянии; исправный, неиспорченный, цел и невредим; подходящий, приемлемый, не вызывающий возражений».

Семантические фразеологические кальки в карачаево-балкарском и кумыкском языках образуются путем заимствования значения иноязычной ФЕ: *итлени суугъа элтип айланады* букв. «гоняет собак на водопой» – «гонять лодыря, бить баклуши»; *ушюкго юйренген бёрю кибик* букв. «как волк, привыкший к ружью» – «стреляный воробей»; *тауукъдан гаккы акъыллы дегенча* букв. «как говорится, яйцо умнее курицы» – «яйца курицу учат» и др.: [Муслим:] *Къасым а хазна алдатсын сизге, ол ушюкго юйренген бёрюдю!* (Текуланы Ж.) «[Муслим:] Вряд ли вы сможете обмануть Касима: он стреляный влоробей!». [Науруз:] *Тауукъдан гаккы акъыллы дегенча, къаллайла айта турасыз?! (Гуртуланы Э.)* «[Науруз:] Как вы можете, поступать так: яйца курицу учат!»

Фактологический материал карачаево-балкарского языка показывает, что определенное количество ФЕ исследуемого типа образуется в результате сокращения поговорок, иногда и пословиц, что спорадически отмечено и А.К. Аппоевым²: *ит биченнге жатханлай* от *Ит биченнге жата эди да, кеси да ашамай эди, ийнекни да къоймай эди (погов.)* «Собака лежала на сене, и сама не ела, и корове не давала есть»; *Айыугъа намаз юйрет* «заниматься бесполезным делом» от *Айыугъа намаз юйретген – таякъ (погов.)* «Палка и медведя учит кланяться»; *Эшекге мойюз чыкъгъынчы* «когда рак [на горе] свистнет» от *Макъа къапса, эшекге мойюз чыкъгъынчы, сау болмайды (погов.)* «Укус лягушки не заживет до тех пор, пока у осла рога не вырастут» = «когда рак [на горе] свистнет»; *Итге*

чабыр этген кибики «бесполезно» от *Аман адамгъа игилик (аишхылыкъ)* *этген итге чабыр этген кибикиди* (посл.) «Делать добро плохому человеку – все равно, что шить собаке чабуры (обувь)» и др.

Известно, что в переносном значении могут употребляться не только свободные словосочетания, но и составные термины, которые по своему составу совпадают с ними. Употребляясь в течение длительного времени, фразеологизироваться могут и они. Такими в карачаево-балкарском языке являются следующие термины:

1. Медицинские: *эшек гummос* (карач.), *эшек губус* (балк.) «злокачественная опухоль» (букв. «ослиная бородавка»), *ит ауруу* «всякая тяжелая заразная болезнь, горячка» (букв. «собачья болезнь»), *къоян ауруу* «эпилепсия, падучая» (букв. «заячья болезнь») и др.: *Къарындашынг Омар ол ит аууруудан ауруйду. Анга жарарыкъ ол акъ маралны сютюдю* (Фольк.) «Твой брат Омар болеет собачьей болезнью. Ему поможет молоко белой маралихи»; *Эшек гummос озса, аны сау этген къыйынды* (КъМТАС) «Если злокачественная опухоль запущена, то ее трудно вылечить».

2. Религиозные: *бёрю (жанлы) аууз байла* «заговаривать волка, чтобы он не задрал заблудшую скотину», *жилян минчакъ* «голубая с крапинками бусинка размером с воробьиное яйцо (букв. «змеиная бусина»)»: *[Ибрагим Халиматха:] Ол угъай эсе, жылан минчакъ да кёргенме, къулакъ чокъуракъ кибики, быллай уллу минчагъ'а ёмюрде да кёрмегенме!* (Гуртуланы Б.) «[Ибрагим Халимат:] Я видел даже змеиную бусину, как морская раковина, а такую большую бусину никогда не видел!»; *Айшат сюрюуден къайтмагъан ийнегине эфендиге айтып бёрю аууз бойлатды* (Зокаланы З.) «По просьбе Айшат эфенди заговорил волка, чтобы он не задрал ее корову».

3. Этнографические: *итлик кёлек* «первая рубашка младенца (ее надевают на младенца сроком на сорок дней)», *итлик чач* «волосы первой стрижки младенца», *къой баши къумач* «подарок дружку жениха со стороны невесты (в честь того, что он везет в дом невесты наряженного барана)» и др.³: *[Асланбий:] Къыздан туугъан жашчыкъны итлик чачын жюльорге барама* (Кациланы Х.) «[Асланбий:] Иду стричь первые волосы внучка (от дочери)»; *Амырханчыкъны итлик келегин ыннасы асырап турады* (Зокаланы З.) «Первую рубашку Амирханчика бережет бабушка».

4. Кулинарные: *тауукъ толтургъан* «курица с начинкой» (название блюда), *чыпчыкъкёз сохта* «кушанье из сетки желудка животного» и др.: *Тауукъ толтургъанны жарашдырыгъа Тамара энди уста болгъанды* (Гулаланы Б.) «Теперь Тамара научилась искусно готовить курицу с начинкой»; *Сохтала кёп тюрлю боладыла: жаулу сохта, аишын сохта, чеги сохта, чыпчыкъкёз сохта* (газ. «Заман») «Сохта» (домашняя колбаса) имеет много разновидностей: жирная сохта, сохта из желудка, сохта из толстой кишки, сохта из части брюшины».

5. Астрономические: *Тору/ Тор Айгъыр, Сары Айгъыр* (две звезды дна ковша Малой Медведицы), *Къой Жол, Жылкы Жол* «Млечный Путь» и др.: *Кёкде Къой Жолну акъ тырмы баргъаны къыбыладан кюнбатыш жаны таба жууукълашханды* (Шахмырзаланы С.) «Белая полоса Млечного Пути на небе, идущая с юга, приблизилась на запад»; *Шахмырзаланы Саид бизге Сары Айгъыр, Тору Айгъыр, Жылкы Жол дагыда баиша жулдузланы юслеринден сейирлик хапар айтханды* (газ. «Коммунизмге жол») «Саид Шахмурзаев рассказал нам интересную вещь о звездах Сары Айгъыр, Тор Айгъыр, Жылкы Жол «Млечный Путь» и других».

6. Ботанические: *марал чёп баиш* «борщевик», *ит тил чапыракъ* «подорожник», *эшек чыгъанакъ (шинжи)* «татарник», *эшек жууа* «гриб», *жилян эмизик* «клевер ползучий», *жилян сют* «молочай», *чаука чикина* «вьюнок» и др.: *Къандауур, арбазда ары-бери айлана кетиб, таи джанында ёсген эшек чыгъанакъланы*

къатында олтурду (Къобанланы Д.) «Кандаур походил во дворе и сел недалеко от татарников, растущих возле камня»; Акъсакъл, сол къолу бла **ит тил чакыракъны**, онг къолу бла **марал чёб баиы** къаураны алыб, сыртында мерекебине тийириб, «тобукъ столунда» джазды... (Семенланы А.) «Старик взял в левую руку дорожник, в правую – кусок стерни борщевика, который макнул в чернила и на своем «коленном столе» написал...».

7. Зоологические: агъач къакъгъыч (балк.)/ агъач (къакъгъан) тауукъ (карач.) «дятел», агъач къоян (карач.) «белка», агъач бит (балк.) «клоп», агъач тауукъ (балк.) «глухарь», агъач киштик (балк.) «рысь» и др.: **Агъач тауукъ такъырдатыб**, агъач къаза, Бёрю, анга къараб, ары-бери оза... («Джарыкъ джолда») «Дятел с шумом долбит дерево, Волк ходит туда-сюда и смотрит на него»; **Адрахман, агъач киштикча**, энишге ийилиб, чырпы ичине ташайды (Ёзденланы А.) «Адрахман низко наклонился, как рысь, скрылся в кустах».

Словарный материал карачаево-балкарского языка, как и других тюркских языков, показывает, что фразеологизмы образуются также сложением фразеологизма и слова, например: *теке къалкъыу* «полусон, дремота» + *эт* (вспом. глаг.) = *теке къалкъыу эт* «вздремнуть, прикорнуть», *ажир юлюш* «косяк (в 20 кобылиц)» + *изле* = *ажир юлюш изле* «быть в вождении», *бёрю тон* «волчий оскал» + *кий* = *бёрю тон кий* «прийти в ярость» и др.

В английском языке много заимствований из французского языка (напр., *put (или set) the cart before the horse* «поступать шиворот-навыворот, поставить с ног на голову; начать не с того конца; принимать следствие за причину»). Такие фонетические заимствования, как *vide supra* (сокр. v.s) «смотри выше», *nota bene* (сокр. NB) «нотабене, отметка, служащая для того, чтобы обратить внимание на какую-либо часть текста», вошли в английский язык из латинского; в кумыкский и карачаево-балкарский языки они проникли через русский язык.

В кумыкском и английском языках ведущее место принадлежит семантическому способу образования фразеологизмов. Наблюдаются количественные различия в механизмах фразеобразования. Механизмы структурного фразеобразования в сравниваемых языках примерно одинаковы. Различие между фразеологизмами в кумыкском и английском языках заключается в видах и степени сложности структурных изменений, что обусловлено языковой природой этих языков.

Значения многозначных ФЕ могут омонимизироваться, следовательно, ФЕ могут образоваться и по лексико-семантической разновидности семантического способа фразеобразования, например: карачаево-балкарское *къол кётюр* «голосовать, участвовать в голосовании» *къол кётюр* «покушаться на кого», кумыкское *баи гётермек* «выздоровливать, вставать на ноги» – *баи гётермек* «поднять восстание, восстать» и др.

Имеют место и случаи перехода сложного слова в ФЕ. Например, в карачаево-балкарском языке сложный глагол *сау бол* «выздороветь» употребляется еще в значении ФЕ *сау бол* «спасибо». Это конверсия – семантико-морфологическая разновидность семантического способа фразеобразования⁴.

Фразеологизмы карачаево-балкарского языка образуются тремя способами: семантико-морфологическим, фразео-словосложением и аффиксацией. Наиболее распространенным является первый, наименее распространенным – третий способы.

По семантико-морфологическому способу подавляющая часть новых фразеологизмов образуется от субстантивных ФЕ, лишь незначительная часть – от вербальных ФЕ. Фразеологизмы, образованные по способу фразео-словосложения, обычно глагольные, образованные от субстантивных ФЕ. Способом аффиксации образуются субстантивные, глагольные и адъективные ФЕ от аналогичных же единиц.

Примечания

1. Англо-русский учебный словарь Collins COBUILD. В 2 т. М.: Астрель; АСТ, 2006. 1583,[1] с. 1500,[4] с.; BNC: British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 2.06.2014); Longman Dictionary of English Idioms. Longman, 1980. 416 p.
2. *Аппоев А.К.* Семантическая структура паремических высказываний в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 281–289.
3. *Аппоев А.К.* Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2004. 118 с.; *Он же.* Лексико-семантические группы этнографической терминологии карачаево-балкарского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13. С. 26–30.
4. *Аппоев А.К., Мизиев А.М.* К вопросам семантики и образования фразеологизмов в тюркских языках // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи: Тезисы докладов IV Международной научной конференции. 19–20 июня 2014 г. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. 210 с. С. 36–38; *Башиева С.К.* Фразеологические единицы, обозначающие эмоции и эмоциональные состояния // Вестник КБГУ, 1994. С. 16–18; *Даидова К.Х.* Кумыкско-русский и русско-кумыкский фразеологический словарь. Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. 88 с.; Кумыкско-русский словарь / Под ред. Б.Г. Бамматова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013 г. 528 с.

Список условных сокращений

ФЕ – фразеологическая единица
BNC – www.natcorp.ox.ac.uk
CC – Англо-русский учебный словарь Collins COBUILD. В 2 т. М.: Астрель; АСТ, 2006. 1583,[1] с. 1500,[4] с.
КъМТАС – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю.

А.К. Аппоев, М.А. Качалаева

THE METHOD FOR FORMING PHRASEOLOGICAL UNITS IN KARACHAY-BALKAR, KUMYK AND ENGLISH LANGUAGES

The article deals with the formation of phraseological units in Karachay-Balkar, Kumyk and English languages in comparative aspect. In semantic terms idioms act as a whole, but in the case of semantic independence of some components, they can isolate as independent phraseology.

Keywords: Karachay-Balkar language, Kumyk language, English language, phraseological units.

М.Л. Карданов

НОМИНАЦИЯ ЖИВОЙ И НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ АДЫГСКОГО ЭТНОСА

Статья посвящена исследованию наименее изученного пласта словарного состава кабардино-черкесского языка – лексики, связанной с живой и неживой природой. Номинации живой и неживой природы в кабардино-черкесском языке разделяются на три группы: общеадыгская, собственно кабардино-черкесская и заимствованная. Показано, что общеадыгские номинации составляют значительную часть лексико-тематической группы «Живая и неживая природа».

Ключевые слова: лексикография, живая и неживая природа, природные явления, прямая номинация, общеадыгская номинация.

Одним из пластов словарного состава кабардино-черкесского языка, который до сих пор не был подвергнут специальному исследованию, является лексика, связанная с живой и неживой природой. Данная отрасль лексики, несомненно, имеет многовековую историю становления и развития. Ее исследование позволит получить дополнительную информацию о материальной и духовной самобытности адыгского этноса.

Что касается значения самого слова «природа», то в «Философской энциклопедии» дается такое определение: Природа – в предельно широком значении – все сущее в бесконечном многообразии своих проявлений. В этом смысле понятие природа выступает как синоним понятий *вселенная, материя, бытие, объективная реальность* и т.п.¹. Такое же определение находим в БСЭ: «(Природа) В широком смысле – все сущее, весь мир в многообразии его форм»². В «Русском семантическом словаре» (Т. 1) в макрокласе «Имена существительные с конкретным значением» нашло отражение разграничение лексики живой и неживой природы: живая природа – человек, животные, растения; неживая природа – космос, земля, природные образования. Второй лексический класс делится на шесть уровней, которые идут от обобщенных языковых множеств к частным. На первом этапе деление представлено тремя подглавными множествами: «Общие обозначения», «Космос», «Земля, ее строение. Природные образования». Далее наблюдаем разбиение по нисходящим ступеням – от двух до шести. Например, верхняя ступень «Земля, ее строение. Природные образования» делится по нисходящим ветвям на:

1. Общие обозначения;
2. Земля, ее строение; природные пояса, географические зоны; атмосфера Земли, воздушное пространство;
3. Участки земной поверхности, ее рельеф: горы, долины, углубления в земле; водоемы, реки, потоки; лед, снежная масса; леса; места обитания животных;
4. Горные породы, ископаемые; камни.

Примечательно, что три последние ветви имеют свое дальнейшее деление. В пользу представленного в словаре описания, по мнению авторов, говорит, тот факт, что «эта классификация показывает не только системное расположение подмножеств, но и их порождаемость одного другим, а также естественную сгруппированность самих слов»³. К тому же авторы признают, что, «как и в любой другой языковой классификации ...возможно и другое разбиение; сами группировки могут быть размещены по-иному»⁴.

В адыгской лексикографии пласт живой и неживой природы сгруппированно не рассматривался, нет ни тематического, семантического или идеографического словаря, тогда как в русской лексикографии интерес для сравнительного анализа представляет целый ряд трудов в данной области: «Лексическая основа русского языка»⁵, «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова⁶, «Тематический словарь русского языка» (авторы Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин)⁷, «Русский семантический словарь» (Т. 1 под ред. Н.Ю. Шведовой)⁸ и др. Немаловажный вклад в сохранение номинаций растений и животных внесли Абрегов А.Н.⁹, Шагапсоев С.Х.¹⁰, Хакунов Б.Ю.¹¹. Данный пласт лексики находит отражение и в недавно изданных лексикографических изданиях¹². В 2014 г. нами выпущен «Кабардино-русский словарь с иллюстрациями «Живая природа»¹³.

Номинации, связанные с живой и неживой природой в адыгских языках, наверное, как и во многих, если не во всех языках, занимают особое место. Люди в первую очередь давали названия тому, что они наиболее часто встречали, наблюдали. Для первобытных людей объекты природы и природные явления стали одним из первых проявлений материального мира. Давая названия окружающим их объектам, нужно было наименовать и природные явления, многие из которых наводили ужас на людей: *уафэгъуагъуэ* «гром», *цъыблэ* «молния», *цлыхъей* «землетрясение» и т.д. Известно, что характерной особенностью любого языка является то, что общество создает и закрепляет номинации в системе коммуникативных средств. Создаваясь отдельным членом коллектива или социума номинация, чтобы ее приняли другие члены общества, должна придерживаться внутриязыковых законов. Давая название, к примеру, природному явлению «молния» *уафэхъуэпскI*, человеком была сохранена характерная для кабардино-черкесского языка форма образования слова – основосложение (*уафэ* «небо» + *хъуэпскI* «блеск»), где не допускается перестановка компонентов. Имея в лексиконе слова *уафэ* «небо» и *хъуэпскI* от *хъуэпсыкIын* «сверкнуть», нужно было дать наименование природному явлению, в результате сложения чего получили сложную номинацию – *уафэхъуэпскI*. Таким же способом образованы названия объектов природы и природных явлений: *уафэгъуагъуэ* «гром» из *уафэ* «небо» + *гъуагъуэ* от *гъуэгъуэн* «греметь», *уэихыпс* «дождевая вода» из *уэих* «дождь» + *пс(ы)* «вода», *псыкIэрахъуэ* «водоворот» из *псы* «вода» + *кIэрахъуэ* от *кIэрэхъуэн* «вращаться».

Традиционно принято различать первичные и вторичные номинации. К первичным номинациям следует отнести те названия, которые не восходят исторически к другим основам, т.е. они являются первым словарным значением. Некоторые ученые к данной группе слов относят производные и сложные номинации, потерявшие свои этимологические связи, т.е. слово или его часть могло потерять значение, но не приобрести значение аффикса. В слове *псыбыб* «водный пузырь» первая часть *псы* «вода», а *быб*, не имеющая определенного значения и не делящаяся в современном кабардино-черкесском языке на две части, также лишена аффиксального значения.

Основная масса номинаций живой и неживой природы являются корневыми, они не восходят к каким-либо другим основам: *бгы* «гора», *бзу* «птица», *дыгъэ* «солнце», *жыг* «дерево», *жъы* «воздух» и т.д. Исходя из имеющихся примеров, можно сказать, что в современном кабардино-черкесском языке к корневым морфемам нужно отнести: а) наименования живой и неживой природы, которые не восходят к другим основам; б) сложные номинации, часть которых утратила свое первое значение. А.А. Уфимцева делит вторичную номинацию на непрямую и косвенную¹⁴. Случаи морфологической деривации (аффиксация; композиция) относятся к вторичной не прямой номинации, а семантическая деривация (метафора, метонимия) – к косвенной. Таким образом, вторичность проявляется в том, что в их образовании используется основа других единиц на уровне их схожести или ассоциации: *бгыжъэ* «горная теснина» из *бгы* «гора» и *жъэ* «рот», *уафэхъэнкI* «снежная крупа в конце зимы» из *уафэ* «небо» (исторический восходящий к уэ

«небо» + *фэ* «цвет») и *пхъэнкI* от *пхъэнкIэн* «подметать». В кабардино-черкесском языке к вторичным номинациям относятся названия, образованные с помощью различных аффиксов: *бгылъэ* «гористая местность» – из *бгы* «гора» + суффикс *-лъэ* в значении «емкость для чего-то»; *псыгуэж* «приток» – из *псы* «вода» + префикс направления в значении «от чего-то» + несамостоятельная глагольная основа *ж* «бежать/течь»; *хуабацэ* «очень жаркая погода» – из *хуабэ* «тепло» и усиительный суффикс *-цэ*.

По сравнению с русским языком, где основная масса номинаций, связанных с живой и неживой природой, относится к старославянизмам или общеславянизмам индоевропейского характера, данный пласт лексики кабардино-черкесского языка делится на три группы: а) общеадыгская; б) собственно кабардино-черкесская; в) заимствованная.

Общеадыгские номинации составляют значительную часть лексико-тематической группы живая и неживая природа: *архъуанэ/архъуан* «водоворот», *бзу/бзыз* «птица», *псыдзэ/псыдз* «наводнение».

Примечания

1. Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 368.
2. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 20. С. 591.
3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам значений и слов. Т. 1 / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. С. 564.
4. Там же. С. 564.
5. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / В.В. Морковкин, Н.О. Бёме, И.А. Дорогонова, Т.Ф. Иванова, И.Д. Успенская / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1984. 1168 с.
6. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М.: Издательство ЭТС, 1995. 820 с.
7. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 560 с.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам значений и слов. Т. 1 / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. 807 с.
9. Абрегов А.Н. Исследования по лексике и словообразованию адыгейского языка. Майкоп, 2000. 204 с.
10. Шхагапсоев С.Х. Очерк кабардинской этноботаники. Нальчик: Эльбрус, 2008. 80 с.
11. Хакунов Б.Ю. Словарь адыгских названий растений. Нальчик: Эльбрус, 1992. 256 с.
12. Бижоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т. Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013. 848 с.
13. Карданов М.Л. Кабардино-русский словарь с иллюстрациями «Живая природа». Нальчик: КБГУ, 2014. 184 с.
14. Уфимцева А.А., Серебренников Б.А. Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 73.

M.L. Kardanov

NOMINATIONS ANIMATE AND INANIMATE NATURE AS A REFLECTION OF IDENTITY ADYGHE ETHNOS

The article investigates the least studied of the formation of the vocabulary of Kabardino-Circassian language – vocabulary related to the animate and inanimate nature. Nominations animate and inanimate nature in Kabardino-Circassian language divided into three groups: general Circassian Nominations, native Kabardino-Circassian and loanwords Nominations.

It is shown that general Circassian Nominations make up a significant part of the lexical-thematic group «Living and inanimate nature».

Keywords: lexicography, animate and inanimate nature, natural phenomena, direct nomination obsheadygsкая.

М.К. Шакова

**АДЫГСКАЯ (КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКАЯ) ДРАМАТУРГИЯ
ПОСТСОВЕТСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ: ПРОБЛЕМАТИКА, АВТОРЫ**

В статье рассматриваются драматические произведения, созданные в конце XX – начале XXI в. адыгскими драматургами Б. Утижеевым, В. Абитовым, Ю. Шидовым, поэтами Л. Балаговой, Х. Бештоковым, З. Кануковой и др.

Ключевые слова: драматургия, пьеса, жанр, комедия, сюжет, драма, трагедия, интрига, фабула.

Исторические события последних десяти лет минувшего столетия оказались значительными как для нашей страны, так и для всего человечества. Если начало XX в. ознаменовано кризисом капитализма, распадом колониальной системы, победой социалистической революции в России, то его конец совпал с кризисом и распадом социалистической системы стран-участниц Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Варшавского договора. Изменилась геополитическая карта планеты: рухнула социалистическая общественно-экономическая формация и вместе с ней исчезли целые государства: не стало Социалистической Федеративной Республики Югославии, Чехословацкой Социалистической Республики. Исчезла Берлинская стена, возведенная после Второй мировой войны и искусственно разделившая немецкий народ на жителей Восточной (ГДР) и Западной (ФРГ) Германии. Алма-Атинская Декларация, подписанная руководителями одиннадцати союзных республик, поставила мир перед фактом, что «с образованием Содружества Независимых Государств (СНГ. – *М.Ш.*) Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование»¹.

21 декабря 1991 г. первая и единственная Страна Советов (СССР) ратифицировала документ о своем распаде и возникновении нового государственного образования – Российской Федерации. Эта дата положила начало новому этапу в развитии истории российского государства и народов, его населяющих. Многообразие и сложность содержания новой эпохи, совокупность ее морально-психологических проблем органически вошли в орбиту пристального внимания литераторов, в том числе и драматургов. Жизнь поставила перед драматургией множество проблем, от решения которых стали зависеть мировосприятие и поведение человека. В условиях духовного кризиса общества, его невероятно возросшей агрессивности и озлобленности сложный, остроконфликтный характер приобрела проблема взаимоотношений личности и социума, проблема конфликта, характерного для данного этапа исторического развития. В контексте реалий нового времени стали решаться вопросы индивидуального и общего. Новые принципы художественного осмысления времени видоизменили и эстетическую концепцию, которая стала более политизирована и ориентирована на философские системы. Примечательной особенностью адыгской (кабардино-черкесской) драматургии последнего десятилетия XX в. стало ее тяготение к новым формам социального и психологического анализа. Для освоения сложной жизненной проблематики в ней все чаще используются принципы объективно-исторического художественного мышления. Потребности национального самопознания стали приобретать все более специфическую окраску, отражая своеобразие элементов

традиционной образности, легендарно-фольклорных мотивов и сюжетов. Движущей силой становится развитие и противоборство идей и понятий. Образы героев, претерпевая сложную эволюцию, приобретают многомерность как в сфере важнейших общественных проблем, так и в личной жизни. Различные условные приемы, иносказание, символика, фантастика, притча, получившие в адыгской драматургии постсоветского десятилетия широкое распространение, повлекли за собой необходимость нового синтеза. Синтетичность сказывается на способах сюжетостроения, когда пересекаются различные временные планы и легенды глубокой древности наталкиваются на современные ассоциации.

Новое время с его социальными, нравственными издержками стало главным действующим лицом современной адыгской комедии. Условия каждой исторической эпохи рожают свои поводы для смеха. Вполне закономерно, что комедия достигает своего расцвета особенно в периоды обострения социальных противоречий. Свое классическое определение социальный аспект комедии получил в суждении К. Маркса о трагическом и комическом в истории: «история действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия. Богам Греции, которые были уже в трагической форме – смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз – в комической форме – умереть в «Беседах» Лукиана. Почему таков исход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым»². Наибольшее распространение в адыгской комедии постсоветского времени получила сатира, направленная на прямое, резкое осуждение пороков и недостатков современного общества. Одним из ведущих средств для решения этой задачи стал гротеск. Осознанно прибегая к нарушению жизненных форм и пропорций, драматурги выявляют факторы, пагубно влияющие на духовную атмосферу общества. Талантливыми мастерами сатирического бичевания пороков в сознании и поступках людей были М. Тубаев, Х. Дударов, Б. Журтов, Х. Карданов, М. Добагов и др.

Значительное место в адыгской комедиографии последнего десятилетия XX в. занимает сатирик Б. Утижева «Ажэгъафэ джэгухэр» (Игры ажагафы)³. Вошедшие в сатирик пьесы написаны в 1982–1997 гг., когда страна оказалась в глубочайшем политическом, экономическом, духовном кризисе. Это 15-летие вобрало в себя перестройку М.С. Горбачева, августовские демарши путчистов ГКЧП 1991 г., крах социалистической общественно-экономической формации и развал СССР, парад республиканских суверенитетов под эгидой Б.Н. Ельцина; ваучеризацию А.Б. Чубайса, приватизацию, ставшую по сути откровенным грабежом материальных ценностей государства, созданных многолетним коллективным трудом его граждан; преступный беспредел коррумпированных структур, мафиозных группировок и многое другое, что повлекло стремительную девальвацию этических норм и губительно сказалось на духовном состоянии современного общества. Реалии этого периода с его социальными, нравственными издержками и «болезнями» стали объектом пристального внимания автора сатирикона.

«Игры ажагафы» – своеобразный драматургический коллаж из сатирических миниатюр, составивших пять циклов комедий: «С добрым смехом!», «Шутки шутками», «Шли мы, шли...», «Мир – театр», «Театр приехал!». Их сюжеты взяты из действительности. Они обращены к частной жизни и утверждают мироощущение индивидуализированного человека. Чтобы разоблачить двойственность явления, обнажить его уродливость и нелепость, драматург часто использует гиперболу и гротеск, смещая серьезное в плоскость комизма, и тем самым углубляет его истинный смысл. Он апеллирует к сильным, острым средствам художественного обобщения не ради занимательности формы, а для

раскрытия драматических несоответствий и контрастной разносторонности жизни, сочетающей ужасное и смешное. В обычном на первый взгляд явлении он обнажает зловещие симптомы, опасные и губительные для общества. Главный герой его комедий – смех, вызываемый не только мягким юмором, добродушной иронией, но и острой сатирой, доходящей до сарказма. Смелый и свободный, он изобличает тех, кто пытается навязать ложные ценности, неминуемо ведущие к бездуховности и порокам. Персонажи комедий Утижева – знакомые все лица: «коптителы неба» (определение Н.В. Гоголя): Жамуга, добравшаяся из аула, где не признают свекровей, до Африки, хронический алкоголик Чафыжоко, спекулянт Хажимуд, ставший преуспевающим бизнесменом, подхалим Ужажоко, самовлюбленная красotka Хафота, выдумщица новых традиций и обычаев Хаблюх и др. Кочуя из комедии в комедию, они прочно вошли в обиходный язык современных кабардинцев, став именами нарицательными. Рисуя эти образы, автор сатирикона верит в торжество человеческого разума, способного наказать порок и исцелить общество от духовного недуга. Сумев в стремительности жизни разглядеть за бытом бытие, драматург заставляет остановиться и посмотреть на человека, оказавшегося в полосе угрожающего сдвига нравственных ориентиров. Критический запал пьес заставляет не только задуматься над происходящим, но и провоцирует на поступки. Через сатирические образы своих персонажей автор активно ищет и выявляет глубинные причинно-следственные связи. Как художник, рисующий отрицательные стороны действительности, Утижев исходит из особой эстетики «скрытого» идеала. За кажущейся развлекательностью и беспечностью слышен осуждающий, клеймящий голос автора.

Стихия комедий Утижева не только юмор, ирония, сарказм, но и исполненное художественной выразительности искусство гротеска. Благодаря условным, фантастическим формам достигается сатирическая типизация. Дополнительным источником художественной выразительности служит богатый контекст, ориентированный на реалии современной жизни. Значительное место в его образотворчестве занимает пародия. Его комедии отличает меткое слово, остроумие, народность языка, богатый фразеологический материал. В них часто слышен амбивалентный смех, который языком гротескного реализма служит возрождению. Pamфлетный запал разоблачения выливается в хлесткий фарс. Комизм противоестественного, всякого рода косность, самодовольство, пустая демагогия разоблачаются благодаря скрытой и явной иронии. Художник-реалист подвергает безжалостному остракизму философию «хозяев» жизни. Обнажив пороки и противоречия, для вскрытия которых он умело использует приемы шаржа, карикатуры, гротеска, Утижев создает обобщенный портрет современного общества конца XX в.

Социально-нравственные сдвиги постсоветского времени нашли свое отражение в цикле-памфлете «Шли мы, шли...». Идейная зрелость драматурга в этом цикле миниатюр сказалась на своеобразии композиции, тонкости психологического рисунка характеров, обилии комических деталей и приемов сатирического разоблачения. Преодолев схематизм периода становления адыгской комедиографии, Б. Утижев ввел в свои пьесы правду психологических переживаний, социальную типизацию, принципы эстетики и гуманистической морали. Возросшее мастерство драматурга сказалось как в широте охвата, так и четкости сатирической типизации благодаря его умению отбирать характерные черты и признаки, необходимые для изображения различных социальных слоев общества. Смешение трагического и комического, свободная «шекспировская» композиция, использование своеобразных принципов обобщения и образных структур, многоплановость языковой ткани позволили драматургу достичь гармоничного сочетания утонченного психологизма с пластичным описанием человека. Автор часто обращается к сниженным бытовым коллизиям и создает

далеких от героики персонажей, которых эпоха безвременья и застоя отметила печатью ущербности. Образность языка, многозначность слов и выражений позволили с максимальной точностью обрисовать весь трагизм и никчемность их существования. Не только развязка, но и весь строй пьес подготавливает их поражение.

Изображенные в сатириконе «Игры ажагафы» житейские коллизии по сути – современные социально-нравственные проблемы общества, которые нашли свое художественное воплощение в своеобразии жанра комедии, в характере драматического конфликта, в строе языка драматурга.

Своей художественной зрелости литературное творчество Б. Утижева достигло в постсоветское время. Создавая произведения разных жанров, он продолжал совершенствовать пьесы, исполненные подлинного историзма и социальной глубины. В его исторических трагедиях «Тыргатао», «Дамалей», «Князь Кушук», «Эдип»⁴ показаны не абстрактные характеры, а социальные типы, в которых глубоко и умело раскрыты не только драматизм борьбы различных общественных сил, но и внутренний трагизм судеб героев. Благодаря авторскому мастерству далекая история предстала в живом обличье, сочетая возвышенное и обыденное, героизм и повседневность.

Историческая тематика легла в основу сюжетов пьес В. Абитова «Хьэтхым и кьуэ Гьуазэ»⁵ и Ю. Шидова «У истоков империи»⁶. В драматическом жанре выступили поэты Л. Балагова, Х. Бештоков, З. Канукова.

Роман-драма «Царская любовь» Л. Балаговой⁷ посвящена трагической судьбе дочери Верховного князя Кабарды Темрюка Идарова Гушаней, выданной в 15-летнем возрасте за русского царя Ивана IV Грозного и ставшей в крещении русской царицей Марией. Восемь лет царствования обернулись для кабардинской княжны нескончаемой чередой тяжелейших испытаний. Автору удалось не только показать судьбу и души героев, но и широкий исторический фон, на котором разворачиваются события далекого XVI в.

По мотивам нартского эпоса написана драматическая поэма Х. Бештокова «Нэсрэн жьакIэ»⁸. Структурообразующим идейно-художественным конфликтом в драме служит мнимая целостность рода и трагическая одинокая личность Насрена Бородатого.

В основе сюжета социально-бытовой драмы З. Кануковой «Нагъуэ и унагъуэр» (Семья Наго)⁹ лежит извечная проблема отцов и детей. Печальна и безрадостна участь главной героини пьесы – матери семейства Наго. Прикованная к коляске, она стала ненужной обузой для собственных детей. Единственный способ, которым беспомощная старушка пытается разбудить их очерстевшие души и обратить на себя внимание, – это громкий стук по тарелке. Свой долг ухаживать за больной матерью сыновья и их жены без зазрения совести переложили на постороннего человека, а сами помышляют продать родительский дом и поделить между собой деньги. В этот критический момент из тюрьмы возвращается старший сын Наго Азамат, взявший на себя вину младшего брата, который сбил насмерть человека. Именно он ставит всех на свои места и спасает семью от бесчестия и полного крушения.

В конкурсе на лучшую современную кабардинскую пьесу, проходившем в Нальчике в 2007 г., «Семья Наго» заняла второе место. Спектакль по пьесе, поставленный режиссером М. Кубатиевым на сцене Кабардинского драматического театра им. А.А. Шогенцукова, представлял Кабардино-Балкарию на Втором межрегиональном фестивале абхазо-адыгских театров «Наш кавказский меловой круг» в столице республики Адыгее Майкопе. По мотивам рассказа известного публициста А. Кешева (Каламбия) «Чучело» написана одноактная пьеса З. Кануковой «Лъэмыж» (Мост)¹⁰.

Примечания

1. Газ. «Кабардино-Балкарская правда». 1991. 24 дек.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1995. Т. 1. С. 418.
3. *ИтIыж Б.* Дунейр театрц: Пьесэхэр. Налшык, 1998. С. 81–353.
4. *ИтIыж Б.* Тхыгъэхэр. Налшык, 2000.
5. *АбытIэ В.* Пьесэхэр. Черкесск, 2007. С. 3–92.
6. *Шидов Ю.* Остров надежды: пьесы. Черкесск, 2009. С. 250–312.
7. *Балагова Л.* Царская любовь (Трагическая история Марии Темрюковны и Иоанна Васильевича Грозного): Роман-драма в стихах / Перев. Н. Переяслова. М., 2007. 182 с.
8. *Беитокъуэ Хь.* Нэсрэн ЖьакIэ: Пьесэхэр. Налшык, 1995. 224 с.
9. *Къаныкъуэ З.* Нагъуэ и унагъуэр: драмэ // *Иуащхэмахуэ.* 2009. № 5. С. 112–129.
10. *Къаныкъуэ З.* Лъэмыж: зы едзыгъуэу зэхэлъ пьесэ // *Иуащхэмахуэ.* 2004. № 2. С. 92–105.

M.K. Shakova

CIRCASSIAN (KABARDINO-CIRCASSIAN) DRAMA POST-SOVIET DECADE: ISSUES, THE AUTHORS

The article deals with the dramatic works created at the end of the XX–XXI centuries. Adygeyan playwrights B. Utizhevym V. Abitova, Yu Shidovym, poets Balagovoy L., H. Beshtokovym, Kanukova Z. et al.

Keywords: drama, the play, the genre, the comedy, the story, the drama, tragedy, intrigue, plot.

Х.Х. Малкондуев

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ.
МОТИВЫ ОБ ОВЦЕ И КОЗЕ (АЙМУШ И МАККУРУШ)**

Впервые в карачаево-балкарской фольклористике рассматриваются композиционные особенности и мотивы, связанные с мифическими персонажами Аймушем – покровителем овец и Маккурушем – покровителем коз. В научный оборот вводится ряд материалов, воспевающих их мифосказочные образы, что представит несомненный интерес у исследователей фольклора и этнографии народов Кавказа.

Ключевые слова: композиция, конфликт, Аймуш, Маккуруш, монолог, сказка, мифический образ, повествование, мотив, персонаж.

Сказки о животных до настоящего времени остаются весьма слабоизученным разделом карачаево-балкарского фольклора. Кратко их касались в прошлом в своих исследованиях А.И. Караева¹, А.З. Холаев² и Ф.А. Урусбиева³, выделяя отдельные образы и персонажи. Но круг рассматриваемых указанными авторами проблем весьма ограничен, что можно объяснить, на наш взгляд, недостаточным владением ими эмпирическим материалом, неплохо представленным в архивных фондах КБИГИ и КЧИГИ.

Исследованию ряда аспектов данного вопроса посвящена наша специальная работа, в которой на обширном, научно достоверном материале дается анализ композиционных особенностей мотивов о Змее и Лисе, широко представленных в карачаево-балкарских народных сказках⁴. Приводится более десяти текстов по каждому из сказочных персонажей, хотя Лиса и сталкивается со Змеей только в одном случае, когда хвостатой не удается обмануть рептилию.

Целью написания данной статьи является выявление наиболее распространенных, устойчивых мотивов о животном мире.

Карачаево-балкарские народные сказки бытуют как в прозаической, так и в поэтической форме. Так как язык поэзии возник как искусство слова значительно позднее прозы, к этой категории сказок о животных мы относим и поэтические тексты мифосказочного характера, которые иногда определяются нами как произведения внеобрядовой мифологической поэзии.

К ним относятся такие широко и малоизвестные тексты карачаево-балкарской устной словесности, как «Песня о Бийнёгере», «Легенда об Аймуше», «Легенда о Маккуруше», «Аймуш и Маккуруш», «Маккуруш и Лесной Человек», «Маккуруш и Кочхарбу», «Бывалый охотник Боташ и матерый волк», а также ряд произведений поэмно-балладного характера, представленных в КБИГИ А.М. Теппевым из его личного архива, где значительно преобладают сказочные мотивы о животных, наделяющихся мифическими свойствами.

В «Песне о Бийнёгере» вторым по значимости персонажем является олениха Фатима, дочь божества лесных и благородных зверей Апсаты; в «Легенде об Аймуше» воспевается покровитель овец, наделяющийся зооморфными чертами белоснежного барана с золотыми рогами, – Аймуш.

В текстах, связанных с Маккурушем, покровителем домашних коз, вырисовывается образ необыкновенно крупного козла с огромными рогами и быстрым, как ветер, движением, которого боятся и волки, и медведи, и барсы.

В поединке с Аймушем, матерым, неимоверно сильным волком, и самим Агач Киши (Лесным Человеком) он наносит им жестокое поражение, тяжело ранив и переломав своим врагам кости.

Сложным по сюжетно-повествовательным модусам является произведение «Бывалый охотник Боташ и матерый волк», записанное нами в 1978–1979 гг. в Верхней Балкарии в исполнении местных жителей Темукуева Биязурки, Хуболова Хамзата, Хозаева Хусея, Ногерова Нану.

За основу повествования берется легенда сказочно-мифологического характера, строящаяся на мотивах столкновения человека с матерым волком, который уничтожает все живое на своем пути. Беспомощная что-либо сделать с хищником, «уучу жыйын» – «община охотников» – обращается к молодому, стреляющему без промаха Боташу из племени Кочхар, который благодаря своему уму и находчивости одолевает хитрого и жестокого врага.

Интересен диалог, в котором, подыхая, зверь признает превосходство человека над ним: не стоило недооценивать умственные способности Боташа, о чем его предупреждали старые волки в звериной стае.

Указанные тексты интересны как с художественно-эстетической стороны, так и в содержательно-повествовательном плане. На наш взгляд, не будет ошибкой, если рассматривать их, как мы делали это до настоящего времени, в качестве и произведений поэтического искусства мифической внеобрядовой поэзии⁵, и сказочно-мифических творений народа, так как сказочные мотивы в них являются доминирующими элементами на фоне других повествовательных координат.

Знакомство с многими текстами о животных показало, что условия жизни в горах, географическое расположение занимаемой народом местности сыграли весомую роль в образе его мышления, что отразилось и на особенностях содержания народных сказок, и на становлении национальной этнопоэтики.

Хотя вопрос о пространственно-географическом обитании персонажей карачаево-балкарских сказок требует особого анализа, пастуший образ жизни и охота в горах, местные флора и фауна могли сыграть определяющую роль в формировании содержания текстов и становлении художественно-национального мира, самой народной сказки «там, где сказка и миф строятся по одинаковой системе, миф всегда древнее сказки», – подчеркивал выдающийся фольклорист нашего времени В.Я. Пропп⁶.

Следует отметить, что в повседневной хозяйственно-трудовой жизни народа наиболее важная роль отводилась козе и овце. Мы же постараемся осветить их образы в народной сказочно-мифической поэзии на примере произведений об Аймуше и Маккуруше.

Пожилой карачаевец Аубекир Чомаев из аула Килисе (Турецкая Республика) в сентябре 1994 г. исполнил в устной традиции поэму-миф «Аймушну тауруху» – «Легенда об Аймуше». Работа со сказителем в новых для нас условиях требовала исключительной осторожности, внимательности, а главное, нужно было фиксировать текст в полном соответствии с научными требованиями к фольклорным материалам, не упуская ни отдельной словоформы, ни поэтической строки, ибо мы понимали, что выпадение из текста какого-либо звена или конструкции могло отрицательно сказаться на целостном представлении его сюжетно-композиционных элементов и художественно-стилевых средств. Для этого нами была выбрана специальная рабочая тактика, которую и применили на практике: первая запись была сделана на видеокассету, вторая – на бумаге, а третья была осуществлена спустя несколько часов опять-таки на бумаге. Успех был исключительным, так как одна запись дополняла другую. С каждой повторной записью сказитель вспоминал забытые им строки. Особо удачной была последняя работа с ним, проходившая не во дворе его сакли, а в полевых условиях.

Постараемся дать краткий научный анализ жанровых и композиционных особенностей данного произведения, которое, по существу, является неожиданной

находкой в карачаево-балкарской устной песенной словесности. По рассказу информатора, в прошлом ее исполняли старожилы, переселившиеся из Карачая в Турцию. На вопрос: «Имела ли автора данная песня?» – информатор ответил: «Нет», – что говорит о бесспорной ее фольклорной принадлежности. В этом убедила нас и эдиционная работа над текстом. Язык его прост. В песне содержатся несколько единиц архаической лексики, которая ныне вышла из употребления. Объем текста (он состоит из 218 песенно-стихотворных строк), масштабность содержательного материала, сложность композиционной структуры, участие в нем нескольких персонажей и т.д. дают нам основание считать данный текст народным произведением поэтического характера.

По развитию сюжетно-композиционных элементов песня несколько эпична, а в художественно-стилистическом отношении (хотя язык ее простой и народный, а рифма и ритмика не всегда отвечают строгим стандартным размерам стиха) – высокоэстетична. Об этом говорят богато представленные эпитеты и сравнения, обеспечивающие высокий художественно-эстетический уровень поэмы. Квантитативное, системно-аналитическое исследование показало, что их в песне более пятидесяти.

Словесно-образный материал поэмы составляет ее художественно-структурную основу. На нем строятся все ее главнейшие эстетические и сюжетно-композиционные особенности. В первых же строках поэмы, обращаясь к слушателям, сказитель говорит:

Сизге айтайым мен
Аймушну болгъан жомагъын⁷.

Расскажу вам я
Сказку, связанную с Аймушем.

И вводит нас сразу в мир мифа об Аймуше, который в лексике самого исполнителя звучит, как «жомакъ» – «сказка». Автором не случайно употреблен данный фольклорный термин, а не «таурух» – «легенда», ибо, как выяснилось потом, сказитель был уверен, что слово «жомакъ» звучит красиво и оно больше подходит к сюжету данной песни, что вполне оправдано.

Последующие две строки этой строфы подтверждают иносказательную эмоционально-логическую, лексическо-терминологическую устойчивость данного словесного знака:

Иги ангылагыз
Жомакъны бек омагъын⁸

Вникните глубоко
В самую красивую сказку.

Нет сомнения, что слова «жомакъ» – «сказка» и «жомакъны бек омагъын» – «самая красивая сказка» в данном поэтическом контексте выполняют роль метафоры, но какую? В первом случае художественно-логическую, а во втором – роль метафорического эпитета. Ибо дальнейшие художественно-композиционные особенности поэмы будут сплошь наделены сложными метафорическими знаками, выражающими универсальное отношение между самими представленными в поэме зооморфными и антропоморфными персонажами.

Согласно поэтике мифосказочной поэзии, сюжет песни развивается, опираясь на определенные художественно-поэтические формы, где, прежде всего, следует выделить композиционно-жанровую структуру, вбирающую в себя ряд устоявшихся формул, на которых мы и остановимся.

Как известно, сюжет в мифических текстах несколько своеобразен. В отличие от эпической и лирической поэзии, он часто развивается не в однотипной

композиционной форме, т.е. не совсем «стандартен». Как и в других мифо-сказочных произведениях, сразу же мы знакомимся с ее героями. Хотя в общей сложности в ней участвуют шесть персонажей, все основные сюжетно-содержательные эпизоды поэмы-сказки строятся вокруг образа Аймуша. Обратимся непосредственно к самому тексту. Ее содержательный материал состоит из нескольких романтических эпизодов, передающих мировоззрение патриархальной пастушьей общины в мифологических образах, чему подчинена и вся ее словесно-стилевая система.

Повествуется, что было четыре брата, каждый в сельском пастушьем быту занимался тем, на что способен. Старшего звали Халий, второго – Маула, имя третьего брата не упоминается, но он характеризуется как любитель проводить время на свадьбах – «тойчу». Младшему из братьев, Аймушу, также отводится соответствующее место. Он характеризуется эпитетом «женгил» – «подвижный», «расторопный», за что и определяется ему «кьойчулукъ» – занятие пастуха.

Затем сюжетная канва произведения всецело переходит к раскрытию и воспеванию жизни и необыкновенных качеств Аймуша, которыми вряд ли мог быть наделен обыкновенный человек. Его образ дается в развитии. Не сразу проявляются его исключительные качества, в связи с чем кое-какие сюжетные ситуации, связанные с жизнью этого персонажа, нами разбиты на небольшие эпизоды, каждый из которых характеризуется соответствующими художественно-поэтическими особенностями.

Так, сначала Аймуш описывается как обыкновенный пастух, который пасет овец богача. Однажды, подслушивая диалог овцы и ягненка, неожиданно для себя он обнаруживает свою способность понимать язык животных. Этот день для него становится откровением, откуда, собственно, и берут свое начало мифические эпизоды поэмы: Аймуш постигает тайный язык овец, узнает о волшебных свойствах ягненка, слышит магическую пастушью мелодию, а вскоре становится хозяином огромного стада овец. Эта часть поэмы характеризуется метонимией: часто имя главного героя заменяется другими словами. Чтобы подчеркнуть искусную игру Аймуша на свирели, употребляется большое разнообразие метафор и эпитетов.

Плавный переход в поэме к главной композиционной части – кульминации, где возникает ряд совершенно неожиданных сцен, требующих размышления. Почему из озера выплывает необыкновенно красивый баран с золотыми рогами и белоснежной шерстью, который заманивает стадо на дно озера? Почему Аймуш вслед за своим стадом уходит на дно озера Тюпсюз-кёл или Мажар-кёл? Эти вопросы требуют серьезных научных фольклористических и этнологических размышлений.

В поэме есть ряд сюжетных элементов, которые, очевидно, внесены несколько позднее. К ним мы отнесли бы такие сцены, как предупреждение Аймуша волшебным ягненком, чтобы он никому не доверял пасти свои стада; нарушение Аймушем этой заповеди; первое, а затем и повторное появление со дна озера сказочного барана необыкновенной внешности и т.д. Стилиевые и образные описания этого животного подчинены воспеванию его несравненных внешних и сверхъестественных свойств, что вполне отвечает поэтической системе и жанровым традициям мифосказочной поэзии.

Убедимся в этом на примере нескольких четверостиший из произведения:

Алтын мюйюзлю бир кьочхар?
Чыммакъ акъ,
Алтын мюйюзлю да,
Сап-сары – бек омакъ.
Жюнюню чунгурлары –
Кюмюшден къара сауутча.
Тюклери жым-жым жылтырап,

Алтын тауукъча.
Кёл жагъасы
Тюрлене эд булгъана,
Сабанла да чайкъала элле,
Ол сейирге кьууана.
Кёзлери кёкде жулдузча жылтырай,
Арпа, ашлыкъ сабанлагъа да ол къарай,
Кёлде эркин, кьундузча жюзе эд,
Жерде да кесин патчах суна эд.

Секирсе, Бештаулагъа жете эд,
Къанатлыча, ашыкъмай,
Мажар кёлге эне эд.

Къардан акъ эди
Аны юсюндеги жюню,
Буздан бек жылтырай
Алтын мюйюзлери⁹.

С золотыми рогами баран?
Белый-пребелый,
С золотыми рогами,
Желтыми-прежелтыми – очень нарядный.
Отсвет глубины его шерсти –
Словно сделанные из серебра украшения.
Шерсть его блестела, светилась,
Словно перья павлина.
Берега озера
Волновались и были беспокойны.
И нивы качались,
Радуюсь этому чуду.
Глаза его, словно звезды на небе, блестели.
На ячменные и овсяные поля он посматривал,
В озере свободно плавал, словно выдра,
И на земле чувствовал себя царем.

Прыгнув, вершин Бештау достигал,
Словно крылатый, не спеша,
К озеру Мажар спускался.

Белее снега была
Шерсть на нем,
Ярче льда блестели
Его золотые рога.

По мнению Дж. Фрезера, баран, как и козел, и бык, у многих народов мира символизировал представление о хлебном духе, в котором крылась, по мировоззрению язычников, оплодотворяющая сила природы¹⁰.

Мифосказочное существо уводит за собой на дно озера стадо Аймуша. Какие только художественно-поэтические приемы ни придумывали народные певцы, чтобы воспеть необыкновенные его атрибуты?! Он и «алтын мюйюзлю» – «золоторогий», «чыммакъ акъ» – «белоснежный», «жюню кюмюшден» – «шерсть, словно из серебра», «алтын тауукъча» – «(сияет,) словно перья павлина» и т.д.

Конфликт между пастухом Аймушем и сказочным существом носит условный характер и всецело подчинен главной сюжетной канве поэмы – раскрытию истинных, загадочных противоречий, которые заключены в архаических мотивах и сюжетах. Сталкиваются два образа: зооморфный, архаичный образ Аймуша с очеловеченным своим образом, где в конфликте зооморфное божество одерживает победу

над антропоморфным. Это дает основание утверждать, что в сознании людей до сих пор живут фольклорные тексты, в которых образ мифологического Аймуша превалирует над трансформированным, позднейшим его образом.

Нередко бывает в мифической поэзии, когда образ персонажа носит сложный характер. Это сделало неумолимое время. «Аймуш» – пожалуй, единственное произведение в карачаево-балкарском фольклоре, где данный поэтический прием показан так четко и ясно. В уже ставший традиционным образ пастуха Аймуша вкраплены древнейшие мотивы. Если в архаических сюжетах зооморфный Аймуш уводит за собой большое стадо овец в бездонное озеро Тюпсюз-кёл, то в данной песне Аймуш – человек, упорно старающийся препятствовать этому, и, вопреки своей воле, он бросается в озеро за стадом, что служит завязкой поэмы. Происходит фольклорная трансформация персонажа, когда образ Аймуша, мирского человека, растворяется в волшебном архаическом образе. Из текста видно, что вся трагедия пастуха разыгралась после того, как он однажды допустил определенное небрежение: оставил пасти свои стада малоопытному пастуху, чего, очевидно, он не должен был допустить. Эти и другие эпизоды текста свидетельствуют о значительном превалировании в нем мифологических сюжетов и сцен над очеловеченным образом Аймуша при вполне допустимых в легендах бытовых ситуациях.

Поэма-сказка заканчивается традиционной формульной развязкой, весьма характерной для карачаево-балкарских народных сказок:

Аны кёрмегенча,
Ауруу, талау да кёрмейик.
Аны ызындан аман демейик¹¹.

Как мы не видели все сказанное,
Пусть не испытаем болезни и горя.
Да не скажем об этом ничего плохого.

Поэма напоминает группу произведений мифосказочного характера карачаево-балкарского фольклора с устоявшейся сюжетной особенностью, где главные герои становятся жертвами допущенного ими недопонимания последствий своих поступков.

Тексты о Маккуруше в основном строятся на конфликте, мотивы которого, исходя из содержания произведений, носят несколько сложный, мифосказочный характер. Так, в произведении «Аймуш и Маккуруш», во всех его композиционных построениях и пространственно-временных схемах сталкиваются две непримиримые силы, которые не идут на уступки друг другу.

Текст состоит из своеобразных сюжетно-композиционных особенностей: если зачин вводит нас в место и время событий, а развитие действия подталкивает к будущему конфликту между сказочными персонажами, то в главном сюжетном ядре текста, согласно монологу, повествуется о реальном их столкновении между собой, причиной которого является соперничество в том, кто кого вытеснит с пастбищных угодий у подножья Минги-тау.

Язык и строй текста чисто фольклорные, а образные системы в основном состоят из разного рода сравнений и иносказательных формул, где наиболее ярко выделяются эпитеты и метафоры.

Так, если красота, сила и необыкновенные качества Аймуша воспеваются определительными формулами и сравнительными конструкциями «ариу акь кьочхар» – «красавец белый баран», «жюнюню ол акьлыгы ушаед Минги тауну кьарына» – «белизна его шерсти напоминала снега Минги-тау». В дальнейшем выделяются опорные словоформы «глаза», «шерсть», «рога» и т.д. Во внешности Маккуруша воспеваются его шкура, которая «блестит, словно золото», рога – «словно высохшее дерево (огромные)» и т.д.

Сюжет произведения строится на сказочных мотивах, где сталкиваются дикий и домашний животный мир: стаю волков возглавляет хищный вожак, а стерегут от него свои стада Аймуш и Маккуруш, которые в развязке текста сталкиваются у подножия Минги-тау.

Существенная композиционная функция в произведении отводится монологу, который играет весомую роль в раскрытии образов сказочных персонажей. Интерес представляет диалог между Аймушем и Маккурушем, в котором они выражают свои претензии друг к другу, ведущие, в свою очередь, к конфликту, а затем и к поединку, где с трудом побеждает Аймуш.

Произведения «Маккуруш и Кочхарбу» и «Лесной Человек и Маккуруш» опять-таки строятся на конфликтах, в которых покровитель коз по разным причинам сталкивается со своими врагами и одерживает победу над ними.

Первый текст имеет интересную присказку, которую нам рассказал в 2003 г. в сел. Булунгу, и дополнил его композиционные особенности Аппаев Магомед Баширович, сын известного сказочника Аппаева Башира Карамурзаевича, что говорит о существовании в прошлом в фольклоре, выражаясь термином В.М. Гацака, «синоптического метода»¹², когда исполнительское мастерство передавалось от отца к сыну по традиции. Знакомство с произведением показало, что присказка представляет собой интересное творение народного поэтического искусства, очевидно, созданное изначально для детей как загадка-отгадка, а затем перешедшая в сказку, как вступительный композиционный элемент текста.

Приведем данный текст в том виде, как мы его записывали в 2003 г. в исполнении М.Б. Аппаева.

Сенг, сенг, сенг бара,
Жети теке тенг бара,
Сакъалларын тарай бара,
Бир-бирлерин марай бара,
Кёкге айланып
Къарай бара,

Жерге айланып,
Жилай бара,
Теке урлугъун
Санай бара,
Ырфыкъ ызгъа жете бара,
Кырдыгындан отлай бара¹³.

Сенг, сенг, сенг – движутся,
Семеро козлов вместе движутся.
Бороды причесывая, двигаются,
Друг друга преследуя, движутся,
Взором к небесам
Обращаясь, движутся,

Оглядываясь на землю,
Рыдая, движутся,
Количество козлов
Считая, двигаются.
Достигая Млечного Пути, движутся,
Траву его съедая, движутся.

Текст строится из скрытых, латентных, тайных выразительных формул, отгадать которые не очень-то просто. Слово «сенг» является архаизмом и давно вышло из употребления в карачаево-балкарском языке, его значение трудно восстановить. Словосочетание «жети теке» – «семь козлов», как нам

объясняли, выражает понятие Большая Медведица, а термин «теке» на тайном этнографическом понятии, из содержания данного контекста, следует понимать как концепт «звезда».

Мы бы охарактеризовали данную присказку, как замечательное явление в формировании композиционной структуры карачаево-балкарской народной сказки о животных.

Повествовательные элементы и содержание этих текстов дают материал для вывода о том, что они напоминают фольклор, созданный для детей, чтобы развивать их эстетическое восприятие языка народного поэтического искусства и богатства его фантазии.

В сказке «Маккуруш и Кочхарбу» действия происходят в верховьях Чегемского ущелья. Охраняя свои стада, Маккуруш видит чудесный сон, в котором прилетевшая откуда-то огромнейшая «меке» – «бабочка» – уносит его на своих крыльях высоко в небо, но коза одолевает ее и спускается на землю, а бабочка разбивается о скалу. Маккуруш просыпается от крика о помощи козы, которая просит спасти ее козленка от волка Кочхарбу (в интерф. – «Баранодушитель»). Несколькими прыжками он настигает волка и возвращает в стадо раненого козленка.

В тексте встречается ряд реальных и мифических топонимов Чегемского ущелья. Имеет место монолог бабочки Меке и беспомощной козы.

Нам кажется, что данный текст представляет собой незавершенное творение народно-поэтического искусства сказочного характера, которое складывалось в сознании сказочника веками. Не исключено, что ряд сюжетно-повествовательных элементов в нем утерян в народной памяти. Следует учесть, что текст существует в одном варианте и мотивы его носят несколько ограниченный субэтнический характер, хотя и принято считать это вполне допустимым явлением в народном творчестве.

Сказка «Лесной Человек и Маккуруш» значительно богаче по повествовательным и сюжетно-композиционным особенностям. Он начинается небольшим вступлением, которое для карачаево-балкарских народных сказок является как бы традиционной композиционной формулой, пусть и до некоторой степени расплывчатой в временно-пространственном отношении, выполняет и роль зачина, где сохраняются индивидуальные особенности произведения:

Бурун, эртте заманда
Чегем, Холам ауузунда
Бу жомакъ жүрюгенди,
Кёпле сейир этгенди.
Маккуруш уста эди
Эчки сюрюу сакъларгъа,
Бёрю, айыу, сүлесин,
Жанлыдан кёрууларгъа¹⁴.

В давние, старые времена
В ущельях Чегема, Хулама
Бродила эта сказка,
Многие ей удивлялись.
Маккуруш был мастером
Остерегать стада коз
От волков, медведей, рысей,
От хищников их оберегать.

Как видно из контекста, типологически эти строки напоминают строки из А.С. Пушкина:

Дела давно минувших дней,
Предание старины глубокой, –

где в первом случае воспевается храбрость Руслана, а во втором зооморфное существо, наделяющееся фантастической, божественной силой и решительностью.

Затем сказочник знакомит нас с внешностью покровителя с помощью сравнительно-определятельных формул «Мюйюзлери кылышча» – «Рога, словно коромысла», «Бийиклиги, жипиде ёсген кыамишча» – «Высота, словно камыш, выросший на болоте», «Бийик эди ажирден» – «Он выше был жеребца», «Бугъадан да уллу эд» – «Был крупнее и быка» и т.д.

В последующих строках сказки повествуется о том, что у Маккуруша был давний враг, с которым он мечтал сразиться, известный как Агач Киши – Лесной Человек или Леший, который не оставлял в покое его стада, объявив себя хозяином лесных и прилесных угодий. Интересно описаны внешний вид и логово Лешего, который живет в глубокой, ледниковой пещере и выходит оберегать свои леса от нежелательных посетителей.

Маккуруш же считал себя хозяином пастбищ, начиная с Карачая, Баксана, Чегема до Хулама, где должны были пастись его стада.

Конфликт между Маккурушом и Лесным Человеком происходит однажды из-за того, что хозяин леса противится, чтобы животные паслись в его владениях. Диалог между ними носит грозный, решительный характер. Второе столкновение было роковым для обоих владык, так как, тяжело изувеченные после этого, они нигде и никогда больше не показываются.

В художественно-стилевом плане представляет определенный интерес содержание монологов обоих персонажей, в которые народ вложил и юмор, и иносказательные формулы, и высокое искусство поэтического мастерства. Так, в диалоге с Лесным Человеком однажды Маккуруш восклицает:

Сен, кылыксыз Агъач Бий,
Къайда болса, анда сий,
Ийис этдирип тегерекни!
Юркед сенден мал, эчки!¹⁵.

Ты, мерзкий Лесной Царь,
Где попало, там мочишься,
Вонь создаешь повсюду!
Избегают тебя скотина, козы!

Хотя мотивы о сохранении чистоты леса и вообще природы, возможно, проникли в фольклор несколько позднее, но, безусловно, они носят поучительный, воспитательный характер для детей, да и для взрослых.

В дальнейшем конфликт выражается в содержании их диалога, в котором противостоящие стороны грозятся жестоко покарать друг друга из-за пространственно-лесных и пастбищно-выгонных угодий. В ответ на оскорбительные слова Маккуруша, Лесной Человек отвечает, чтобы он покинул эти места, иначе последствия будут серьезные:

Болмаса уа, кыйнарыкъма,
Къолума сауут аллыкъма!
Башынгы юйюме элтип,
Бийикге тагъарыкъма!»¹⁶.

Иначе я тебя замучаю,
Возьму в свои руки оружие!
Голову твою, доставив в свое логово,
Высоко повешу!

Весьма ценную мысль высказала об этом Р.Я. Фидарова: «Важную роль в структуре сказаний имеет форма диалога, в которых обнажаются разные линии

беседующих. То есть диалог становится средством выявления разных позиций, которые могут и приводят к смертельным схваткам. Словом, диалогическая форма играет активную роль в художественно-эстетической структуре эпоса»¹⁷. Казалось бы, в этих простых, без особой выразительности строках сказочник старался передать языческий образ мышления, строящегося на воспевании того или иного мифического персонажа в зависимости от того, на чьей стороне была его симпатия. В данном случае чаша весов склоняется, как нам думается, в пользу покровителя коз Маккуруша.

Текст имеет интересную развязку. Согласно ее содержанию, Маккуруш как мифический персонаж умирает на воспетой язычниками в ритуально-обрядовой и мифической поэзии поляне Милиял Дурку, о существовании которой в реальной жизни сказочники и исполнители народных песен ничего определенного не могли сказать, т.к., искусно вписываясь в тексты обрядово-мифологической поэзии, легенд, преданий и сказок, она оставалась загадочной, как и сами многие мифо-сказочные мотивы.

Таким образом, мы рассмотрели несколько текстов сказочно-мифического характера об овце и козе на примере произведений о языческих персонажах Аймуше и Маккуруше. Они были записаны нами в Турции и балкарских селах Чегемского и Баксанского ущелий КБР.

Их обнаружение стало заметным событием в обогащении эмпирического материала по карачаево-балкарской устной словесности. Нет сомнения в том, что время наложило на них отпечаток и они подверглись значительной деформации, – это прослеживается как в их композиционной структуре, лексике, так и в особенностях строя произведений. Здесь следует вспомнить и Фатиму, дочь покровителя охоты и благородных зверей Апсаты, предстающую перед охотниками в образе белой оленихи или дикой козы, которая своей коварной речью завлекает охотников на отвесную скалу, откуда им не удастся выбраться.

В карачаево-балкарском фольклоре существует также и ряд других сказок об овце и козе. Они в основном связаны с хозяйственно-бытовой деятельностью сельской общины. Это такие произведения сказочной прозы, как «Овца и коза», «Козленок и ослик», «Как коза обманула овцу», «Козленок» и т.д., в которых дается народное представление о них: овце традиционно отводится роль честного и послушного персонажа в животном мире, а коза, заботливая мать, не лишена лицемерия, лжи и коварства.

Исследуя образ Аймуша в эволюции, автор данной рукописи в другой своей работе писал: «Любопытно, что в песне произошла демифологизация, амбивалентность, т.е. раздвоение образа божества»¹⁸.

Вкратце таковы мотивы о покровителях овцы и козы в карачаево-балкарской сказочной прозе и поэзии Аймуше и Маккуруше.

Примечания

1. *Караяева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука, 1966. С. 17–21.
2. *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 25–28.
3. *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарская народная сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. С. 104–108.
4. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. Мотивы о Змее и Лисе. Композиция // Вестник ИГИ КБНЦ РАН. Нальчик, 2014. Вып. 4 (23). С. 99–116.
5. *Он же.* Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 46–57.
6. *Пропт В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 149.

7. *Малкондуев Х.Х.* Устная словесность как духовный источник карачаево-балкарской диаспоры // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик: ИГИ ПКБР и КБНЦ РАН, 2000. С. 118.
8. Там же. С. 119.
9. Там же. С. 121–122.
10. *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. М., 1984. С. 306–307.
11. *Малкондуев Х.Х.* Устная словесность... С. 123.
12. *Гацук В.М.* Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении // Международный съезд славистов. М.: Наука, 1973. С. 286–306.
13. Материалы научной экспедиции КБИГИ. 2013 г.
14. Материалы научной экспедиции КБИГИ. 1976 г.
15. Там же.
16. Там же.
17. *Фидарова Р.Я.* Роль эстетических категорий в формировании художественного мира нартовского эпоса // Нартоведение в XXI в.: современные парадигмы и интерпретации. Вып. II. Владикавказ: СОИГСИ РАН, 2013. С. 313.
18. *Малкондуев Х.Х.* Устная словесность... С. 222.

Н.Н. Malkonduev

**KARACHAY-BALKARIAN NATIONAL FAIRY-TALES
ABOUT ANIMALS. MOTIVES ABOUT THE SHEEP AND THE GOAT –
(AYMUSH AND MAKKURUSH)**

For the first time in karachay-balkarian folklore composite features and the motives connected with mythical characters of Aymush – by the patron of sheeps and Makkurush – the patron of goats are considered. A number of the materials singing their myth-fantastic images that will present doubtless interest in research of folklore and ethnography of people of Caucasus is entered into a scientific turn.

Keywords: a composition, the conflict, Aymush, Makkurush, a monologue, a fairy-tale, a mythical image, a narration, motive, the character.

РЕЦЕНЗИИ

Б.Х. Бгажноков

БОЛЬШОЙ ВКЛАД В МИРОВУЮ ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ НАУКУ

Рецензия на коллективную монографию «Осетинская этнографическая энциклопедия» / Гл. ред. и сост. Л.А. Чибиров. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. – 686 с., илл.

Осетинская этнографическая энциклопедия, изданная в 2013 г. во Владикавказе, не имеет аналогов в мировой этнографической науке.

Высокой оценки заслуживает сама идея, а также хорошо продуманная внутренняя организация этого необычайно сложного труда объемом 95,5 учетно-издательских листов. С одной стороны, перед нами расположенные в алфавитном порядке словарные статьи, насчитывающие более 4 тыс. единиц. А с другой – представленная в этих статьях широкая панорама культурной истории осетинского народа.

Связанная изначально с ариями, с ираноязычными скифами и сарматами история осетин является одновременно отражением сложной истории Кавказа. Мы видим, что осетинская культура во всех основных компонентах является продолжением и развитием общекавказских традиций. Это касается не только различных форм первичного производства и жизнеобеспечения. В еще большей степени дает о себе знать развитие кавказского начала в самобытной соционормативной и гуманитарной культуре народа.

Благодаря большому числу статей, посвященных материальной и духовной культуре, можно узнать и зримо представить, как было организовано хозяйство осетин, как устроены их поселения и жилища, каким правилам подчинялось поведение в общественных местах и в семейном быту. Развернутые статьи посвящены традициям, связанным с животноводством, с производством зерновых и других земледельческих культур, со способами их возделывания, уборки, хранения, переработки. В большом количестве представлены характеристики основных земледельческих орудий и хозяйственных построек. Хорошо показана культура питания осетин, разнообразие различных видов повседневной и обрядовой пищи и напитков, будничных и праздничных пиршеств и блюд.

Смотри статьи: *фосдарынад* (животноводство), *хугъ* (корова), *гал* (бык), *фыс* (овца), *дзывыр* (соха), *гутон* (плуг), *пахци* (борона), *куырой* (мельница), *хъуылаг* (маслобойка), *армгуырай* (зернотерка), *скат* (хлев), *хордон* (зернохранилище), *дзул* (хлеб), *басылта* (фигурные обрядовые хлебцы), *баганы* (пиво), и др.

Подробно описаны основные и общие для Кавказа социальные институты: патронимия, взаимопомощь, кровная месть, аталычество, гостеприимство, куначество и др. Много внимания уделено традиционной системе и терминологии родства, вопросам происхождения отдельных родов и фамилий. В тесной связи с социальной организацией традиционного осетинского общества рассматриваются традиционные календарные праздники, разнообразие этические понятия и правила этикетного поведения (благодарность, уважение к женщине, уважение к старшим и др.). Особое внимание уделено различным, в том числе и ранним, формам религии, традиционным верованиям и обрядам, включая многообразные языческие элементы и системы зороастризма, христианской и

мусульманской религий. Дается подробное описание похоронно-погребальных и поминальных обрядов; традиций, связанных с почитанием гор, деревьев, древних захоронений и т.д.

Одно из центральных мест занимает в Энциклопедии героический эпос «Нарты». Читатель может найти здесь описание и характеристику всех основных сюжетов и персонажей нартского эпоса, имена сказителей и собирателей фольклора, благодаря которым удалось сохранить и передать новым поколениям яркие образы и картины жизни древних героев эпоса. С Нартиадой связаны во многом тематические разделы, посвященные военному быту, военной и всаднической культуре. В числе самых интересных и хорошо подготовленных в энциклопедии – материалы, так или иначе отражающие традиционную воинскую культуру осетин. Среди них статьи под названием *кард* (меч), *фат* (стрела), *арц* (копье), *конь* (бах), *бахфалдисын* (посвящение коня), *бахыл бадгайа хазтыта* (джигитовка), *бал* (дружина), *балу* (военное предприятие) и др.

Богато и разнообразно представлены многие другие традиционно-этнографические сюжеты: этническая география и топонимия, народная медицина и народное искусство, народная философия и психология. Каждый из этих разделов детально расписан. Большое научное, познавательное значение имеют включенные в Энциклопедию названия гор, равнин, рек, соседних народов в Нартском эпосе. Упоминается народ под названием чынта, живший далеко от нартов и говоривший на хатиагском (хаттском, хеттском ?) языке. Полезная информация содержится в традиционных названиях ущелий, обществ и населенных пунктов Осетии, в подробных описаниях этих обществ. В ряде случаев рассматривается происхождение (этимология) топонимов, этнонимов, гидронимов и других названий. Прослеживается связь этих названий с древнеиранскими наречиями, с языками других народов, тесно контактировавших с осетинами.

Характерное для авторов энциклопедии внимательное отношение к деталям, к различным вариантам, нюансам и связям этнической культуры является отражением и развитием лучших черт мировой этнографической науки. Это большая удача творческого коллектива Энциклопедии. Насколько я понимаю, Осетинская этнографическая энциклопедия – результат хорошо продуманного этнолингвистического подхода к ее написанию, при котором в основу исследования положен природный осетинский язык с его богатством, способностью передать сложный мир фактов и отношений народной культуры. Благодаря этому открывается возможность показать всю полноту и сложность взаимодействия слова с его значением, с национально-культурной спецификой означаемого в языковом знаке.

В силу этих причин достойное место в энциклопедии находят не только традиционно-этнографические, историко-культурные термины, такие как кровная месть (тугисын), система родства (хастагдзинал), сидение мертвецов (баданта), священная роща (дзуары хъад) и т.п., но и большой список обычных слов, наполненных дополнительными историко-культурными смыслами. Мы узнаем об этнокультурном содержании таких слов, как *огонь*, *двор*, *ива*, *железо*, *луна*, *просо*, *уголь*, *зола* и др. В частности, огонь помимо его чисто практического значения и использования, воспринимался как «самый чистый и почитаемый дух», требующий приношений в виде кусочков мяса, ломтиков хлеба, хмельных напитков. С огнем связано много других поверий, обычаев и обрядов, поэтому словарная статья, посвященная этой стихии (автор статьи Л.А. Чибиров), велика по объему и является по существу относительно самостоятельным исследованием.

Другой аналогичный пример – словарная статья под названием *Барагбон* «праздник», «приметный день» (автор А.А. Хадикова). Подчеркивается, что это сложное культурное мероприятие, связанное с религиозным осмыслением этапов жизненного пути. И отсюда важное место в нем тостов, молитв. В то же время

перед нами эстетическое зрелище, в котором особенно выделяются танцы и песни. Наконец, праздник – это действо, связанное с прорывом к удаче, что особенно ярко выражено в состязаниях наездников.

Большое число таких сравнительно крупных статей превращает Энциклопедию в серьезный научный труд, который включает в себя не только традиционно-этнографические сведения и сюжеты, но и данные смежных научных дисциплин – языкознания, фольклористики, искусствоведения, культурологи, истории науки.

Важное познавательное и сугубо научное значение имеют содержащиеся в работе названия местностей, племен, различных видов растительного и животного мира, осетинских обозначений звезд и созвездий и т.д. То же относится к названиям деталей одежды, орудий труда, домашней утвари, традиционных танцев, праздников, музыкальных инструментов, праздничных и похоронно-поминальных блюд и угощений и т.д. Использование ассоциирующихся с этими названиями дополнительных сведений, значений, примет, поверий, рассказов, легенд позволяет лучше представить богатую историю и яркую картину мира осетинского народа.

Например, в Энциклопедии отражено множество реалий культурной жизни, связанных с именем Хетаг. По легенде, это один из внуков кабардинского князя Инала. Именем Хетага названа местность в Алагирском ущелье у сел. Нар (Хетаджи Бадан), фамильное святилище Газзаевых в окрестностях сел. Комсомольское (Хетаджи дзуар), молельни в сел. Карджин, Коста, Нижний Саниба (Хетаджи куывддон), священная роща к северу от сел. Суадаг (Хетаджи кьох). Кроме того, Хетаг признан родоначальником знатной фамилии Хетагуровых, в том числе и прародителем (в десятом поколении) Коста Хетагурова.

Наличие таких, повторяющихся и переходящих из одной статьи в другую названий, нисколько не затрудняет, а напротив, облегчает восприятие и понимание заключенного в каждом слове содержания. В том же направлении действуют и указатели, которыми снабжена Энциклопедия: 1) указатель фольклорно-этнографических терминов и понятий на русском и осетинском языках, 2) указатель географических названий, 3) указатель этнических и социальных терминов с русским и осетинским эквивалентами. Такое дополнение облегчает и ускоряет поиск нужной информации в Энциклопедии, позволяет вникнуть в связи и отношения между понятиями.

В заключение отметим, что почетное место отведено в Энциклопедии авторам, труды которых оставили большой след в истории этнографического изучения осетин. Среди них имена дореволюционных исследователей: А.М. Шегрен, В.Ф. В.Б. Пфаф, В.Ф. Миллер, К.Л. Хетагуров, М.М. Ковалевский, Д.Т. Шанаев и др. Развернутые статьи посвящены плеяде блестящих ученых советского периода: В.И. Абаеву, Г.А. Кокиеву, М.О. Косвену, Е.И. Крупнову, А.И. Робакидзе, Е.Н.Студенечкой, Б.А.Калоеву и др.

Объективно и по праву в одном ряду с ними стоит имя крупного российского этнолога, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Людвигу Алексеевичу Чибирова – идейного вдохновителя, руководителя и главного редактора Энциклопедии. Опираясь на помощь и всестороннюю поддержку директора Северо-Осетинского института гуманитарных исследований Залины Владимировны Кануковой и совместно с ней, Людвигу Алексеевичу удалось выработать концепцию Энциклопедии, правильно подобрать авторский коллектив и состав редакционной коллегии. Это стало залогом успеха работы. Выполненная в соответствии с требованиями исторической науки, а главное – талантливо, с душой, с большим и глубоким знанием материала, Осетинская этнографическая энциклопедия вошла в золотой фонд кавказоведения, российской и мировой науки.

Успех осетинских коллег должен стать хорошим примером для дальнейших исследований. Следует инициировать и всячески поддерживать создание аналогичных трудов, позволяющих кавказоведению и российской этнологии в целом выйти на новые научные рубежи.

В.А. Фоменко

**НОВЫЙ ШАГ К ПОЗНАНИЮ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ КАВКАЗА**

Рецензия на монографию А.В. Сивера «Этническая история шапсугов Причерноморья». – Краснодар, 2014. – 191 с., илл., карты.

Несмотря на то, что данная работа – не первое монографическое сочинение автора по этнической истории шапсугов, актуальность ее не вызывает сомнений. В первых строках Введения автор заявляет, что «адыги в целом и шапсуги в частности представляют собой достойное всестороннего проблемного изучения явление». И объясняется это не столько тем, что «исторические земли черноморских горцев были избраны местом великого спортивного торжества – XXII зимних Олимпийских игр», но в большей степени тем, что генезис и история адыгского этноса, который А. Сивер называет «суперэтносом», (а в его рамках – шапсугской этнической группы), действительно представляют интерес с точки зрения историографии. Автор попытался привлечь множество разнообразных источников: сведения авторов I–XX вв. (от Страбона до Хан-Гирея, Л.И. Лаврова и мн. др.), летописный, архивный, даже легендарный, а также археологический и этнографический материал, включая собственный полевой. И все это необходимо для того, чтобы выяснить механизм процессов, «в результате которых прибрежные горцы Северо-Западного Кавказа в течение тысячелетия из зихов через абазов превратились в шапсугов».

Первая глава «Вопросы и ответы» носит методологический характер. А. Сивер подробно рассматривает существующие варианты этнологических теорий и, приходя к выводу об их неспособности полноценно ответить на все вопросы, возникающие в связи с изучением этноса, предлагает собственную, одну из «компромиссных». В ее основе, как и следует ожидать, лежит тезис о решающей роли этнического самосознания, но по ходу этнической истории может меняться как само самосознание, так и его основания. Отсюда и вариативность теоретических выводов у разных исследователей. В этой же главе автор ставит вопрос об исходной точке этногенеза собственно адыгов, когда можно начать говорить о начале формирования непосредственно адыгской общности. Существующие версии о восхождении этногенеза адыгов к древним хатам, майкопской и дольменной культурам А. Сивера не удовлетворяют. Он поднимает историческую планку до I в. н.э., когда, по его расчетам, в Причерноморье появляются зихи.

Вторая глава исследовательского сочинения так и называется «Зихия». Каждый из ее параграфов посвящен тому или иному аспекту изучения ранней истории адыгов. Прежде всего, это вопрос дешифровки ключевых для этой истории этнонимов «зихи» «касоги» «черкесы» и «адыги». Автор анализирует множество вариантов этимологии этих слов и предлагает собственные, делая вывод, что все они изначально играли «собирательную» роль. Он, например, указывает на возможную связь внутри пар этнонимов «зихи/адыги» и «касоги/черкесы», а также на вероятность того, что слово «адыги» изначально было экзоэтнонимом, которым касоги и зихи называли друг друга, после объединения ставшее общим самоназванием (в доказательство даже приводится пример термина «украинец»). Далее обращается внимание на археологический аспект; здесь А. Сивер полемизирует с достаточно артикулированной теорией, базирующейся на археологических данных, о тюркском происхождении касогов. Наконец, автор обстоятельно анализирует

«Иналову легенду», т.е. повествование о первопредке адыгских владетелей (чей образ ему представляется собирательным), содержащее, как кажется А. Сиверу, известие о времени консолидации адыгов. Предположив, что эта консолидация выразилась в формировании «державы Инала I», А. Сивер относит время ее существования к концу I тыс. н.э. начиная с X в., когда, утверждает А. Сивер, происходит процесс «феодальной раздробленности», приводящий к образованию не только новых княжеств, но и новых племен.

Однако, замечает А. Сивер, «не все зихи приняли участие в интеграции адыгов, во всяком случае, не все в равной степени». В главе III «Абаза» А. Сивер рассматривает проблему, уже изученную им в предыдущем монографическом труде. А именно – причины того, что шапсуги, а также бжедуги, мохоши, жанеевцы, не говоря уже о натухайцах и абадзехах, воспринимались в самой Черкесии как «абазы». Автор правильно указывает на наличие самоназвания «агучипс», которым шапсуги и натухайцы выделяли себя из общеадыгского этнического массива, в то время как остальные адыги выделяли вышеперечисленные племена термином «абазэ». Автором подробно рассматривается проблема статуса адыгского племени и делается вывод, что в основном такое «подразделение адыгского массива» воспринималось как общность прежде всего родственного либо территориального характера. На большом и достаточно убедительном материале показано наличие абазинских элементов в языке, материальной культуре, религии шапсугов. Абсолютно справедливо в отдельную тему выделен вопрос о соотношении этико-правовых комплексов Адыгагэ и Апсуара («адыгство» и «абхазство»). Совершенно верно делается вывод, что Адыгагэ и Апсуара выполняли и выполняют важную интегрирующую роль; определяют необходимость соблюдения нравственных норм для того, чтобы считаться членом данного социума. В трудах по истории и этнографии Кавказа, а также и в сознании самих адыгов демократическое социальное пространство было четко противопоставлено аристократическому социальному пространству, на чем автор совершенно правильно акцентирует свое внимание. В заключении данной главы А. Сивер снова анализирует сочетание этнонимов «адыги» и «абазы», теперь уже с точки зрения письменных и картографических источников, приходя к выводу, что в этом случае «адыгами» назывались те территориальные и этнокультурные группы, которые входили в орбиту адыгской княжеской системы, а те, кто в этой системе задействован не был, определялись как «абазы».

Важный вывод этой главы – вывод о пограничности состояния шапсугов, бывших одновременно периферией и для адыгского, и для абазского социальных, культурных и политических пространств (автор даже применяет термин «фронтир»). Однако тут же указано, что события XVIII–XIX вв. сделали необратимой интеграцию шапсугов в адыгскую общность.

Глава IV «Шапсугия» описывает участие шапсугов уже во внутриадыгской интеграции. Основным «катализатором» этих процессов А. Сивер полагает Кавказскую войну. Он делает совершенно объективный вывод, что военные действия со стороны горцев в ходе Кавказской войны носили ответный характер. Также А. Сивер обращает внимание на судьбу изгнанников-мухаджиров и пытается обосновать причины их стремительной ассимиляции, одновременно подчеркивая, что она не сопровождается утратой адыгского самосознания. Далее следует анализ этнической истории шапсугов в период после Кавказской войны, когда их оставалось на Черноморском побережье всего около 2–3 тысяч против 200–300 тысяч до Кавказской войны. Автор прослеживает, как в совершенно новых и необычайно трудных условиях протекала этническая самоорганизация и самореализация шапсугов. Рассматривается движение 20–30-х гг. XX в. за суверенизацию и автономизацию Шапсугии. Наконец, с позиций современной этнологической науки рассматривается широко развернувшееся в последние 15 лет минувшего столетия

движение за восстановление Шапсугского национального района и другие формы самоопределения. Попутно А. Сивер пытается ответить на сопутствующие важные вопросы – например, о реальной численности причерноморских шапсугов (обращаясь к материалам переписей 2002-го и 2010 гг.).

Следует отметить, что при этом А. Сивер обнаруживает не только необходимую для каждого ученого объективность, но и «сочувственную объективность», которая, по-моему, должна стать ведущей в современной гуманистической этнологии.

Хотя на первый взгляд монография выглядит компиляцией разных тем, при внимательном прочтении становится ясен общий сюжет и подчиненность общей цели. В результате во введении автор может представить собственную, достаточно аргументированную картину древнейшей, средневековой, новой и современной этнической истории горцев Черноморского побережья Кавказа, которая, к тому же, кажется А. Сиверу «поучительной». Работа производит впечатление самостоятельной, основательной и может быть опубликована в качестве научного монографического издания.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бубенок Олег Борисович, д.и.н., профессор, зав. отделом Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины.

01001, Украина, г. Киев, ул. Грушевского, 4

Тел. +3 (8044) 279-34-40

E-mail: helgebub@i.ua

Шаов Азамат Русланович, аспирант сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-721-52-84

E-mail: shaovazamat88@mail.ru

Чочиев Георгий Витальевич, к.и.н., старший научный сотрудник отдела источниковедения Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН.

362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Тел. +7-962-744-22-12

E-mail: georg-choch@yandex.ru.

Асанов Юрий Нухович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Ленина, 17, кв. 5

Тел. 8 (8662) 42-70-40

E-mail: kbigi@mail.ru.

Мирзоев Асланбек Султанович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории отдела истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-24-53

E-mail: marzeibach@mail.ru

Табаксоев Ибрагим Ахматович, к.социол.н., научный сотрудник Центра социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2

Тел. +7-909-492-21-52

E-mail: tabaksoev1982@list.ru

Аппоев Алим Каншауович, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-75

E-mail: appoev74@mail.ru

Качалаева Мадина Алимсолтановна, соискатель Дагестанского государственного университета.

360024, г. Нальчик, ул. Ашурова, 32

Тел. 8 (8662) 42-52-75

E-mail: appoev74@mail.ru

Карданов Мусадин Латифович, к.ф.н., зав. кафедрой кабардино-черкесского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел.: +7-905-436-08-12

E-mail: musadin07@mail.ru

Шакова Марьяна Кужбиевна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 77-13-09

E-mail: kbigi@mail.ru

Малкондуев Хамид Хашимович, д.ф.н., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н., зав. сектором археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: kbigi@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bubenok Oleg Borisovich, Doctor of History, professor, the head of Eurasian Steppes department of Institute of Oriental Studies named after A.E. Krymsky of NAS of Ukraine (Kiev).

4 Grushevsky Street
Ukraine, Kiev 01001
Ph. +3 (8044) 279-34-40
E-mail: helgebub@i.ua

Shaov Azamat Ruslanovich, graduate student of sector Ethnology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-721-52-84
E-mail: shaovazamat88@mail.ru

Chochiev Georgy Vitalevich, Candidate of History, senior research fellow Department of Source North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaeva Vladikavkaz Scientific Center RAS.

10 Mira Avenue
Vladikavkaz 362040
Ph. +7-962-744-22-12
E-mail: georg-choch@yandex.ru

Asanov Yuriy Nuhovich, Candidate of History, senior research fellow at sector of ethnology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

17 Lenin Street, 5 app.
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-70-40
E-mail: kbigi@mail.ru

Mirzoyev Aslanbek Sultanovich, Candidate of History, senior research fellow department of Medieval and Modern History of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-24-53
E-mail: marzeibach@mail.ru

Tabaksoev Ibragim Ahmatovich, Candidate of Sociology, staff scientist of the Center of socio-political researches of KBSC of the Russian Academy of Sciences.

2 Balkarov Street
Nalchik 360000
Ph.: +7-909-492-21-52
E-mail: tabaksoev1982@list.ru

Appoev Alim Kanshauovich, Candidate of Philology, associate professor, senior research fellow at sector of karachay-balkarian language of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-75
E-mail: appoev74@mail.ru

Kachalaeva Madina Alisultanovna, the competitor of the Dagestan State University.

32 Ashurov Street
Nalchik 360024
Ph. 8 (8662) 42-52-75
E-mail: appoev74@mail.ru

Kardanov Musadin Latifovich, Candidate of Philology, head of the department of kabardino-circassian language of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360000
Ph. +7-905-436-08-12
E-mail: musadin07@mail.ru

Shakova Maryana Kuzhbievna, Candidate of Philology, senior research fellow at kabardian literature department of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research.

18 Pushkin Street
360000 Nalchik
Ph.: 8 (8662) 77-13-09
E-mail: kbigi@mail.ru

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philology, head of Karachay-Balkar folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head at department of archeology and ethnology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, head at sector of archeology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Подписано в печать 13.11.2015
Усл. печ. л. 9

Формат 70х108 $\frac{1}{16}$
Тираж 100 экз.
Цена свободная

Гарнитура Таймс
Заказ № 142

Учредитель: ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова*
Корректор *Л.О. Тамазова*